

РОБЕРТ
МАККАММОН

Мастер, который завораживает
читательскую аудиторию каждой фразой.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

КУСАКА

The Big Book

Роберт Маккаммон

Кусака

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Кусака / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус», 1988 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20973-2

В техасском городке стоит такая жара, что его название Инферно кажется совершенно оправданным. Он пустеет с каждым днем, люди уезжают отсюда в поисках лучшей жизни... и правильно делают, потому что однажды в Инферно начинается самый настоящий ад. Из иного мира является охотник, безжалостный хищник, наделенный нечеловеческим разумом, не знающий ни страха, ни поражения. Ему нет никакого дела до землян, он идет по следу беглеца – хранителя, принявшего облик кого-то из местных жителей, которым придется сплотиться против наступающего ужаса, иначе каждого из них поодиночке настигнет страшный конец. Динамичный, головокружительный хоррор от Роберта Маккаммона, лауреата премии Брэма Стокера!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20973-2

© Маккаммон Р., 1988

© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	60
Глава 12	67
Глава 13	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Роберт Маккаммон

Кусака

© Е. Ю. Александрова, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джону и Терезе

Мотоцикл с ревом вырвался за пределы Окраины, унося белокурого паренька и темно-волосую девушку прочь от оставшегося позади ужаса.

В лицо пареньку, крутясь, летели дым и пыль, он остро чувствовал запах крови и собственного взмокшего от страха тела. Девушка, дрожа, прижималась к нему. Они мчались к мосту, но фара у мотоцикла была разбита, и парнишка правил наугад, с трудом ориентируясь в сочившемся сквозь клубы дыма тусклом фиолетовом сиянии. В горячем воздухе тянуло гарью, повсюду чувствовался запах тяжелого боя.

Мотоцикл подпрыгнул, и мальчик понял, что они въехали на мост. Бетонные обочины сузились, он сбавил скорость и свернул, чтобы разминуться с колпаком, потерянным, должно быть, одной из тех машин, что недавно промчались на другой берег, в Инферно. То, чему ребята стали свидетелями несколько минут назад, не шло у них из головы, и девочка со слезами на глазах часто оглядывалась, повторяя имя брата.

«Почти проскочили, – подумал парнишка. – Прорвемся! Про...»

Прямо перед ними в дыму неожиданно что-то появилось.

Парнишка тормознул и начал выруливать вбок, но понял: времени слишком мало. Столкнувшись с возникшей на дороге фигурой, мальчик потерял управление. Он выпустил руль, почувствовал, что девушка тоже слетела с мотоцикла, потом перекувырнулся в воздухе и заскользил, немилосердно обжигаемый трением.

Он лежал, свернувшись клубком, хватая ртом воздух, и, стараясь не потерять сознания, думал: «Бормотун. Бормотун... заполз на мост... и мы на него наскочили».

Мальчик попытался сесть, однако он был еще слишком слаб. Левая рука ныла, но пальцы двигались – хороший признак. В груди болело так, словно он наглотался осколков бритвы, а еще хотелось спать – закрыть бы глаза и плюнуть на все... Но мальчик не сомневался: тогда уж он точно больше не проснется.

Запахло бензином, и парнишка сообразил, что у мотоцикла пробит бак. Через пару секунд раздался взрыв, замерцало оранжевое пламя. На землю с грохотом посыпались куски металла. Задыхаясь, он встал на колени и в свете огня увидел девушку, лежавшую на спине примерно в шести футах от него, разбросав руки и ноги, как сломанная кукла. Рот ей заливала кровь, текшая из нижней разбитой губы, на щеке красовался багровый синяк. Но девушка дышала, и, когда прозвучало ее имя, веки затрепетали. Мальчик попытался приподнять ей голову, но нащупал какой-то желвак и решил, что лучше пока не трогать.

А потом он услышал шаги, стук башмаков: один цокал, второй шаркал.

С бешено бьющимся сердцем мальчик вскинулся. Со стороны Окраины к ним кто-то ковылял. На мосту горели ручейки бензина, но существо двигалось сквозь огненные потоки, не останавливаясь, не замечая, как тлеют отвороты джинсов. Оно было горбатое – нелепая,

злая пародия на человека, – а когда подошло поближе, мальчик увидел полный зубов-иглок, искаженный кривой ухмылкой рот.

Парнишка попытался загородить девушку своим телом. Шаги приблизились: цок-шарк, цок-шарк. Мальчик привстал, чтобы дать отпор, но боль пронзила его насквозь, не давая вздохнуть, и он опять повалился на бок, чуть дыша.

Добравшись до них, горбатое ухмыляющееся существо остановилось и уперло взгляд себе под ноги. Потом пригнулось, и над лицом девушки скользнула рука с металлическими зазубренными ногтями.

Силы оставили мальчика. Металлические когти вот-вот размозжат девушке голову, съедут мясо с костей – он и глазом не успеет моргнуть.

И парнишка понял, что в эту долгую страшную ночь спасти ей жизнь может только одно...

Глава 1

Рассвет

Вставало солнце. В призрачных дрожащих волнах жаркого марева расплзались по норам ночные твари.

Пурпурный свет обзавелся оранжевым отливом. Тускло-серый и уныло-коричневый оттенки отступали под натиском густо-малинового и желтизны жженого янтаря. От напоминавших печные трубы кактусов и высокой, до колен, полыни протянулись лиловые тени, а на грубо обтесанных глыбах словно засветилась алая боевая раскраска апачей. Отблески утра смешались и растеклись по канавам и трещинам в неровной шероховатой земле, заискрились румяной бронзой в узкой извилистой ленте Снейка.

Когда свет начал набирать силу и от песков пустыни поплыл едкий запах зноя, мальчик, спавший под открытым небом, разлепил глаза. Тело одеревенело; несколько минут паренек лежал, глядя, как безоблачная высь заполняется золотом, и вспоминал сон – что-то про отца, пьяно выкрикивавшего его имя, с каждым разом коверкая все сильнее, пока оно не стало походить на ругательство. Как правило, сны мальчика нельзя было назвать хорошими, а уж те, в которых куражился его отец, и подавно.

Парнишка сел, подтянув колени к груди, опустил на них острый подбородок и стал смотреть, как над зубчатыми кряжами, далеко на востоке, за Инферно и Окраиной взрывается солнце. Восход всегда ассоциировался у него с музыкой, и сегодня он услышал неистовый грохот воющей в полную силу гитары-соло из «Iron Maiden»¹. Ему нравилось здесь спать, пусть даже затекали мышцы, ведь он любил одиночество и краски раннего утра в пустыне. Через пару часов, когда солнце начнет припекать всерьез, пустыня станет пепельной и, ей-ей, можно будет услышать, как шипит воздух. Если в середине дня не найти тени, Великая Жареная Пустота испечет твои мозги, превратив их в шелестящую золу.

Но пока хорошо: воздух остается мягким и все сохраняет иллюзорную красоту – пусть это и ненадолго. В такие моменты мальчику удавалось представить себе, будто он проснулся за тридевять земель от Инферно.

Парнишка сидел среди тесно нагроможденных камней, на плоской верхушке большого валуна, своими округлостями напоминавшего кресло-качалку. Валун густо покрывали нанесенные краской из баллончика граффити: непристойные рисунки и лозунги вроде «Хрен в зубы гремучкам». Все это скрыло от глаз остатки индейских пиктограмм трехсотлетней давности. Валун стоял на вершине холма высотой в сотню футов, заросшего жесткой щетиной из кактусов, мескито и полыни. Обычно мальчик спал именно здесь – с этой выгодной позиции были четко видны границы его мира.

На севере отчетливо чернела прямая полоска: это шоссе под номером 67, появившись из техасских равнин, как бы срезало у Инферно бок, на две мили превращаясь в Република-роуд, пересекало мост через реку Снейк и, миновав убогую Окраину, снова становилось трассой под тем же номером, чтобы исчезнуть на юге, где среди раскаленной пустыни высились горы Чинати. Насколько хватало глаз, на дороге ни души, только над валявшейся у обочины падалью – броненосцем, песчаным кроликом или змеей – кружили стервятники. Птицы то и дело плавно снижались за добычей, и паренек пожелал им приятного аппетита.

К востоку от Качалки простирались плоские перекрещивающиеся улочки Инферно. Среди приземистых кирпичных зданий центрального, «делового» района расположился маленький прямоугольник Престон-парка с крохотной белой эстрадой, коллекцией кактусов,

¹ «Iron Maiden» – британская хеви-метал-группа, популярная в начале 1980-х.

высаженной городским Советом по благоустройству, и белым мраморным ослом в натуральную величину. Парнишка тряхнул головой, достал из внутреннего кармана выгоревшей джинсовой куртки пачку, закурил первую сигарету. «Идиотское везение, – подумал он. – Прожить жизнь в городе, названном в честь осла». Опять-таки скульптура обнаруживала изрядное сходство с мамашей шерифа Вэнса.

Выстроившиеся вдоль улиц Инферно деревянные и каменные дома отбросили на песчаные дворы и растрескавшийся от жары бетон лиловые тени. На Селеста-стрит, над стоянкой подержанных автомашин Мэка Кейда, обвисли многоцветные пластиковые флажки. Стоянку ограждала восьмифутовая изгородь из металлической сетки, поверх которой шла колючая проволока. Большой красный плакат призывал: «ВЕДИТЕ ДЕЛА С КЕЙДОМ, ДРУГОМ РАБОЧЕГО ЛЮДА!» Парнишка догадывался, что эти машины, все до единой, собраны из частей краденых автомобилей; самая приличная колымага не смогла бы проехать и пятисот миль. Еще Кейд активно снабжал мексиканцев наркотиками. Впрочем, продажа подержанных машин приносила Кейду деньги лишь на карманные расходы – свой настоящий бизнес Мэк делал в иной области.

Еще восточнее, там, где Селеста-стрит пересекалась с Брасос-стрит, на краю парка, отражая огненный шар солнца, оранжево сияли окна Первого техасского банка. Три этажа делали его самой высокой постройкой в городе, если не считать видневшегося на северо-востоке серого экрана «Старлайта» – кинотеатра под открытым небом. Бывало, усевшись здесь, на Качалке, Коди бесплатно смотрел фильм, выдумывая свои диалоги, ерничая, дурачась, – словом, развлекался в свое удовольствие. «Да, времена и впрямь меняются», – подумал мальчик. Он затаился и выпустил пару колечек дыма. Прошлым летом кинотеатр закрыли, обеспечив пристанищем змей и скорпионов. Примерно милей севернее «Старлайта» стояло небольшое блочное здание с крышей, похожей на коричневый струп. Парнишка видел, что засыпанная гравием стоянка пуста, но знал: около полудня она начнет заполняться. Клуб «Колючая проволока» был единственным заведением в городе, приносившим доход. Пиво и виски сполна утоляли боль и обиды.

На световом табло, расположенном на фасаде банка, высветились цифры: 5:57. В следующее мгновение надпись изменилась и сообщила температуру воздуха – 78 градусов по Фаренгейту. На четырех светофорах Инферно замигал желтый предупредительный сигнал, но все они моргали вразнобой.

Мальчик не знал, стоит ли идти сегодня в школу. Возможно, вместо этого он прокатится по пустыне туда, где дорога сходит на нет, или наведается в зал с игровыми автоматами и попытается превзойти собственные достижения на «Метком стрелке» и «Пришельцах из галактики». Он посмотрел туда, где за Репаблика-роуд виднелись средняя школа имени У. Т. Престона и Инфернская бесплатная начальная школа – два приземистых длинных кирпичных здания, напоминавшие парнишке тюрьму, какой ее изображают в кино. За средней школой располагалось футбольное поле, на котором давным-давно выгорела скудная осенняя трава. Ни новой травы, ни новых матчей этому полю не видать. «Все равно, – подумал мальчик, – престонские „Истинные патриоты“ выиграли только два матча за сезон и заняли в округе Прездидио последнее место. Только кого это колышет?»

Вчера он прогулял, а завтра, в пятницу, 25 мая, старшеклассники учатся последний день. Пытка выпускными экзаменами осталась позади, и мальчика вместе со всем классом ожидало прощание со школой... если удастся сдать задание по труду. Значит, на сегодня, пожалуй, стоит сделаться паинькой и отсидеть последние уроки или хотя бы заглянуть в школу, узнать, что происходит. Может, Танку, Бобби Клэю Клеммонсу или еще кому захочется свалить куда-нибудь порычать моторами; не исключено также, что потребуется вложить ума сволочным мексикашкам. Если так, он будет счастлив пойти этим поганцам навстречу, честное слово.

Светло-серые глаза мальчика сузились. Когда Коди смотрел на Инферно вот так, сверху вниз, ему становилось тревожно, охватывали злость и раздражение, словно зудела болячка, которую невозможно почесать. Он решил, что причина кроется в многочисленных тупиках. Кобре-роуд длиной в восемь миль пересекалась с Република-роуд и убегала на запад мимо оврага, по дну которого текла река Снейк. За городской чертой улица шла мимо все новых и новых свидетельств провалов и неудач: медного рудника, ранчо Престона, немногочисленных доживающих свои последние дни ферм. Набирающий силу солнечный свет не делал Инферно симпатичнее, выявляя рубцы и шрамы. Выжженный пыльный город умирал, и Коди Локетт понимал, что на будущий год к этому времени здесь не останется ни души. Инферно ожидало забвение – многие дома уже опустели. Их обитатели собрали вещички и отправились на поиски лучшей доли.

С севера на юг, деля город на восточную и западную части, шла Трэвис-стрит. Восточная часть почти сплошь состояла из деревянных обшарпанных, сколько ни крась, домиков, которые в середине лета превращались в раскаленные печи. В западной, где жили владельцы лавчонок и «сливки общества», преобладали дома из белого камня и кирпича-сырца, кое-где во дворах пускали ростки дикие цветы. Но и этот район быстро пустел: каждую неделю еще кто-нибудь сворачивал дела, а среди чахлах бутонов расцветали объявления «ПРОДАЕТСЯ». В северном конце Трэвис-стрит, на другой стороне заросшей повиликой стоянки, возвышалось двухэтажное общежитие из красного кирпича. Окна первого этажа закрывали металлические листы. Дом построили в конце пятидесятых, в пору расцвета города, но теперь он превратился в лабиринт пустых комнат и коридоров, которые заняли, сделав своей крепостью, «отщепенцы» – компания, где верховодил Коди Локетт. Если после захода солнца на территории «отщепенцев» ловили кого-нибудь из «El culebra de cascabel» – «гремучих змей», шайки подростков-мексиканцев, – ему или ей можно было только посочувствовать. А территорией «отщепенцев» считалось все к северу от моста через Снейк.

Так и должно быть. Коди знал, что мексиканцы затопчут кого угодно, дай только волю. Они перехватят работу и деньги да при этом еще и наплюют тебе в рожу. Мексиканцы должны знать свое место и получать по рогам, если переступят границы. Эту нехитрую истину день за днем, год за годом вбивал Коди в голову его папаша. «Эти „мокрые спины“², – твердил отец Коди, – все равно что псы, которым надо то и дело давать пинка – пусть знают, кто хозяин».

Но порой Коди задумывался – и тогда не понимал, какой от мексиканцев вред. Они сидели без работы так же, как все остальные. Однако отец Коди твердил, что именно мексиканцы доконали медный рудник. Что они портят все, к чему прикоснутся. Что они уже погубили Техас и не успокоятся, пока не испоганят всю страну. «Еще немного, и стервецы начнут трахать белых женщин прямо на улицах, – страшал Локетт-старший. – Напинай им по первое число, пусть попробуют на вкус пылицу!»

Иногда Коди верил отцу, иногда нет. Это зависело от настроения. Дела в Инферно обстояли плохо, и парнишка понимал: в душе у отца тоже неладно. «Возможно, легче дать под зад коленом мексиканцу, чем позволять себе слишком много думать», – рассуждал он. Так или иначе, все свелось к задаче не пускать «гремучек» в Инферно после захода солнца – эта обязанность перешла к Коди от шести предыдущих «президентов» банды «отщепенцев».

Коди встал и расправил плечи. Солнце освещало его кудрявые русые волосы, коротко подстриженные на висках и лохматые на макушке. В левом ухе блестела сережка – маленький серебряный череп. Тело юноши отбрасывало длинную косую тень. В нем было шесть футов роста, долговязый и крепкий, он казался недружелюбным, как ржавая колючая проволока. Лицо парнишки складывалось из жестких углов, мягкость полностью отсутствовала – острый нос, заостренный подбородок. Даже густые светлые брови сердито щетинились. Он мог пере-

² «Мокрая спина» – уничижительное название нелегальных эмигрантов-латиноамериканцев в США.

играть в гляделки змею и поспорить в беге с зайцем, а ходил таким широким шагом, словно намеревался перемахнуть границы Инферно.

Пятого марта ему исполнилось восемнадцать, и он понятия не имел, что делать дальше. Думать о будущем не хотелось. Загадывать не стоило. Грядущее представлялось мрачным нагромождением теней. Поступить в колледж с такими отметками нереально, а на техническую школу не хватало денег. Старик пропивал все заработанное в пекарне и большую часть того, что Коди приносил домой со станции «Тексако». Но Коди знал, что заливка бензина и возня с машинами от него никуда не денутся, пока ему самому не надоест. Мистер Мендоса, хозяин автозаправочной станции, был единственным хорошим мексиканцем, которого он знал.

Взгляд Коди скользнул к югу, за реку, к домишкам Окраины, мексиканского района. У четырех ее узких пыльных улочек не было названий, только номера, и все они, за исключением Четвертой, заканчивались тупиками. Самой высокой точкой Окраины был шпиль католической церкви Жертвы Христовой, увенчанный крестом, блестящим в оранжевом свете солнца.

Четвертая улица вела на запад, к автомобильной свалке Мэка Кейда – двухакровому лабиринту из корпусов автомобилей, сваленных горами деталей машин, штабелей старых покрышек, обнесенных оградой мастерских и бетонных ремонтных ям. Все это окружал девятифутовый глухой забор из листового железа, а поверху тянулся еще фут страшной гармошки – колючей проволоки. Коди было видно, как за окнами мастерских вспыхивают факелы электро-сварки; визжал пневматический гаечный ключ. На территории автодвора в ожидании погрузки стояли три гусеничных трейлера. У Кейда работали круглосуточно, в несколько смен, и благодаря своему предприятию он уже обзавелся громадными кирпичными хоромами в стиле модерн, с бассейном и теннисным кортом. Резиденция Мэка находилась двумя милями южнее Окраины, то есть ближе к мексиканской границе, чем к городку. Кейд предлагал Коди поработать на автодворе, но тот кое-что знал о Мэковых делишках и к такому тупику еще не был готов.

Коди повернулся спиной к солнцу (тень опустилась ему под ноги) и скользнул взглядом вдоль темной полоски Кобре-роуд. В трех милях от Качалки рыжел огромный, похожий на рану с омертвевшими, изъязвленными краями зев медного рудника Горнодобывающей компании Престона. Кратер окружали пустые здания контор, очистной корпус с алюминиевой крышей, заброшенное оборудование. Коди пришло в голову, что оно напоминает останки динозавров с сожженной солнцем пустыни шкурой. Минувя кратер, Кобре-роуд уходила в сторону ранчо Престона, следуя за вышками высоковольтной линии на запад.

Юноша опять посмотрел вниз на тихий город (население около тысячи девятисот человек быстро сокращалось), и ему почудилось, будто он слышит, как в домах тикают часы. Солнце прокрадывалось за ставни и занавески, чтобы огнем располосовать стены. Скоро зазвонят будильники, поднимая спящих навстречу новому дню. Те, у кого есть работа, оденутся и, повинаясь течению времени, приступят к трудам праведным либо в последних магазинах Инферно, либо на севере – в Форт-Стоктоне и Пекосе. А в конце дня, подумал Коди, все вернется в свои домишки, вопьются глазами в мерцающие экраны и станут, как умеют, заполнять пустоту, пока часы, будь они неладны, не шепнут: пора на боковую. И так день за днем, ныне и присно, до той минуты, когда окончательно закроются все двери и уедет последняя машина... А потом здесь останется только пустыня, которая, разрастаясь, возьмет штурмом улицы.

– Ну а мне-то что? – Коди выпустил из ноздрей дым сигареты.

Он знал: тут для него ничего нет и никогда не будет. Если бы не телефонные столбы, дебильные американские и еще более тупые мексиканские телепередачи да звучащая из приемников двуязычная болтовня, можно было бы подумать, что от этого проклятого города до цивилизации тысячи миль. Он окинул взглядом Брасос-стрит с ее домами и белой баптистской молельней. Узорчатые кованые ворота в самом конце вела на местное кладбище – Юкковый Холм. Его действительно затеняли чахлые юкки, над которыми поработал скульптор-ветер, но

это скорее был бугор, чем холм. Юноша ненадолго задержал взгляд на надгробиях и старых памятниках, потом снова присмотрелся к домам. Большой разницы он не заметил.

– Эй, чертовы зомби! – крикнул парнишка, повинуясь внезапному порыву. – Подъем! – Голос Коди раскатился над Инферно. Ему вторило эхо собачьего лая. – Таким, как ты, я не буду, – твердо сказал он, зажав сигарету в углу рта. – Клянусь Богом, нет.

Он знал, к кому обращается, поскольку, произнося эти слова, не сводил глаз с серого деревянного дома у пересечения Брасос-стрит с улицей под названием Сомбра. Коди догадывался: старик даже не ведаёт, что он вчера не пришел домой ночевать, – впрочем, папаше все равно наплевать на это. Отец Коди нуждался лишь в бутылке и месте для сна.

Юноша взглянул на школу имени Престона. Если он сегодня не сдаст задание, Одил может устроить ему веселую жизнь, даже сорвать к чертям выпуск. Коди терпеть не мог, когда какой-нибудь сукин сын в галстук-бабочке заглядывал ему через плечо и поучал, что и как делать, поэтому нарочно трудился с проворством улитки. Однако сегодня работу нужно обязательно закончить. Коди понимал: за те шесть недель, что ушли у него на паршивую вешалку для галстуков, можно было смастерить мебель для целой комнаты.

Солнце сверкало ослепительно и пекло немилосердно. Яркие краски пустыни начинали блекнуть. По шоссе 67 в сторону города ехал грузовик с непогашенными фарами, он вез утренние газеты из Одессы. На Боуден-стрит с подъездной аллеи задним ходом выбрался темно-синий «шевроле», и какая-то женщина в халате помахала мужу с парадного крыльца. Кто-то открыл дверь черного хода и выпустил бледно-рыжего кота, немедленно погнавшего кролика в заросли кактусов. На обочине Република-роуд ныряли за своим завтраком канюки, а другие хищные птицы неспешно кружили над ними в медленно струящемся воздухе.

Затянувшись в последний раз, Коди выбросил сигарету. Он решил перед школой немного подкрепиться – в доме могли завалиться черствые пончики.

Повернувшись к Инферно спиной, парнишка стал осторожно спускаться по камням к красной «Хонде-250». Ее он два года назад своими руками собрал из утиля, купленного на свалке Кейда. Он много чего продал тогда Коди, а у того хватило ума не задавать вопросов. Регистрационные номера с мотора «хонды» были стерты, как исчезали почти со всех двигателей и частей корпусов, которыми торговал Мэк Кейд.

Внимание юноши привлекло еле уловимое движение у его правой ноги, обутой в ковбойский сапог. Коди остановился.

Тень паренька легла на небольшого коричневого скорпиона, припавшего к плоскому камню. На глазах у Коди членистый хвост изогнулся кверху и жало пронзило воздух – скорпион защищал свою территорию. Коди занес было ногу, чтобы отправить гаденыша в вечность.

И на миг замер, не опуская ноги. От усиков до хвоста в насекомом было всего около трех дюймов, и Коди понимал, что раздавит скорпиона в два счета, но храбрость этого создания восхитила его. Оно сражалось с гигантской тенью за кусок камня в выжженной пустыне. «Глупо, – размышлял Коди, – но смело». Сегодня и так в воздухе слишком сильно пахло смертью, и Коди решил не добавлять.

«Все твое, amigo»³, – сказал он и прошел мимо. Скорпион вонзил жало в удаляющуюся тень.

Коди устроился на заплатанном кожаном седле. Хромированные выхлопные трубки пестрели тусклыми пятнами, алая краска облетела и полиняла, двигатель порой пережигал масло и капризничал, но все же мотоцикл уносил Коди, куда ему было угодно. Далеко за пределами Инферно, на шоссе 67, юноша выжимал из «хонды» семьдесят миль в час, и мало что доставляло ему большее наслаждение, чем хриплое урчание мотора и свист ветра в ушах. Именно в такие минуты, со всей полнотой ощущая независимость и одиночество, Коди чувствовал себя

³ Друг (исп.).

необычайно свободным, потому что знал: зависеть от людей – губить собственные мозги. В этой жизни ты одинок, так что лучше учись находить в этом удовольствие.

Он снял с руля и натянул защитные очки-консервы, сунул ключ в зажигание и с силой нажал на стартер. Мотор выстрелил сгустком жирного дыма. Мотоцикл задрожал, словно не желая пробуждаться. Потом машина прянула, точно верный, хоть подчас и упрямый конь, и парнишка покатиł вниз по крутому склону в сторону Аврора-стрит; за ним тянулся шлейф желтой пыли. Не зная, в каком состоянии найдет сегодня отца, Коди был настороже. Может быть, удастся прийти и уйти так, чтобы старик не заметил.

Коди взглянул на прямое как стрела шоссе и поклялся, что очень скоро, может быть, сразу после выпускного вечера выведет «хонду» на эту проклятую дорогу и помчится на север, куда уходят телефонные столбы, и ни разу не оглянется на то, что покидает.

«Я не стану таким, как ты», – поклялся юноша.

Но в глубине души он опасался, что будет видеть в зеркале лицо, с каждым днем все больше похожее на отцовское.

Он прибавил газу и так рванул по Аврора-стрит, что заднее колесо оставило на асфальте черный след.

На востоке висело жаркое красное солнце, в Инферно начинался новый день.

Глава 2

Великая Жареная Пустота

Джесси Хэммонд, по своему обыкновению, проснулась примерно за три секунды до того, как на столике у кровати зазвенел будильник. Когда он замолчал, Джесси, не открывая глаз, потянулась и ладонью прилепнула кнопку звонка. Принюхавшись, она уловила манящий аромат бекона и свежесваренного кофе. «Завтрак готов, Джесс!» – позвал из кухни Том.

– Еще две минутки. – Она зарылась головой в подушку.

– Две большие минутки или две маленькие?

– Крохотные, малюсенькие. – Джесси заворочалась, устраиваясь поудобнее, и почувствовала чистый, пряный запах мужа, исходивший от второй подушки. – Ты пахнешь как щенок, – сонно проговорила она.

– Не понял.

Джесси открыла глаза, увидела яркие полосы света, падавшего сквозь жалюзи на противоположную стену, и немедленно зажмурилась.

– Как насчет глазуньи? – спросил Том.

Они с Джесси легли почти в два часа ночи, засидевшись за бутылкой «Блю нан». Но он всегда был легок на подъем и любил готовить завтрак, а Джесси даже в лучшие дни требовалось время, чтобы прийти в себя и раскачаться.

– Мне недозарь, – ответила она и снова попыталась открыть глаза.

Ослепительный свет раннего утра опять предвещал гнетущий зной. Всю прошлую неделю один девяностоградусный⁴ день сменялся другим, а сегодня по девятнадцатому каналу синоптик из Одессы предупредил, что температура может перевалить и за сто. Джесси понимала: жди неприятностей. Лошади впадут в сонное оцепенение и не притронутся к корму, собаки сделаются злыми и начнут без причины кидаться на людей, а у кошек наступит затяжная полоса безумия, они одичают и будут отчаянно царапаться. Со скотом тоже хлопот не оберешься, а ведь быки, чего греха таить, опасны. Вдобавок самый сезон для бешенства. Джесси боялась, что чья-нибудь кошка или собака погонится за диким кроликом или луговой собачкой, будет укушена и занесет бешенство в городок. Всем домашним и прирученным животным, каких только сумела вспомнить Джесси, она уже сделала прививку, но в округе всегда находились люди, которые не приносили своих любимцев на вакцинацию. Джесси решила, что сегодня надо взять пикап и поехать в один из небольших поселков близ Инферно (например, в Клаймэн, Ноу-Триз или Нотч-Форк), чтобы рассказать людям об опасности бешенства.

– Доброе утро. – Том стоял над ней, протягивая кофе в синей фаянсовой кружке. – Выпей, придешь в себя.

Джесси села и взяла чашку. Кофе, как всегда, когда его готовил Том, оказался чернее черного. Первый глоток заставил ее скривиться, второй ненадолго задержался на языке, а третий разослал по телу заряд бодрости. И это, надо сказать, пришлось очень кстати. Она никогда не была «жаворонком», но, оставаясь единственным ветеринаром в радиусе сорока миль, давным-давно усвоила, что ранчиро и фермеры поднимаются задолго до того, как солнце окрасит румянцем небосклон.

– Прелесть, – удалось выговорить ей.

– Как обычно.

Том едва заметно улыбнулся, подошел к окну и раздвинул занавески. В стеклах очков засияло ударившее ему в лицо красное пламя. Он посмотрел на восток, за Селеста-стрит и

⁴ По шкале Фаренгейта.

Республика-роуд, на среднюю школу имени Престона, прозванную Душегубкой, – уж очень часто ломались там кондиционеры, – и улыбка начала таять.

Джесси знала, о чем думает Том. Они говорили об этом накануне вечером, уже не в первый раз. Вино «Блю нан» приносило облегчение, но не исцеляло.

– Иди-ка сюда. – Джесси поманила мужа к кровати.

– Бекон остынет, – ответил он, неторопливо растягивая слова, как и подобает уроженцу Восточного Техаса.

Джесси же говорила бойко, так как выросла на западе штата.

– Пусть хоть замерзнет.

Том отвернулся от окна, ощутив голый спиной и плечами теплые солнечные полосы. Он был в удобных линиях брюках защитного цвета, но еще не успел натянуть носки и ботинки. Муж прошел под вентилятором, лениво вращавшимся на потолке спальни, и Джесси, облаченная в чересчур просторную для нее бледно-голубую рубашку, подалась вперед и похлопала по краю кровати. Когда Том сел, она принялась сильными загорелыми руками разминать ему закаменевшие от напряжения плечи.

– Все обойдется, – спокойно сказала она мужу. – Это еще не конец света.

Он молча кивнул, но вышло это не слишком убедительно. Тому Хэммонду исполнилось тридцать семь. Он был чуть выше шести футов, худощав и в отличной форме, если не считать небольшого брюшка, требовавшего утренних пробежек и упражнений для пресса. Светло-каштановые волосы, отступая к темени, открывали то, что Джесси называла «благородным челом», а очки в черепаховой оправе придавали Тому вид интеллигентного и слегка испуганного школьного учителя, кем он, собственно, и был: в течение одиннадцати лет Том преподавал общественные науки в средней школе имени Престона. Теперь же, с надвигающейся смертью Инферно, его педагогическая деятельность заканчивалась. Одиннадцать лет Душегубки. Одиннадцать лет он наблюдал смену лиц. За эти годы Том так и не поборол своего злейшего врага. Тот по-прежнему был здесь, он был вечен, и Том каждый день видел, как этот враг старательно сводит к нулю все его усилия.

– Ты сделал все, что мог, – сказала Джесси. – Ты же знаешь.

– Пожалуй.

«Или нет?» Уголок рта изогнулся книзу в горькой улыбке, а в глазах засветилась печаль. Через неделю, считая с завтрашнего дня, школа будет закрыта, и Том останется без работы. Во всем штате на его анкеты откликнулись только одним предложением разъездной работы – проверять грамотность иммигрантов, которые кочуют с места на место, собирая урожай дынь. Правда, он знал, что мало кто из его коллег уже нашел новое место, но пиллюля от этого не становилась слаще. Ему прислали красивое письмо с гербовой печатью штата. Там говорилось, что средства, выделяемые на нужды образования в следующем году, будут урезаны и в настоящее время прием учителей на работу прекращен. Поскольку Том так долго проработал в этой системе, его, конечно, поставят на очередь как претендента, спасибо, сохраните это письмо. Многие его товарищи по несчастью получили такие же уведомления и отправили их на хранение в корзину для мусора.

Но Том Хэммонд знал: рано или поздно что-нибудь подвернется. Экзаменовывать рабочих-переселенцев, честно говоря, не так уж и плохо, но переезды отнимут уйму времени. Весь прошлый год Тома денно и ночно грызли воспоминания обо всех учениках, которым ему довелось преподавать общественные науки, – их были сотни, от рыжеволосых сынов Америки до меднокожих мексиканцев и апачей с глазами, как пулевые отверстия. Сотни – обреченный на гибель товар, влекущийся по бесплодным, изрезанным колеями землям. Том проверял: за одиннадцать лет, притом что в старших классах учились от семидесяти до восьмидесяти человек, только триста шесть ребят были зачислены первокурсниками в колледж штата или технический колледж. Остальные уехали или пустили корни в Инферно, чтобы работать на руднике,

пропивать получку и растить ораву детворы, которой, вероятно, предстояло повторить судьбу родителей. Но рудник закрылся, а тяга к наркотикам и криминальной жизни больших городов усилилась даже в Инферно. В течение одиннадцати лет перед Томом мелькали лица: мальчики – шрамы от ножа, татуировки, натужный смех, девочки – испуганные глаза, обкусанные ногти, а в животе уже растет, тайно шевелясь, младенец.

Одиннадцать лет... и вот сегодня – финал. Старшеклассники выйдут с последнего урока, и все закончится. Тома неотступно преследовало сознание того, что он может вспомнить, вероятно, человек пятнадцать ребят, избежавших Великой Жареной Пустоты. Так окрестили пустыню между Инферно и мексиканской границей, но Том знал, что это еще и состояние духа. Великая Жареная Пустота способна высосать из черепа подростка мозг, заменив его наркотическим туманом, выжечь честолубие и иссушить надежду. Вот что буквально убивало Тома: на протяжении одиннадцати лет он сражался с Великой Жареной Пустотой, и она неизменно побеждала.

Джесси продолжала массаж, но мышцы Тома не расслаблялись. Она знала, о чем думает муж. О том самом, что медленным огнем жгло ему душу, обращая ее в золу.

Неподвижный взгляд Тома устремился на полосы, пламеневшие на стене. «Еще бы три месяца. Только три!» Он вдруг увидел потрясающую картину: день, когда они с Джесси окончили Техасский университет и вышли в поток солнечного света, готовые потягаться со всем миром. Казалось, с тех пор прошла вечность. В последнее время Том часто думал о Роберто Пересе; лицо мальчика стояло у него перед глазами.

– Роберто Перес, – сказал он. – Помнишь, я говорил про него?

– Что-то такое было.

– Он учился у меня в выпускном классе шесть лет назад. Парень жил на Окраине, и оценки у него были не очень высокие, но мальчишка задавал вопросы. Он хотел знать. Но сдерживался, чтобы не написать контрольную слишком хорошо, потому что это стало бы проявлением заинтересованности. – На лице Тома вновь появилась горькая улыбка. – В тот день, когда Роберто получил аттестат, его уже поджидал Мэк Кейд. Я видел, как Перес сел в «мерседес». Они уехали. Потом его брат сообщил мне, что Кейд нашел Роберто работу в Хьюстоне. Платят хорошо, но что за работа – не вполне понятно. Однажды брат Роберто пришел ко мне и рассказал: мальчика прикончили в хьюстонском мотеле, выстрелили в живот из дробовика. Неудачная попытка продать кокаин. Но семья Перес не винила Кейда, какое там! Ведь Роберто посылал домой уйму денег. Кейд подарил мистеру Пересу новый «бьюик». Иногда после занятий я проезжаю мимо дома Пересов; «бьюик» стоит во дворе перед домом, на бетонных плитах.

Том резко встал, подошел к окну и снова раздвинул занавески. Он чувствовал, как жара за стенами дома набирает силу, видел, как дрожит, поднимаясь от песка и бетона, разогретый воздух.

– На последнем уроке у меня будет класс, где есть двое ребят, напоминающих мне Переса. Ни тот ни другой ни разу не получали за контрольную работу больше тройки с минусом, но я же вижу их лица. Мальчики слушают, что-то откладывается. Но оба делают ровно столько, сколько надо, чтобы не вылететь из школы. Ты, вероятно, знаешь их: это Локетт и Хурадо. – Он взглянул на жену.

Джесси кивнула. Она не впервые слышала от Тома эти фамилии.

– Ни тот ни другой не захотели поступать в колледж, – посетовал Том. – Когда я предложил попробовать, Хурадо расхохотался мне в лицо, а Локетт посмотрел так, словно я вывалился из собачьей задницы. Но завтра они учатся последний день, понимаешь? Кейд будет их ждать. Я знаю.

– Ты сделал все, что мог, – сказала Джесси. – Дальше их забота.

– Правильно. – Том стоял в обрамлении малинового света, словно на фоне домны. – Этот город, – тихо проговорил он. – Этот проклятый, богом забытый город. Здесь ничто не может

расти. Господь свидетель, я начинаю верить, что здесь от ветеринара толку больше, чем от учителя.

Джесси попыталась улыбнуться, но не слишком успешно.

– Ты занимайся своим скотом, а я займусь своим.

– Угу. – Вымученно улыбаясь, Том вернулся к кровати, обхватил затылок Джесси ладонью, так, что пальцы утонули в темно-каштановых, коротко подстриженных волосах, и поцеловал жену в лоб. – Я люблю тебя, док. – Он прижался щекой к волосам Джесси. – Спасибо, что выслушала.

– И я тебя люблю, – ответила она и обняла мужа.

Они посидели так. Через минуту Джесси поинтересовалась:

– А как там яичница?

– И правда. – Том выпрямился. Выражение его лица смягчилось, но глаза оставались тревожными, и Джесси знала: каким бы хорошим учителем ни был Том, себя он считал неудачником. – Похоже, она уже не только поджарилась, но и остыла. Давай наконец позавтракаем!

Джесси выбралась из кровати и проследовала за мужем через короткий коридор на кухню. Там под потолком тоже крутился вентилятор. Шторы на западных окнах Том задернул. Свет в той стороне еще отливал алым, но небо над Качалкой становилось все бледнее. Том уже давно наполнил четыре тарелки беконом с яичницей (сегодня болтуньей, а не глазуньей) и тостами. Тарелки ждали на круглом столике в углу.

– Подъем, сони! – крикнул Том в сторону детской, и Рэй что-то промычал в ответ без всякого энтузиазма.

Джесси подошла к холодильнику и щедро плеснула молока себе в кофе, а Том включил радио, чтобы поймать Форт-Стоктон, откуда в половине седьмого передавали новости. В кухню вприпрыжку вбежала Стиви.

– Мам, сегодня лошадиный день! – сказала она. – Мы едем к Душистому Горошку!

– Едем, едем. – Джесси поражало, как можно быть с утра такой энергичной, даже если тебе всего шесть лет. Она налила дочке стакан апельсинового сока, а малютка, одетая в ночную рубашку с надписью «Техасский университет», взобралась на стул, уселась на самом краешке, болтая ногами, и принялась за тосты. – Как спалось?

– Хорошо. Можно мне сегодня покататься на Душистом Горошке?

– Может быть. Посмотрим, что скажет мистер Лукас.

Джесси надумала съездить к Лукасам, которые жили примерно в шести милях западнее Инферно, и устроить тщательный осмотр их золотистому паломино⁵. Душистый Горошек был существом деликатным, Тайлер Лукас и его жена Бесси изрядно намучились, пока вырастили жеребенка. Кроме того, Джесси знала, как Стиви ждет этой поездки.

– Давай завтракай, ковбойша, – сказал Том. – Чтобы усидеть на диком коне, понадобятся силы.

Они услышали, как в гостиной ожил телевизор, и тут же загрохотал рок. В другой половине дома находилась спутниковая антенна, которая принимала почти триста каналов, связывая Инферно со всеми частями света.

– Отставить телевизор! – крикнул Том. – Иди завтракать!

– Только минуточку! – по обыкновению, взмолился Рэй, бывший теленаркоманом и питавший особое пристрастие к скудно одетым моделям из видеоклипов MTV.

– Кому говорю?!

Телевизор со щелчком выключили, и в кухню вошел Рэй Хэммонд четырнадцати лет от роду. Он был тощий, долговязый, глазастый (совсем как я в его возрасте, подумал Том) и носил очки, увеличивавшие глаза: не сильно, но достаточно, чтобы заработать в школе кличку Рент-

⁵ Паломино – лошадь золотисто-соловой масти.

ген. Он жаждал контактных линз и телосложения Арнольда Шварценеггера; первое было ему обещано после шестнадцатилетия, а второе стало бредовой мечтой, достичь которой нельзя никаким культуризмом. Светло-каштановые волосы Рэй коротко стриг, лишь на макушке торчали выкрашенные в оранжевый цвет шипы – уговорить его избавиться от них не удалось ни отцу, ни матери. Рэй был гордым обладателем нескольких пестро-полосатых рубаш и вареных джинсов, которые заставляли Тома с Джесси думать, что, совершив полный круг, шестидесятые вернулись. Сейчас, однако, Рэй был облачен лишь в ярко-красные пижамные штаны. Желтоватая впалая грудь оставалась открытой.

– Доброе утро, пришелец, – сказала Джесси.

– Доброе утго, пгिशелец, – спопугайничала Стиви.

– Привет. – Рэй плюхнулся на стул и зевнул во весь рот. – Сок. – И протянул руку.

– Пожалуйста.

Джесси налила ему сока, передала через стол и посмотрела, как сын вылил содержимое стакана в широко раскрытый рот. Рэй, который даже в промокшей насквозь одежде весил всего около ста пятнадцати фунтов, ел и пил быстрее оравы голодных ковбоев. Мальчик занялся яичницей с беконом.

Сосредоточенная атака на тарелку преследовала определенную цель. Под утро Рэю приснилась Белинда Соньерс, блондиночка, которая на английском сидела за соседней с ним партой, и подробности сна все еще оставались в памяти. Если бы у него встало прямо здесь, во время завтрака, при предках, возникла бы неловкая ситуация, поэтому мальчик сконцентрировался на еде, которую считал самым раскрепасным делом после секса. Не то чтобы он имел опыт, конечно. Прыщей у Рэя выскакивало столько, что на следующие несколько тысячелетий он мог забыть о половых контактах. Рэй до отказа набил рот тостом.

– Где пожар? – спросил Том.

Сын чуть не подавился, но сумел проглотить тост и накинулся на яичницу: эфемерный эротический сон снова заставил его «карандаш» дернуться. Правда, через неделю (считая от сегодняшнего дня) он сможет забыть и о Белинде Соньерс, и обо всех прочих кошечках, дефилирующих по коридорам средней школы имени Престона. Школу закроют, двери запрут, сны превратятся в горячую пыль. Но по крайней мере, впереди лето – уже хорошо. Хотя, если учесть, что весь город прикрывает дела, лето обещает быть столь же занятым, как расчистка чердака.

Джесси с Томом уселись за стол, и Рэй сумел наконец обуздать свои мысли. Стиви, сияя на солнце красными шариками в русых волосах, уплетала завтрак. Она понимала, что девочки-ковбои в самом деле должны быть очень сильными, чтобы объезжать диких лошадей, но Душистый Горошек такой славный конек, ему и в голову не придет брыкаться и сбрасывать наездницу. Джесси взглянула на настенные часы – идиотскую штуковину в форме кошачьей головы, у которой глаза бегали из стороны в сторону, отсчитывая уходящие секунды. Без четверти семь. Джесси знала, что Тайлер Лукас встает ни свет ни заря и уже ждет ее. Конечно, она не думала, что при осмотре обнаружит у Душистого Горошка какие-нибудь отклонения, однако лошадь была уже в летах, а Лукасы души в ней не чаяли.

После завтрака, пока Том и Рэй убрали со стола, Джесси помогла Стиви надеть джинсы и белую хлопчатобумажную футболку, потом вернулась к себе в спальню и скинула ночную рубашку, обнажив крепкое ладное тело женщины, которой нравится работа на свежем воздухе. У нее был характерный техасский загар: коричневые до плеч руки, темно-бронзовое лицо и по контрасту – тело цвета слоновой кости. Она услышала щелчок: включили телевизор. Рэй, еще не отбивший с отцом в школу, опять приклеился к ящику, но ничего страшного в этом Джесси не видела. Мальчик жадно читал, его мозг впитывал информацию, как губка воду. Поводов тревожиться из-за прически Рэя и его манеры одеваться тоже не было: он хороший парнишка,

куда более робкий, чем притворяется, и просто старается не отставать от сверстников. Джесси слышала прозвище сына и не забывала, что иногда быть молодым нелегко.

Жесткое солнце пустыни прибавило морщинок на ее лице, но Джесси обладала здоровой естественной красотой, которая не нуждается в подспорье из баночек и тюбиков. К тому же она знала, что от ветеринаров ждут не побед на конкурсах красоты, а помощи в любое время суток. Джесси работала как каторжная и ни разу не разочаровала своих клиентов. Ее руки были крепкими, и на протяжении тридцати лет ветеринарской практики в этих руках чего только не побывало – подчас такое, что другую женщину повергло бы в обморок. Кастрировать злобного жеребца, вытащить из коровьей утробы застрявшего мертвого теленка, извлечь гвоздь из трахеи пятисотфунтового хряка-рекордиста – все эти операции Джесси проводила успешно, так же как и сотни других, самых разнообразных, от обработки поврежденного клюва канарейки до вскрытия нарыва в пасти добермана. Но Джесси годилась для такого дела: ей всегда хотелось работать с животными – еще в детстве тащила домой всех бродячих кошек и собак в Форт-Уорте. Джесси всегда была сорванцом, она росла вместе с братьями, что научило ее уворачиваться от ударов, однако она не только получала затрещины, но и давала сдачи и до сих пор живо помнила, как в девять лет выбила старшему брату зуб футбольным мячом. Теперь всякий раз, когда они беседовали по телефону, брат смеялся над этим и поддразнивал Джесси: дескать, не поймай он мяч зубами, тот улетел бы в Мексиканский залив.

Джесси прошла в ванную, чтобы попудриться детской присыпкой и почистить зубы, прогнать изо рта вкус кофе и «Блю нан». Она быстро пригладила короткие темно-каштановые волосы. От висков к затылку ползла проседь. Стареем, подумала Джесси. Конечно, это потрясает меньше, чем растущие у тебя на глазах дети, – кажется, только вчера Стиви лежала в пеленках, а Рэй ходил в третий класс. Да, бесспорно, годы летят. Джесси подошла к шкафу, достала изрядно поношенные удобные джинсы, красную футболку и оделась. Потом настала очередь белых носков и кроссовок. Она взяла темные очки и бейсбольную шапочку, задержалась в кухне, чтобы наполнить водой две фляги (никогда не знаешь, что может приключиться в пустыне), и с верхней полки шкафа в коридоре сняла всегда лежавший там саквояж с ветеринарным инструментом. Стиви прыгала вокруг, как боб на раскаленной жаровне, – ей не терпелось тронуться в путь.

– Мы поехали, – сказала Джесси Тому. – Увидимся часа в четыре. – Она наклонилась и поцеловала мужа, а тот, в свою очередь, чмокнул в щеку Стиви.

– Будьте осторожны, разбойницы! – сказал он. – А ты присматривай за мамочкой!

– Присмотрю! – Стиви вцепилась в руку матери.

Джесси задержалась у дверей, чтобы снять с вешалки бейсболку поменьше для дочери.

– Пока, Рэй! – крикнула она, и тот ответил из своей комнаты:

– Чао-какао!

«Чао-какао? – подумала Джесси, выходя со Стиви на солнце, которое уже палило вовсю. – Что, интересно, случилось с простым „Пока, мам“?» Ничто так не заставляло Джесси в тридцать четыре года чувствовать себя ископаемым, как непонимание языка, на котором изъяснялся ее родной сын.

Они прошли по каменной дорожке, миновав небольшую постройку из необработанного белого камня; ближе к улице виднелась маленькая вывеска: «ВЕТЕРИНАРНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ИНФЕРНО» – и ниже: «Джессика Хэммонд, ветеринар». У края тротуара, за белым «цивиком» Тома, стоял ее пыльный «форд»-пикап цвета морской волны; над задним сиденьем, там, где почти все возили оружие, была прикреплена проволочная петля-удавка, которой, к счастью, пришлось воспользоваться всего несколько раз.

Через минуту Джесси уже ехала по Селеста-стрит на запад, пристегнув Стиви ремнем безопасности. Девочка с трудом переносила такую неволю. На первый взгляд она была хрупкой, подобно фарфоровой кукле, но Джесси отлично знала, что Стиви – человек чрезвычайно

любопытный и не робеет, добиваясь своего; малышка уже понимала животных, радовалась, когда мать брала ее с собой на фермы и ранчо, и не боялась дорожной тряски. Стиви – Стивени Мэри в честь бабушки Тома (Рэя назвали в честь деда Джесси) – обычно вела себя спокойно и словно бы вбирала окружающее большими глазами, зелеными, чуть более светлого оттенка, чем глаза Джесси. Матери нравилось, когда дочка была рядом и помогала ей в ветеринарной лечебнице. На будущий год Стиви пойдет в первый класс... там, где в конце концов осядут Хэммонды. Ведь после того, как в Инферно закроются школы, продолжится массовый исход из города: прекратят работу последние магазины, опустеют ближайшие ранчо. Для Джесси не останется работы, как и для Тома, и им придется сняться с насиженного места и отправиться в путь.

Слева за окном промелькнули Престон-парк, аптека Рингволда, бакалея, справа – «Ледяной дворец». Джесси проехала по Трэвис-стрит, чуть не раздавив здорового кота миссис Стелленберг, проشمывнувшего перед самым грузовичком, и выехала на узкую Серкл-Бэк-роуд, которая шла вдоль подножия Качалки и, оправдывая свое название, поворачивала обратно, чтобы влиться в Кобре-роуд. Перед тем как свернуть на запад и поехать быстрее, Джесси задержалась перед светофором, мигающим желтым цветом.

Благословенный ветерок заносил в окно резкий, сладковато-горький привкус пустыни и трепал волосы Стиви. Джесси подумала, что прохладнее сегодня уже не будет и они с чистой совестью могут наслаждаться этими минутами. Кобре-роуд вела их мимо сетчатой ограды и железных ворот медного рудника Престона. На воротах висел амбарный замок, однако ограда находилась в столь плачевном состоянии, что перелезть через нее мог бы и ревматический старец. Небрежно наклеенные плакаты предостерегали: «ОПАСНАЯ ЗОНА! ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» За воротами, где некогда отбрасывала тень богатая медной рудой рыжая гора, остался огромный кратер. В последние месяцы существования рудника там то и дело взрывался динамит. Из разговора с шерифом Вэнсом Джесси поняла, что в кратере остались несработавшие заряды, но лезть туда за ними дураков нет. Джесси понимала, что рано или поздно месторождение истощится, но никто не ожидал, что руда закончится так быстро и не останется никакой надежды. С той минуты, как пневматические отбойные молотки и бульдозеры стали вгрызаться в пустую породу, начался закат Инферно.

Пикап запрыгал по рельсам: в обе стороны от рудника, на север и юг, уходила железно-дорожная ветка. Стиви (спина у девочки уже взмокла) прильнула к окну. Она заметила луговых собачек, которые торчали неподвижными столбиками на бугорках возле нор. Выскочив из зарослей кактусов, через дорогу стрелой промчался дикий кролик. Высоко в небе медленно кружил гриф.

– Ты как? – спросила Джесси.

– Отлично. – Стиви налегла животом на ремень. В лицо девочке дул ветер, небо было синее-синее, и казалось, оно будет тянуться вечно – может быть, целых сто миль. Девочка вдруг вспомнила, о чем давно хотела спросить: – Почему папа такой грустный?

«Конечно, Стиви все чувствует, – подумала Джесси. – Иначе и быть не может».

– Собственно говоря, он не грустный. Просто школа закрывается. Помнишь, мы тебе говорили?

– Да. Но ведь школа закрывается каждый год.

– Теперь она больше не откроется. А из-за этого уедет еще много народу.

– Как Дженни?

– Вот-вот. – Маленькая Дженни Гэлвин с их улицы уехала с родителями сразу после Рождества. – Мистер Боннер собирается в августе закрыть бакалею. К тому времени, я думаю, почти никого не останется.

– Ой! – Стиви задумалась. В бакалее все покупали еду. – И мы уедем, – промолвила она наконец.

– Да, и мы.

Тогда, значит, мистер и миссис Лукас тоже уедут, поняла Стиви. А Душистый Горошек: что будет с ним? Выпустят его на свободу, загонят в вольер для перевозки или сядут на него и укачут в дальние края? Над этой загадкой стоило подумать, но девочка поняла, что чему-то приходит конец, и от этого в сердце шевельнулась грусть – чувство, с которым, по соображениям Стиви, хорошо знаком папа.

По изрезанной канавами земле были разбросаны островки полыни. Над ними возвышались цилиндрические башни кактусов. Примерно в двух милях за медным рудником от Кобре-роуд отделялась черная асфальтовая дорога, стремительно убегавшая на северо-запад, под белую гранитную арку с тусклыми медными буквами: «ПРЕСТОН». Джесси посмотрела направо и сквозь струившийся от земли горячий воздух увидела в конце черной дороги зыбкий силуэт большой асьенды⁶. «Пусть и вам повезет», – подумала Джесси, представив себе женщину, спавшую сейчас в этом доме на прохладных шелковых простынях. Должно быть, у Селесты Престон только и осталось, что простыни и дом, да и то ненадолго.

Они ехали через пустыню. Стиви не отрываясь гладела в окно; личико под козырьком бейсболки стало задумчивым и спокойным. Джесси поерзала на сиденье, чтобы отлепить футболку от спинки. До поворота к дому Лукасов оставалось около полумили.

Стиви слышала протяжное гудение и подумала, что над ухом вьется москит. Она хлопнула по уху ладошкой, но гудение не исчезло, оно становилось все громче и тоньше. Ушам было так больно, словно их кололи иголкой.

– Мама, – морщась, пожаловалась девочка, – у меня ушки болят.

По барабанным перепонкам Джесси тоже ударила острая боль, но тем дело не кончилось: заныли большие коренные зубы. Она несколько раз открыла и закрыла рот и слышала, как Стиви сказала: «Ой! Что это, мам?»

– Не знаю, ми...

Мотор пикапа вдруг заглох. Просто прекратил работать, без перебоев и одышки. Машина катилась по инерции. Джесси нажала на педаль газа. Она только вчера заполнила бак, он не мог быть пустым. Теперь уши болели по-настоящему, барабанные перепонки пульсировали, отзываясь на мучительно высокую ноту, напоминавшую далекий вой. Стиви зажала уши руками, в глазах блеснули слезы.

– Что это, мам? – снова спросила она с панической дрожью в голосе. – Мама, что это?

Джесси потрясла головой. Звон набирал силу. Она повернула ключ зажигания и вдавила акселератор, но мотор не реагировал. Джесси слышала, как потрескивают ее наэлектризованные волосы, и мельком взглянула на часы: они точно сошли с ума и отсчитывали время с бешеной скоростью. «Вот уж будет что рассказать Тому», – подумала она, вздрогнув от боли, и хотела уже взять Стиви за руку.

Девочка шарахнулась в сторону, широко раскрыв глаза, и закричала:

– Мама!

Она увидела то, что к ним приближалось. Теперь это заметила и Джесси. Воюя с рулем, женщина изо всех сил нажала на тормоз.

По воздуху, теряя горящие куски, которые, крутясь, уносились прочь, мчалось нечто похожее на объятый пламенем паровоз. Оно пронеслось над Кобре-роуд, пролетело около пятидесяти футов над пустыней, мелькнув в каких-нибудь сорока ярдах от пикапа Хэммондов. Джесси разглядела раскаленный докрасна, отороченный языками пламени цилиндрический силуэт. Едва пикап съехал с дороги, как пылающий предмет пронесся мимо него с диким воем, от которого Джесси оглохла и не слышала собственного крика. Она увидела, как задняя часть цилиндра взорвалась; взметнулось желто-лиловое пламя, и во все стороны полетели обломки.

⁶ Асьенда – крупное частное поместье в Испании и Латинской Америке.

Что-то устремилось к пикапу так быстро, что казалось неясным, смазанным пятном. Послышалось металлическое «бам!», и пикап здорово трянуло.

Передняя шина лопнула. Джесси липкими от пота руками никак не могла остановить грузовичок, который все ехал и ехал по камням сквозь заросли кактусов. Звон в ушах мешал слушать. Она увидела залитое слезами личико перепуганной Стиви и сказала, притворяясь спокойной:

– Ш-ш-ш, уже все, все кончилось. Ш-ш-ш.

Из-под смятого капота бил пар. Джесси повернула голову и увидела, как пылающий предмет пролетел над низким кряжем и исчез. «Господи! – потрясенно подумала она. – Что это было?»

В следующий миг раздался страшный рев. Его услышала даже оглохшая Джесси. Кабину пикапа заполнила клубящаяся пыль. Джесси схватила малышку за руку.

Рот и глаза Джесси моментально забило песком, кепочку унесло в окно. Когда пыльная завеса рассеялась, она увидела три серо-зеленых вертолета, которые плотным клином летели на юго-запад на высоте тридцати или сорока футов над пустыней, преследуя пылающий объект.

Перелетев через кряж, вертолеты скрылись из глаз. Синеву поднебесья прочертило звено реактивных самолетов: они тоже держали курс на юго-запад.

Пыль улеглась. К Джесси начал возвращаться слух. Стиви всхлипывала, мертвой хваткой вцепившись в руку матери.

– Уже все, – услышала Джесси собственный хриплый голос. – Все.

Она бы и сама заплакала, но мамы не плачут в присутствии маленьких детей. Сердито застучал двигатель, и Джесси спохватилась, что неотрывно смотрит на струю пара, бьющую из круглой дырки в центре капота.

Глава 3

Королева Инферно

– Господи боже мой, ну и тарарам! – громко проворчала седая женщина в розовой шелковой косметической маске и села в постели. Ей казалось, что от шума весь дом вибрирует. Она сердито стянула маску, скрывавшую глаза, светлые и холодные, точно льды Арктики. – Таня! Мигель! – крикнула женщина прокуренным голосом. – Идите сюда!

Она подергала шнур у кровати. В глубине загородной резиденции Престонов залился звонок, привлекая внимание слуг.

Однако страшный рев уже оборвался. Он звучал всего несколько секунд. Впрочем, этого хватило, чтобы напугать ее и прогнать сон. Она откинула одеяло, слезла с кровати, ураганом промчалась к балконным дверям. Настежь распахнула их, и жара буквально высосала воздух у нее из легких. Женщина шагнула на балкон и, прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца, посмотрела в сторону Кобре-роуд. В свои пятьдесят три года она и без очков видела достаточно хорошо, чтобы разглядеть, что пронеслось в опасной близости от ее дома: на юго-запад, поднимая пыльную бурю, продвигались три вертолета. Через несколько секунд они исчезли, оставив Селесту Престон в такой ярости, что она готова была рвать и метать.

К дверям балкона подошла Таня – коренастая и круглолицая. Она собралась с духом, готовясь выдержать бешеный натиск хозяйки.

– Sí⁷, сеньора Престон?

– Ты где была? Я думала, нас бомбят! Что, черт возьми, происходит?

– Не знаю, сеньора. Наверное...

– А-а, ладно, принеси-ка мне выпить! – фыркнула Селеста. – А то нервишки совсем разыгрались!

Таня ушла вглубь дома за первой сегодняшней рюмкой для хозяйки, которая стояла на высоком балконе с мозаичным полом из красной керамической мексиканской плитки, стискивая узорчатые кованые перила. С этой выгодной позиции видны были конюшни, кораль и манеж – естественно, бесполезные, поскольку все лошади были проданы с аукциона. Кольцо асфальтированной подъездной дорожки охватывало большую клумбу с жалкими останками пионов и маргариток, побуревших на солнце: система опрыскивания давно вышла из строя. Лимонно-желтый халат прилипал к спине; пот и жара еще пуще разожгли ярость Селесты. Она вернулась в относительную прохладу спальни, сняла трубку розового телефона и, ожесточенно тыча наманикюренным пальцем в кнопки, набрала номер.

– Контора шерифа, – растягивая слова, ответил чей-то мальчишеский голос. – Полицейский Чаффин слушает...

– Дайте Вэнса, – перебила она.

– Э-э... Шериф Вэнс на патрулировании. Это...

– Селеста Престон. Я желаю знать, кто летает на вертолетах над моей собственностью в... – она нашла глазами часы на белом ночном столике, – в семь часов двенадцать минут утра! Эти сволочи мне чуть крышу не снесли!

– На вертолетах?

– Ты плохо слышишь? Кому говорят: три вертолета! Пронесись они чуть ближе, так одеяло бы с меня сдули, черт тебя подери! Что творится?

⁷ Да (исп.).

– Э-э... не знаю, миссис Престон. – Помощник шерифа несколько оживился, и Селеста представила себе, как он сидит за рабочим столом, весь обратившись в слух. – Если хотите, я свяжусь с шерифом Вэнсом по рации.

– Хочу. Скажите ему, чтобы живо ехал сюда.

Она повесила трубку раньше, чем молодой человек успел ответить. Вошла Таня и на одном из оставшихся серебряных подносов подала ей «Кровавую Мэри». Селеста взяла бокал, стебельком сельдерея размешала жгучие перчинки и в два глотка выпила коктейль почти до дна. Сегодня Таня добавила чуть больше соуса табаско, чем обычно, но Селеста и не поморщилась.

– С кем мне сегодня надо чесать языком? – Она провела запотевшим краем стакана по высокому, изрезанному морщинами лбу.

– Ни с кем, в расписании чисто.

– Слава тебе господи! Что, шайка проклятых кровососов дает мне передышку?

– Встреча с мистером Вейцем и мистером О'Коннором у вас назначена на утро в понедельник, – напомнила Таня.

– Так то в понедельник. К тому времени я, может быть, умру.

Селеста допила «Кровавую Мэри» и возвратила бокал на поднос. Ей пришло в голову, что можно вернуться в постель, но уж слишком она завелась. Целых полгода одна проблема сменяла другую, не говоря уже о моральном ущербе. Иногда Селесте казалось, что она – боксерская груша в руках Господа. Женщина знала, что много раз в жизни поступала нечестно и некрасиво, но расплата за грехи оказалась весьма своеобразной.

– Что-нибудь еще? – Темные глаза Тани смотрели бесстрастно.

– Нет, все. – Но не успела горничная дойти до массивной двери из красного дерева, как Селеста передумала. – Погоди.

– Да, сеньора?

– Только что... я не хотела тебя обидеть. Просто... знаешь, такие времена.

– Я понимаю, сеньора.

– Хорошо. Послушай, если вам с Мигелем захочется когда-нибудь отпереть бар для себя, валяйте, не стесняйтесь. – Хозяйка пожала плечами. – Незачем спиртному пропадать зря.

– Я учту, миссис Престон.

Селеста знала, что разговор напрасный. Ни Таня, ни ее муж не пьют. Впрочем, может, оно и лучше: у кого-то в этом доме должна оставаться ясная голова, хотя бы для того, чтобы держать на расстоянии стервятников в человеческом обличье. Глаза Селесты встретились с Таниными.

– А знаешь, тридцать четыре года ты зовешь меня или «миссис Престон», или «сеньора». Неужели ни разу не хотелось назвать меня Селестой?

Таня смущенно покачала головой:

– Неоднократно, сеньора.

Селеста засмеялась; это был искренний смех женщины, хлебнувшей нелегкой жизни и когда-то гордившейся грязью, остававшейся под ногтями после родео. Она понимала, что победа и проигрыш – две стороны одной медали.

– Ну и фрукт же ты, Таня! Я знаю, что ты всегда не слишком меня любила, ну да ничего. – Улыбка Селесты растаяла. – Мне по душе, что вы здесь в эти последние месяцы, хотя и не обязаны оставаться.

– Мистер Престон всегда очень хорошо к нам относился. Долг платежом красен.

– Вы свой долг давно вернули. – Миссис Престон прищурилась. – Скажи-ка мне, только не ври: первая миссис Престон лучше сумела бы расхлебать эту чертову кашу?

Лицо горничной осталось бесстрастным.

– Нет, – произнесла она наконец. – Первая миссис Престон была женщина красивая и изящная... но вашей смелостью не обладала.

Селеста хмыкнула:

– Да, зато с головой все было в порядке. Потому-то сорок лет назад она и удрала из этой чертовой дыры!

Таня резко свернула на более спокойную почву:

– Что-нибудь еще, сеньора?

– Не-а. Но очень скоро должен появиться шериф, так что будьте начеку.

Таня, держась очень прямо и чопорно, покинула комнату и простучала каблуками по дубовому полу длинного коридора.

Селеста прислушалась. Как пусто и гулко в доме без мебели! Конечно, что-то еще осталось – например, кровать, туалетный столик и обеденный стол внизу, – но немного. Она прошла вглубь комнаты, достала из затейливо украшенной серебряной шкатулки тонкую черную сигару. Хрустальная французская зажигалка ушла с аукциона, поэтому Селеста прикурила от спички из коробка с рекламой клуба «Колючая проволока». Вернулась на балкон, выдохнула едкий дым и подставила лицо безжалостному солнцу.

Опять пекло. Впрочем, бывало и хуже. Ничего, однажды неразбериха с юристами, властями штата и налоговой инспекцией закончится, неприятности рассеются, как облако под сильным ветром, и она заживет по-новому.

– По-своему, – проговорила она вслух, и морщины вокруг рта стали резче.

Селеста задумалась о том, как далеко ушла от деревянной лачуги в Галвестоне.

Теперь она стояла на балконе тридцатишестикомнатной асьенды в испанском стиле, на ста акрах земли – пусть даже в доме не осталось мебели, а уголья были каменистой пустыней. В гараже – канареечно-желтый «кадиллак», последняя из шести машин. На стенах залов, там, где раньше висели полотна Миро, Рокуэлла и Дали, зияли пустоты. Картины ушли с аукциона чуть ли не раньше всего, вместе со старинной французской мебелью и коллекцией Уинта, насчитывавшей почти тысячу чучел гремучих змей.

Банковский счет Селесты заморожен крепче ледников Арктики, но этой проблемой занимался целый полк далласских юристов, и она знала, что в любой день ей могут позвонить из конторы, в названии которой стоит семь фамилий, и скажут: «Миссис Престон? Хорошие новости, золотко! Мы отследили недостающие фонды, и налоговое управление согласилось на проплату задним числом, посредством ежемесячных взносов. Конец неприятностям! Да, мэм, старый Уинт все ж таки позаботился о вас!»

Селеста знала: старый Уинт тот еще жук! Он лавировал среди правительственных уложений об инвестициях и статей налогового законодательства, корпоративных законов и президентов банков, как техасский смерч. Но во второй день декабря старика хватил удар, и расплачиваться со всей бандой пришлось Селесте.

Она посмотрела на восток, где виднелся рудник, а за ним Инферно. Шестьдесят с лишним лет назад сюда из Одессы в поисках золота явился Уинтер Тедфорд Престон с мулом по кличке Инферно. Золото от него ускользнуло, но он отыскал малиновую гору – мексиканские индейцы говорили, будто она состоит из священной целебной пыли. Хотя образование Уинта составляло семь классов средней школы, природа наделила его чутьем геолога, и парень смекнул, что пахнет не священной пылью, а горной породой, богатой медью. Рудник Уинта начался с одной-единственной дощатой хижины, пятидесяти мексиканцев и индейцев, пары фургонов и множества лопат. В первый же день его работы из земли достали дюжину скелетов, и тогда-то Уинт понял, что мексиканцы больше ста лет хоронили в горе своих покойников.

Прошло совсем немного времени, и однажды мексиканец с кайлом вскрыл сверкающую жилу богатой руды. Она стала первой из многих. В двери Уинта то и дело стучали всё новые и новые техасские компании, тянувшие через штат телефонные кабели, линии электропередачи

и водопровод. А сразу за рудной горой выросло сперва несколько палаток, потом деревянные и глиняные дома, следом – каменные церкви и школы. Проселочные дороги посыпали гравием, потом замостили. Селеста вспомнила, как Уинт говорил: мол, однажды ты оглянешься и на месте бурьяна увидишь город. Его жители, главным образом рабочие с рудника, избрали Престона мэром. Уинт под влиянием текилы дал городу название Инферно и поклялся воздвигнуть в его центре памятник своему верному старому мулу.

Но, несмотря на все старания, Инферно так и остался городом одного мула. Здесь было слишком жарко и пыльно, очень далеко до больших городов, и стоило выйти из строя водопроводу, как население в мгновение ока начинало умирать от жажды. Но народ все прибывал. «Ледяной дворец» подключился к главной магистрали водопровода и намораживал глыбы льда, по воскресным утрам звонили церковные колокола, хозяева лавчонок делали деньги, телефонная компания тянула линию и обучала операторов, а шаткий деревянный мост, соединявший берега Снейка, заменили бетонным. Были вбиты первые гвозди в доски Окраины. Уолта Трэвиса выбрали шерифом, а через два месяца застрелили на улице, впоследствии названной в его честь. Преемник Трэвиса держался на своей должности, пока его не избили так, что он оказался в двух шагах от райских врат и очнулся уже в поезде, который мчался на север, к границе штата. Постепенно, год за годом, Инферно пускал корни. Но так же постепенно Горнодобывающая компания Престона съедала красную гору, где спали умершие сотни лет назад индейцы.

Селеста-стрит раньше называлась Перл-стрит, по имени первой жены Уинта. В промежутках же между женитьбами оставалась Безымянной. Такова была сила влияния Уинта Престона.

Селеста в последний раз затянулась сигарой, затушила ее о перила и выкинула.

– Эх, доброе было времечко, – негромко сказала она.

С тех самых пор, как Селеста встретила Уинта (она тогда пела ковбойские песенки в маленькой галвестонской закуской), они жили как кошка с собакой. Селесту это мало трогало – она могла переорать бетономешалку и руганью загнать Сатану в церковь. Правда заключалась в том, что, несмотря на его баб, пьянство и карты, невзирая на то, что Уинт почти тридцать лет держал ее в неведении относительно своих дел, она любила мужа. Когда меньше трех лет назад месторождение иссякло и даже отчаянное применение динамита не помогло вскрыть новую жилу, Уинт Престон понял: его мечта умирает. Теперь Селеста ясно сознавала, что муж тогда помешался: он бросился снимать деньги со счетов, распродавать акции и облигации, собирая наличные с неистовством маньяка. Но куда исчезли почти восемь миллионов долларов, осталось тайной. Может быть, он открыл новые счета на вымышленное имя; может быть, уложил все деньги в жестяные коробки и зарыл в пустыне. Как бы там ни было, накопленное за всю жизнь сгинуло, и, когда налоговое управление подступилось к вдове, требуя внесения задним числом огромных штрафов, платить оказалось нечем.

Теперь этим занимались юристы. Селеста отлично знала, что она сама – всего-навсего сторож, и ее дорога – обратно к кабачку в Галвестоне.

Она увидела, как сине-серая патрульная машина шерифа свернула с Кобре-роуд и не спеша покатила по асфальту. Селеста ждала, обеими руками вцепившись в перила, – несгибаемая маленькая фигурка на фоне многотонной громады пустого дома. Женщина стояла совершенно неподвижно. Машина проехала по кругу подъездной аллеи и остановилась.

Открылась дверца, и медленно, чтобы не слишком потеть, вылез мужчина, весивший в два с лишним раза больше Селесты. Тем не менее и бледно-голубая рубашка на спине, и внутренняя лента светлой ковбойской шляпы пропитались потом. Живот вываливался из джинсов. Наплечная кобура, короткие сапоги из кожи ящерицы. Шериф Вэнс.

– Быстро же вы, однако! – язвительно крикнула Селеста. – Если бы дом горел, я бы сейчас стояла на пепелище!

Шериф замер, поднял голову и обнаружил на балконе Селесту. Как и его любимый герой, сорвиголова из фильма «Хладнокровный Люк»⁸, он был в темных очках с зеркальными стеклами. В выпирающем животе урчал вчерашний ужин – энчилады⁹ с бобами. Вэнс осклабился.

– Кабы дом занялся огнем, – проговорил он тягучим и сладким, как горячая патока, голосом, – надеюсь, у вас хватило бы здравого смысла позвонить пожарным, миссис Престон.

Селеста промолчала, неподвижно глядя сквозь него.

– Чаффин мне перезвонил, – продолжал шериф. – Сказал, вас разбудили вертолеты. – Он старательно изобразил, что исследует безоблачное небо. – Тут нигде ни единого.

– Их было три. Летали над моей собственностью. Я такого шума в жизни не слыхала. Хочу знать, откуда они и что происходит.

Шериф пожал толстыми плечами.

– По мне, так везде тишь да гладь. Все тихо-мирно. – Усмешка шерифа стала шире и теперь больше походила на гримасу. – По крайней мере, было. До сих пор.

– Они улетели вон туда. – Селеста показала на юго-запад.

– Ну ладно, может, если я потороплюсь, так подрежу им нос. Вы этого от меня хотите, миссис Престон?

– Я хочу, чтобы вы не ели свой хлеб даром, шериф Вэнс! – холодно ответила она. – То есть полностью контролировали все, что делается в округе! Я заявляю, что три вертолета чуть не выдернули меня из постели, и хочу знать, чьи они! Понятно?

– Да вроде. – Гримаса намертво прилипла к квадратному щекастому лицу с двойным подбородком. – Теперь-то они уже в Мехико, не иначе.

– Да плевать, хоть в Тимбукту! Эти сволочи могли вломиться ко мне в дом!

Упрямство и тупоумие Вэнса приводили Селесту в ярость. Будь ее воля, его никогда бы не переизбрали шерифом, но он долгие годы лебезил перед Уинтом и на выборах легко одержал победу над соперником-мексиканцем. Однако Селеста видела его насквозь и знала, что за веревочки дергает Мэк Кейд, а еще понимала (нравилось ей это или нет), что теперь Мэк Кейд стал правящей силой в Инферно.

– Вы лучше успокойтесь. Примите таблетку от нервов. Моя бывшая жена обычно так делала, когда...

– Видела вас? – перебила Селеста.

Шериф зычно, но невесело расхохотался.

– Нечего злиться, миссис Престон, это не к лицу такой леди, как вы. – «Показала свою натуру, стерва?» – подумал он и нетерпеливо спросил: – Так, стало быть, вы хотите подать заявление о нарушении тишины неустановленными лицами на трех вертолетах, пункт приписки или владелец, а также место назначения неизвестны?

– Абсолютно точно. Что, для вас это слишком трудно?

Вэнс хмыкнул. Он не мог дождаться, когда эту бабу пинком под зад вышвырнут из города; тогда можно откапывать коробки с деньгами, которые спрятал старый Уинт.

– Мне кажется, я справлюсь.

– Надеюсь. За то вам и платят.

«Ишь, раскомандовалась, – подумал он, – чеки-то мне выписываешь не ты, это уж точно!»

– Миссис Престон, – спокойно, словно говорил с недоразвитым ребенком, произнес он, – лучше уйдите с солнцепека. Неужто охота, чтоб мозги сварились? Да и нам ни к чему, чтобы вас хватил инсульт. – Он одарил ее своей самой приятной, самой невинной улыбкой.

– Делайте, что сказано! – фыркнула Селеста, а потом повернулась к перилам спиной и демонстративно возвратилась в дом.

⁸ «Хладнокровный Люк» – фильм 1967 года режиссера Стюарта Розенберга с Полом Ньюманом в главной роли.

⁹ Энчилада – тонкая лепешка (тортилья) из кукурузной муки, в которую завернута начинка.

– Есть, мэм! – Вэнс шутовски козырнул и сел за руль; влажная рубашка немедленно прилипла к спинке сиденья.

Он завел мотор и поехал обратно к Кобре-роуд. Костяшки пальцев крупных волосатых рук, державших баранку, побелели. Шериф свернул налево, к Инферно, и, набирая скорость, проорал в открытое окно:

– Нашла дурака, чтоб тебя!

Глава 4

Гость

– Похоже, придется идти пешком, – говорила Джесси в то же время, когда Селеста Престон поджидала на балконе шерифа Вэнса.

Стиви перестала плакать, они немного успокоились, но, подняв капот, Джесси сразу увидела, что спущенная шина – самая мелкая неприятность.

Непонятная штуковина продырявила передок машины насквозь, изувеченный двигатель теперь напоминал раскрывшийся цветок. И никак не определить, в чем дело, только пахнет оплавленным железом и горелой резиной, да радиатор с шипением выпускает пар из своей раны. Похоже, отъездила тачка, созрела для свалки Кейда.

– Черт! – ругнулась Джесси и сразу пожалела об этом.

Стиви непременно запомнит словечко и ляпнет в самый неподходящий момент.

Девочка, широко раскрыв настороженные зеленые глаза, смотрела в ту сторону, где исчезли горящий «паровоз» и вертолеты. На чумазом личике подсыхали следы слез.

– Что это было, мама? – спросила она.

– Не знаю. Что-то большое, это уж точно.

«Вроде горящего в полете трейлера с прицепом», – подумала Джесси.

Большей чертовщины она еще не видела. Терпящий бедствие самолет? Но где же крылья? Может быть, метеорит?.. Однако предмет показался ей металлическим. Что бы это ни было, вертолеты гнались за ним, как гончие за лисой.

– Вон кусочек от него, – показала Стиви пальцем.

Джесси посмотрела. Примерно в сорока футах от них в гуще срезанных кактусов что-то торчало из песка. Она двинулась туда, Стиви не отставала. Обломок величиной с крышку канализационного люка был непривычного сине-зеленого цвета, такого темного, будто загадочный предмет пропитался влагой. Края дымились, и Джесси ощутила жар за пятнадцать футов. Обломок блестел, словно металлический, но в воздухе стоял сладковатый аромат, напоминавший запах жженой пластмассы. Правее лежал еще один фрагмент – трубка, а рядом – куски поменьше. Все они дымились. Джесси велела Стиви: «Стой тут» – и направилась к первому обломку, но от него шел такой жар, что снова пришлось остановиться. Сине-зеленую поверхность покрывали маленькие значки, они образовывали круговой узор: символы, похожие на японские иероглифы, и короткие волнистые линии.

– Горячо, – сказала Стиви у матери за спиной, совсем рядом.

«Так-то ты слушаешься», – подумала Джесси, но не время было читать нотации.

Она взяла дочку за руку. Ничего подобного тому, что пролетело мимо них, рассыпая обломки, Джесси еще не видела. Она до сих пор чувствовала потрескивание наэлектризованных волос. Женщина взглянула на часы: вместо чисел – мигающие вразнобой нули. В синем небе на юго-запад тянулся инверсионный след реактивных самолетов. Солнце уже припекало непокрытую голову, и Джесси спохватилась: бейсболка, сорванная и унесенная вихрем от вертолетных винтов, крохотным пятнышком краснела ярдах в семидесяти за Кобре-роуд. Слишком далеко, чтобы идти за ней, ведь им нужно двигаться в другую сторону, к дому Лукасов. Слава богу, у них есть вода, а солнце пока низко. Довольно глазеть, надо двигаться.

– Идем, – сказала Джесси.

Пару секунд Стиви артачилась, не в силах оторвать взгляд от непонятного обломка, затем позволила себя увести. Джесси вернулась к пикапу за саквояжем, где вместе с ветеринарным инструментом лежали кошелек и водительские права. Стиви разглядывала оставленные самолетами следы.

– Самолеты высоко, – сказала она больше для себя, чем для матери. – Спорим, до них сто миль...

Услышав что-то, девочка замолчала.

Музыка, подумала Стиви. Да нет, что-то другое. Звуки затихли. Девочка старательно прислушалась, но различила только свист пара, вырывавшегося из пробитого радиатора.

Звуки возникли снова, и Стиви почудилось в них что-то знакомое, но что именно, она не могла вспомнить. Музыка и не музыка. Не такая, какую слушал Рэй.

Опять пропала.

А вот медленно-медленно возвращается.

– Нам еще далеко, – сказала Джесси, и девочка рассеянно кивнула. – Ты готова?

Стиви вдруг осенило. На крыльце у Гэлвинов висела красивая штучка, которая порой звенела множеством колокольчиков. «Это ветряные куранты», – вспомнила девочка ответ мамы Дженни на свой вопрос. Вот какую музыку она слышала... но ветра не было, да и никаких ветряных курантов поблизости Стиви тоже не заметила.

– Стиви, – окликнула Джесси. Малышка стояла, вперив взгляд в пустоту. – В чем дело?

– Мама, ты слышишь?

– Что слышу? Ничего, только проклятый мотор шипит.

– Да вот же! – настаивала Стиви, вертя головой в поисках источника звука, который то появлялся, то исчезал. – Слышишь?

– Нет, – осторожно сказала Джесси.

Неужели Стиви ударилась головой? О господи, только этого не хватало!

Стиви сделала несколько шагов к дымящемуся среди кактусов сине-зеленому предмету. Звон ветряных курантов немедленно ослаб до шепота. Не сюда, подумала она и остановилась.

– Стиви? Дружочек, с тобой все в порядке?

– Да, мам. – Девочка огляделась, пошла в другую сторону.

Звук оставался очень слабым. Нет, и не сюда.

Джесси охватил страх.

– Слишком жарко, чтобы играть. Нам надо идти. Пошли скорее.

Стиви двинулась к матери. Резко остановилась. Сделала шаг, потом еще два.

Джесси сама подошла к дочке, сняла с нее бейсболку и ощупала голову. Ни шишки, ни синяка. Глаза Стиви блестели чуть сильнее обычного, щеки разругались, но Джесси хотелось думать, что виной тому жара и волнение.

Стиви не отрываясь смотрела куда-то мимо нее.

– Что такое? – спросила Джесси. – Что ты слышишь?

– Музыку, – терпеливо объяснила девочка, догадавшись, откуда доносится перезвон, хотя и понимала, что такого быть не может. – Она поет, – сказала Стиви, когда ее снова омыли чистые сильные ноты, и показала пальцем: – Там.

Джесси увидела, куда показывает дочка. На пикап. Смятый капот, развороченный мотор. Она подумала, что свист пара и журчание масла, вытекающего из перебитых шлангов, конечно, можно принять за диковинную музыку, но...

– Она поет, – упорствовала Стиви.

Джесси опустила на колени и заглянула дочке в глаза. Кровоизлияния не было, зрачки казались совершенно нормальными. Она проверила пульс: тот немножко частил, но и только.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

«Мама заговорила как доктор», – подумала Стиви.

Она кивнула. Звон ветряных курантов шел от пикапа – Стиви была совершенно в этом уверена. Но почему же мама ничего не слышит? Нежная музыка притягивала девочку; ей захотелось подойти и посмотреть, где спрятаны колокольцы, но мать держала Стиви за руку и тянула прочь. С каждым шагом музыка звучала все тише.

– Нет! Не пойду! – запротестовала Стиви.

– Не валяй дурака. Нам нужно добраться к Лукасам, пока не стало по-настоящему жарко. Что ты еле плетешься? – Джесси трясло. Она только что до конца осознала события нескольких последних минут. Неведомый предмет мог запросто разнести их в пыль. Стиви всегда была выдумщицей, но сейчас ее фантазии пришлось не ко времени и не к месту. – Иди нормально! – приказала Джесси, и девочка наконец сдалась.

Еще десять шагов, и мелодичный звон ветряных курантов превратился в шепот. Еще пять – во вздох. Еще пять – в воспоминание.

Они шли по проселочной дороге к дому Лукасов. Стиви поминутно оглядывалась на «форд», и, только когда он превратился в пыльную точку, а затем исчез из виду, девочка вспомнила: они идут осматривать Душистого Горошка!

Глава 5

Окраина

– Будет и на нашей улице праздник! – сказал Вэнс. Патрульная машина мчалась на восток по Кобре-роуд, в недрах шерифского живота раскатывался гром. – Да, возмездие не за горами! Скоро, скоро Селесту Престон выкинут пинком под зад. – Если бы шерифу довелось прилюдно высказаться на эту тему, он предположил бы, что Ее Зазнайству покажется счастьем, если ей позволят мыть плевательницы в клубе «Колючая проволока».

Машина двигалась мимо мертвого рудника. В марте двое подростков перелезли через ограду и нашли в штольне невзорвавшийся динамит. Обоих разнесло на мелкие кусочки. В последние недели существования рудника динамит взрывали постоянно, словно работал часовой механизм гибели, и Вэнс думал, что там, внизу, есть и другие несработавшие заряды. Однако больше не нашлось желающих их выкапывать. Да и какой в том прок?

Он потянулся к приборному щитку и взял микрофон.

– Эй, Дэнни! Где ты там?

В динамике затрещало, и Дэнни Чаффин ответил:

– Слушаю, сэр.

– Давай-ка брякни... Мм, ну-ка поглядим... – Вэнс отогнул козырек над ветровым стеклом, достал оттуда карту округа и развернул ее на сиденье. На несколько секунд он отвлекся, и машина вильнула к правой обочине, до смерти перепугав броненосца. – Брякни в Римрок и в Президио, на аэродром. Узнай, летали у них утром вертолеты или нет. Наша принцесса на горошине подняла хай: прическу ей, видишь ты, растрепали!

– Понято.

– Погоди отключаться, – добавил Вэнс. – Они могли пожаловать и из другого округа. Позвони в аэропорты Мидленда и Биг-Спринга. Ах да, и на авиабазу Уэбб тоже. Надо думать, этого хватит.

– Есть, сэр.

– Я сейчас проедусь по Окраине, потом вернусь. Еще кто-нибудь звонил?

– Нет, сэр. Все сидят тихо, как шлюхи в церкви.

– Парень, что у тебя на уме, часом, не Китовая Задница? Брось, не то еще втрескаешься! – Вэнс захохотал.

Мысль о Дэнни, поладившем с Китовой Задницей, Сью Маллинэкс, развеселила его до упада. Эта женщина была вдвое крупнее Чаффина; она работала официанткой в «Клейме» у Брэндина на Селеста-стрит, и Вэнс знал не меньше десяти мужчин, побывавших в ее постели. Чем же Дэнни хуже других?

Дэнни промолчал. Вэнс понимал, что, говоря о Сью в таком тоне, он злит парня – у Дэнни были наивные мечтательные глаза, и мальчишке не приходило в голову, что Китовая Задница просто водит его за нос. Ничего, еще поймет.

– Я попозже еще свяжусь с тобой, малыш. – И Вэнс вернул микрофон на место.

Слева приближалась Качалка. Над Кобре-роуд дрожало горячее марево. Залитый резким светом Инферно казался миражем.

Вэнс знал, что для неприятностей на Окраине еще рано. Но опять-таки никогда не знаешь наперед, с чего заведутся эти латиносы.

– Мексикашки, – презрительно пробормотал Вэнс и покачал головой.

У жителей Окраины была смуглая кожа, черные глаза и волосы, они ели тортильи и энчилады и говорили на южном приграничном жаргоне. В глазах Вэнса это делало их мексикан-

цами, где бы они ни родились и какое бы замысловатое имя ни носили. Самыми настоящими мексиканцами – и точка.

Под приборной доской в специальном отсеке удобно устроился помповый ремингтон, а под пассажирским сиденьем лежала бейсбольная бита, да не какая-нибудь, а «Луисвилль слаггер». «Старушка создана для того, чтобы дробить черепа копченым, – раздумывал Вэнс. – Особенно она полезна одному хитрожоному панку, который воображает, будто он здесь заказывает музыку». Вэнс знал: рано или поздно миссис Луисвилль встретится с Риком Хурадо, и тогда тот станет первой «мокрой спиной» в открытом космосе.

Он миновал Престон-парк, выехал на Репаблика-роуд, повернул направо возле бензоколонки Хавьера Мендосы и въехал на мост через Снейк, направляясь к пыльным улочкам Окраины. Шериф решил подъехать по Второй улице к дому Хурадо, посидеть перед ним и поглядеть, не надо ли кому вправить мозги.

Ведь в конце-то концов, сказал себе Вэнс, работа шерифа и состоит в том, чтобы держать хулиганье в узде. Через год к этому времени он уже не будет шерифом, а значит, можно с чистой совестью дать себе волю. Припомнив, как Селеста Престон командовала им, будто мальчишкой на побегушках, Вэнс скривился и поехал быстрее.

Он остановил машину на Второй улице, перед коричневым дощатым домом. У тротуара был припаркован старый, помятый черный «камаро» Рика, а вдоль улицы выстроились драндулеты, на которые не позарился бы и Мэк Кейд. За домами сохло на веревках белье, кое-где по голым дворам бродили куры. Окраина – земля и дома – принадлежала Мексиканско-американскому гражданскому комитету, номинальная арендная плата возвращалась в городской бюджет. Вэнс представлял закон и здесь, а не только по другую сторону моста. Дома, построенные в основном в начале пятидесятых, являли собой оштукатуренные дощатые конструкции. Судя по их виду, все они нуждались в покраске и ремонте, но бюджету Окраины такие расходы не поднять. Это район лачуг и присыпанных желтой пылью узких улочек, где вечными памятниками бедности стояли неуклюжие остовы старых автомобилей и громоздился прочий утиль. Здесь жила примерно тысяча человек. Подавляющее большинство обитателей Окраины трудилось на медном руднике, а когда он закрылся, квалифицированные рабочие уехали. Те, кто остался, отчаянно цеплялись за то малое, что у них было.

Пару недель назад в конце Третьей улицы загорелись два пустующих дома, но добровольная пожарная дружина не дала пламени распространиться. На пепелище нашли огарки пропитанных бензином тряпок. В прошлые выходные Вэнс прекратил в Престон-парке побоище, в котором участвовала дюжина «отщепенцев» и «гремучих змей». Как и прошлым летом, обстановка накалялась, но на сей раз Вэнс собирался загнать джинна в бутылку раньше, чем пострадают жители Инферно.

Улицу переходил важный рыжий петух. Шериф надавил на клаксон. Петух взмыл в воздух, теряя перья. «Ишь, гаденыш!» – подумал Вэнс и полез в нагрудный карман за сигаретами.

Но закурить не успел, потому что краем глаза уловил какое-то движение. Шериф посмотрел на дом Хурадо и увидел в дверях Рика.

Они уставились друг на друга. Время шло. Рука сама потянулась к клаксону, и шериф опять просигналил. Эхо гудка разнеслось по Второй улице, все собаки по соседству встрепенились и залились неистовым лаем.

Юноша не шелохнулся. Он был в черных джинсах и полосатой рубашке с короткими рукавами. Одной рукой удерживал распахнутую дверь-ширму, вторая, сжатая в кулак, висела у бедра тела.

Вэнс еще раз нажал на клаксон, и тот получил возможность стенать еще шесть долгих секунд. Собаки надрывались от лая. За три дома от Хурадо из дверей выглянул какой-то мужчина. На другом крыльце появились двое ребяташек, они стояли и смотрели, пока какая-то женщина не загнала их обратно в дом. Когда шум утих, Вэнс услышал несущуюся из дома

напротив испанскую ругань (здешний малопонятный аргон казался шерифу сплошной руганью). Мальчишка отпустил дверь, и та захлопнулась, а сам он сбежал по просевшим ступенькам крыльца на тротуар.

«Давай-давай, петушок! – думал Вэнс. – Попробуй только устрой что-нибудь!»

Рик остановился прямо перед патрульной машиной.

Около пяти футов и девяти дюймов ростом, на смуглых руках играют мышцы, черные волосы зачесаны назад. Глаза на темно-бронзовом лице казались угольно-черными... но это были глаза не восемнадцатилетнего юноши, а немолодого, слишком много изведавшего мужчины. В них светилась холодная ярость – как у дикого зверя, учуявшего охотника. На запястьях красовались черные кожаные браслеты, украшенные мелкими металлическими квадратиками, ремень тоже был из проклепанной кожи. Парень пристально смотрел на шерифа сквозь ветровое стекло. Оба не двигались.

Наконец юноша медленно обошел машину и остановился в нескольких футах от открытого окна.

– Какие-то проблемы, дядя? – спросил он, мешая величавый выговор Мехико с грубой невнятицей, характерной для Западного Техаса.

– Патрулирую, – ответил Вэнс.

– Перед моим домом?

Едва заметно улыбаясь, Вэнс снял темные очки. Его глубоко посаженные светло-карие глаза были явно малы для такого лица.

– Захотелось съездить и повидаться с тобой, Рики. Пожелать доброго утра.

– Buenos dias¹⁰. Что еще? Мне пора в школу.

Вэнс кивнул:

– Последний школьный день? Небось будущее расписал как по нотам?

– Не твоя забота.

– Это верно. Скорее всего, кончишь уличным продавцом наркоты. Хорошо, что ты взаправду крепкий hombre¹¹, Рики. Со временем тебе, может быть, даже понравится жизнь за решеткой.

– Если я попаду туда первым, – сказал Рик, – то позабочусь, чтобы пидоры узнали: ты на подходе.

Улыбка Вэнса поблекла.

– А это как понимать, умник?

Парнишка пожал плечами, глядя мимо шерифа вдоль Второй улицы.

– Ты, чувак, скоро жди облома. Рано или поздно легавые штата повяжут Кейда и примутся за его подельника. Правда, Кейд может свалить за бугор, а расхлебывать свою парашу оставит тебя. – Рик смотрел прямо на Вэнса. – Кейду второй номер ни к чему. Что, сам не допетрил, мозгов не хватило?

Вэнс сидел совершенно неподвижно, сердце сильно колотилось. В дальнем уголке ума зашевелились неприятные воспоминания. Шериф не мог ударить Хурадо в живот не только потому, что тот был главным у «гремучих змей». Причина крылась глубже, на уровне инстинкта. Мальчишкой Вэнс жил с матерью в Эль-Пасо. Ему приходилось возвращаться из школы через пыльный, жаркий, грязный Кортес-парк. Мать Вэнса днем работала в прачечной. Они ютились всего в четырех кварталах от школы, но для маленького Вэнса ежедневное возвращение домой превратилось в муку, в поход по ничейной земле, где царила жестокость. В Кортес-парке околачивались мальчишки-мексиканцы, и верховодил над ними здоровенный восьмиклассник Луис, с такими же черными непроницаемыми глазами, как у Рика Хурадо. Эдди

¹⁰ Добрый день (исп.).

¹¹ Мужчина, человек (исп.).

Вэнс был толстым и неповоротливым, а ребята-мексиканцы бегали как пантеры. И вот наступил ужасный день: мальчишки, галдя, взяли его в кольцо, а когда он заплакал, стало только хуже. Его повалили на землю и раскидали учебники. Ребята-гринго видели это, но боялись вмешаться, и тот, которого звали Луис, стащил штаны с Вэнса, а остальные держали жертву, пока Луис не стянул и трусы. Их напаялили Эдди на голову, как лошади надевают торбу с овсом, и, пока полуголый толстый мальчишка бежал домой, мексиканцы визжали от смеха, улюлюкая: «Burro! Burro! Burro!»¹²

С тех пор Эдди Вэнс по пути домой делал крюк больше мили, лишь бы не заходить в Кортес-парк, и мысленно тысячу раз убил того мальчишку-мексиканца, Луиса. И вот он появился снова, только теперь его зовут Рик Хурадо. Он стал старше, лучше говорит по-английски и, несомненно, гораздо лучше соображает, но, хотя Вэнс готовится отпраздновать свой пятьдесят четвертый день рождения, в душе он по-прежнему толстый трусоватый мальчишка, и уж он-то узнал бы эти хитрые глаза где угодно. Это Луис, он самый, просто с чужим лицом.

Истина заключалась в том, что Вэнс ни разу не встретил мексиканца, который так или иначе не напомнил бы ему мальчишек, издевавшихся над ним в Кортес-парке почти сорок лет назад.

– Чего уставился, дядя? – дерзко спросил Рик. – У меня что, вторая башка выросла?

Шериф очнулся. Его охватила ярость.

– Ах ты, сраная «мокрая спина», я тебе сейчас и первую-то оторву!

– Ни хрена. – Но паренек весь напрягся, готовый к бегству или драке.

«Наплюй!» – предостерег себя Вэнс. К такому повороту событий он не был готов – только не здесь, не в центре Окраины. Шериф быстро надел очки и хрустнул пальцами.

– Твои ребята шляются после захода солнца в Инферно. Так не пойдет, Рики.

– Я слышал, тут свободная страна.

– Свободная. Для американцев. – Хотя Вэнс знал, что Хурадо родился в Инферно, в больнице на Селеста-стрит, то, что отец и мать парня проживали на территории штата незаконно, тоже не было для него секретом. – Ты позволяешь своей шайке...

– «Гремучие змеи» не шайка, это клуб.

– Конечно-конечно. Ты позволяешь панкам из вашего клуба ходить, как стемнеет, на тот берег. Напрашивается на неприятности! Я этого не потерплю. Не желаю, чтобы всякие «гремучки» шастали вечером через мост. Понятно?..

– Фигня! – снова перебил Рик и сердито махнул рукой в сторону Инферно. – Как насчет «щепов», дядя? Они хозяева в этом долбаном городе, так получается?

– Нет. Но твои ребята нарываюся на драку, отсвечивая там, где их быть не должно. Я хочу, чтобы это прекратилось.

– Прекратится, – заверил Рик. – Когда «щепы» перестанут ездить сюда, бить окна и размалевывать чужие машины. Они устраивают здесь черт-те что, а нам нельзя даже мост перейти, сразу по рогам! А пожар? И как Локетта еще не посадили?

– С чего бы это? Нет никаких доказательств, что поджог – дело рук «отщепенцев». Мы нашли только несколько кусков жженой тряпки.

– А то ты не знаешь, что подожгли они! – Рик с отвращением покачал головой. – Куриное ты дерьмо, Вэнс! Слушай-ка, большой начальник! Мои люди держат улицы под наблюдением, и, клянусь Богом, мыотрежем лишнее любому «щепу», которого поймает! Comprendes?¹³

Вэнс покраснел от злости. Он снова стоял в Кортес-парке и смотрел в лицо Луису. Желудок свело от страха, и то был страх толстого мальчишки.

¹² Осел (исп.).

¹³ Понятно? (исп.).

– Не нравится мне твой тон, парень! С «отщепенцами» я разберусь сам, ты знай держи своих отморожков по эту сторону моста. Уяснил?

Рик Хурадо вдруг отошел от машины, нагнулся и что-то схватил. Вэнс увидел рыжего петуха. Парнишка приблизился к машине, поднял птицу над ветровым стеклом и сильно сдавил руками. Петух закудаhtал, трепеща крыльями. Из-под хвоста на ветровое стекло вывалилась и поползла вниз бело-серая капля.

– Вот мой ответ, – вызываяще проговорил юноша. – Куриному дерьму – куриное дерьмо.

Не успел белый потек достичь капота, как Вэнс выскочил из машины. Рик проворно отступил на пару шагов, бросил петуха и приготовился встретить надвигающуюся бурю. Петух, задущенно кудаhtая, опрометью кинулся под прикрытие куста юкки.

Вэнс, понимая, что подносит спичку к динамиту, все-таки попробовал сцапать паренька за ворот, но Рик отскочил слишком шустро для шерифа и легко увернулся. Вэнс схватил пустоту, и рядом вновь возник Луис из Кортес-парка. Шериф яростно взревел, заноса кулак, чтобы ударить своего мучителя.

Но не успел: где-то хлопнула дверь, и мальчишеский голос прокричал по-испански:

– Эй, Рикардо! Помощь требуется?

За голосом немедленно последовал резкий щелчок, и кулак шерифа застыл в воздухе.

На противоположной стороне улицы на крыльце обветшалого дома стоял тощий парнишка-мексиканец в грубых хлопчатобумажных штанах, армейских ботинках и черной футболке.

– Помочь? – Он спросил на сей раз по-английски, завел правую руку за спину и плавным движением выбросил ее вперед.

Кнут резко щелкнул и кончиком взметнул из канавы окурков. Полетели табачные крошки.

Мгновение затянулось. Наблюдая за лицом Вэнса, на котором явственно боролись гнев с трусостью, Рик Хурадо увидел, как шериф заморгал, и понял, чья взяла. Вэнс разжал кулак. Его рука безвольно повисла вдоль тела, он взмахнул ею, как птица – сломанным крылом.

– Нет, Зарра, – откликнулся Рик, он снова был спокоен. – Все нормально.

– Я так, на всякий пожарный. – Карлос Зарра Альгамбра намотал кнут на правую руку и уселся на ступеньки крыльца, вытянув длинные ноги.

Вэнс увидел, что к нему по Второй улице идут еще двое. Поодаль, там, где она заканчивалась тупиком (нагромождение камней и полынь), с края тротуара за ним наблюдал еще один парнишка с ломиком в руке.

– Ты все сказал? – поинтересовался Рик.

Вэнс ощутил сотни взглядов, наблюдающих за ним из окон дрянных домишек. Тут ему не взять верх, вся Окраина – это огромный Кортес-парк. Шериф опасно покосился на панка с кнутом. Он знал: этой штуковиной Зарра Альгамбра может выбить глаз ящерице. Вэнс ткнул толстым пальцем в сторону Рика:

– Я тебя предупредил! Чтоб после захода солнца никаких «гремучек» в Инферно не было, слышишь?

– Чего? – Рик приложил ладонь к уху.

Зарра на другой стороне улицы расхохотался.

– Заруби себе на носу! – проворчал Вэнс и сел в патрульную машину. – Запомни хорошенько, умник! – крикнул он, едва дверца захлопнулась.

Полоска на ветровом стекле бесила, и шериф включил дворники. Ручеек превратился в грязное пятно. До Вэнса донесся смех мальчишек, и его лицо запылало. Он дал задний ход, быстро доехал по Второй улице до Репаблика-роуд, резко развернул машину и с ревом помчался через мост в Инферно.

– Катись, начальникек! – гикнул Зарра и встал. – Эх, надо было вытянуть кнутом по жирной заднице!

– Еще успеешь. – Сердце Рика колотилось уже не так сильно: во время стычки с Вэнсом оно билось как сумасшедшее, но парнишка не посмел выказать и тени страха.

– Класс! Круши, чувак! – Зарра вскинул левый кулак в приветствии «гремучих змей».

– Круши. – Рик неохотно отсалютовал в ответ.

Он увидел Чико Магельяса и Пити Гомеса, выступавших задорно и важно, словно под ногами у них был не потрескавшийся бетон, а чистое золото. Они шли к перекрестку, чтобы успеть на школьный автобус.

– Погоди, – бросил он Зарре, поднялся на крыльцо и вошел в коричневый дом.

Опущенные шторы не пропускали внутрь солнечного света. Там, где на серые обои падало солнце, они выгорели и стали бежевыми, а на стенах висели в рамках изображения Иисуса на черном бархате. Пахло луком, тортильей и бобами. Половицы под ногами Рика страдальчески застонали. Он прошел по короткому коридору к двери возле кухни и легонько постучал. Выждав несколько секунд, постучал снова, гораздо громче.

– Я не сплю, Рикардо, – ответил по-испански слабый голос немолодой женщины.

Затаивший было дыхание Рик шумно выдохнул. Он знал, что однажды утром подойдет к этой двери, постучится и не дождется ответа. Но не сегодня. Рик раскрыл дверь и заглянул в спальню, где были задернуты занавески и электрический вентилятор месил тяжелый воздух. В комнате пахло чем-то вроде подгнивших фиалок.

На кровати под простыней лежала худенькая пожилая женщина. Седые волосы рассыпались на подушке кружевным веером, смуглое лицо покрывали глубокие морщинки.

– Я ухожу в школу, Палома. – Теперь Рик говорил нежно и внятно, совсем не так, как только что на улице. – Тебе что-нибудь принести?

– Нет, *gracias*¹⁴. – Старуха медленно села и сухощавой рукой принялась взбивать подушку, но Рик был начеку и помог. – Ты сегодня работаешь? – спросила она.

– Да. Вернусь к шести.

Три дня в неделю Рик после школы трудился в хозяйственном магазине и, разреши ему мистер Латтрелл, уходил бы домой позже. Однако с работой в городе было плохо, да и за бабушкой требовался присмотр. Каждый день кто-нибудь из добровольного церковного комитета приносил ей обед; соседка, миссис Рамирес, время от времени забежала взглянуть, как она, да и отец Ла-Прадо тоже частенько заглядывал, но Рик не любил надолго оставлять бабушку одну. В школе его терзал страх, что Палома может упасть, сломать бедро или ногу и будет лежать, страдая, в этом жутком доме до его возвращения. Но обходиться без денег, которые ему платили в магазине, никак не получалось.

– Что за шум я слышала? – спросила Палома. – Какая-то машина гудела. И разбудила меня.

– Кто-то просто ехал мимо.

– Я слышала, кричали. На этой улице слишком шумно и беспокойно. Когда-нибудь мы будем жить на тихой улице, правда?

– Правда, – ответил он и той же рукой, что взлетала в салюте «гремучих змей», погладил редкие седые волосы бабушки.

Палома схватила Рика за руку.

– Будь сегодня хорошим мальчиком, Рикардо. Учись прилежно.

– Постараюсь. – Он заглянул бабушке в лицо. Старушка почти не видела, глаза затянулись бледно-серыми бельмами. Ей был семьдесят один год, она перенесла два микроинсульта, зато сохранила много зубов. Паломой – голубкой – ее прозвали за раннюю седину. Настоящее ее имя, имя мексиканской крестьянки, было практически произносимо даже для внука. – Я хочу, чтобы ты сегодня была осторожна, – сказал он. – Поднять занавески?

¹⁴ Спасибо (*исп.*).

Палома покачала головой.

– Слишком светло. Но после операции я все буду видеть – даже лучше, чем ты!

– Ты и так видишь все лучше меня.

Рик нагнулся и поцеловал бабушку в лоб. И опять ощутил запах умирающих фиалок.

Ее пальцы наткнулись на кожаный браслет.

– Опять эти штуки? Зачем ты их носишь?

– Просто так. Это модно. – Он отнял руку.

– Мода. Sí. – Палома слабо улыбнулась. – А кто завел такую моду, Рикардо? Может, кто-то, кого ты не знаешь и кто тебе бы вовсе не понравился. – Она постучала себя по лбу. – Вот чем пользуйся. Живи по-своему, а не по чужой моде.

– Легко сказать.

– Это верно. Но лишь так можно стать мужчиной, а не чужим эхом. – Палома повернула голову к окну. По краям занавесок просачивался резкий свет, от которого болела голова. – Твоя мать... пошла на поводу у моды, – тихо сказала старуха.

Это высказывание застало Рика врасплох – о его матери в доме не упоминали давным-давно. Мальчик ждал, но бабушка ничего не добавила.

– Почти восемь. Я лучше пойду.

– Да, ступай, не то опоздаешь, мистер Старшекласник.

– Вернусь в шесть, – повторил Рик и направился к двери, но, прежде чем выйти из комнаты, быстро оглянулся на хрупкий силуэт в кровати и сказал то, что говорил каждое утро перед уходом в школу: – Я тебя люблю.

И Палома ответила, как обычно:

– А я тебя – в два раза сильнее.

Рик закрыл за собой дверь спальни. В коридоре он вдруг сообразил, что бабушкиных слов ему хватало, когда он был ребенком; сейчас же, за стенами этого дома, в мире, где солнце бьет, точно кувалда, а слово «пощада» в ходу лишь у трусливых, любовь умирающей старухи его не защитит.

С каждым шагом его лицо неувовимо менялось. Взгляд утратил мягкость, и глаза заблестели жестко и холодно. Рот сжался в резкую, неумолимую полоску. Не доходя до двери, Рик остановился, дернул с вбитого в стену крючка белую мягкую фетровую шляпу с лентой из змеиной кожи и перед потемневшим зеркалом надел ее набекрень, как полагалось дерзкому человеку. Потом рука мальчика нащупала в кармане джинсов блестящий выкидной нож. На зеленой яшмовой рукоятке был вырезан Иисус, и Рик вспомнил, как выхватил этот нож – Клык Иисуса – из ящика, где, свернувшись, лежала гремучая змея.

Теперь глаза Рика смотрели недобро, обещая трепку любому, кто встанет ему поперек дороги. Можно было отправляться.

Как только он ступит за порог, пекущийся о своей Паломе Рик Хурадо будет забыт; появится Рик Хурадо – президент «гремучих змей». Бабушка никогда не видела этого его лица (порой он даже благодарил Бога, что у нее катаракта), но, если он хочет выжить в войне с Локеттом и «отщепенцами», иначе нельзя. Он не вправе допустить, чтобы маска упала... но временами Рик переставал понимать, где маска, а где он сам.

Глубокий вдох. Рик вышел из дома. Поджидавший у машины Зарра кинул ему свежий косячок. Рик поймал его и припрятал на потом. Подкуриться (или, по крайней мере, прикинуться подкуренным) – иного способа прожить день не было.

Рик втиснулся за руль. Зарра устроился рядом. Поворот ключа, и мотор «камаро» взревел. Хурадо надел темные очки в черной оправе и, завершив свое превращение, тронулся в путь.

Глава 6

Черный шар

В десятом часу возле разбитой машины Хэммондов затормозил коричневый пикап. Оттуда вылезла Джесси, за ней – Бесс Лукас, жилистая седая женщина пятидесяти восьми лет от роду. Приятное лицо с острым подбородком, ярко-голубые глаза. Бесс была в джинсах, бледно-зеленой блузке и соломенной ковбойской шляпе. Заглянув в искромсанный мотор, она скривилась:

– Господи! Вдрызг! – Мотор остыл и затих, под пикапом уже почти высохла лужа бензина. – С чего это его так разворотило?

– Не знаю. Я же сказала: мимо нас что-то пролетело, оторвался кусок и угодил в капот. Обломок был примерно вот такой. – Джесси направилась к сине-зеленым останкам, которые уже перестали дымиться. Но в воздухе все равно еще держалась резкая вонь горелой пластмассы.

Бесс с Тайлером тоже слышали шум, и мебель в их доме исполнила короткий танец, но когда они вышли наружу, то увидели только висящую в воздухе тучу пыли. Никаких вертолетов или чего-нибудь похожего на то, что описала Джесси, не было. Цокая языком, Бесс покачала над мотором головой – в двигателе зияла дыра размером с детский кулак – и следом за Джесси отошла от пикапа.

– Говоришь, та штука пронеслась мимо без всякого предупреждения? И куда ж она подевалась?

– Туда. – Джесси показала на юго-запад.

Обзор им загораживал кряж, в небе появилось несколько новых следов реактивных самолетов. Она потянулась к покрытому странными значками обломку, который торчал из песка и все еще излучал тепло, да так, что щекам Джесси стало горячо.

– По-каковски же тут написано? – полюбопытствовала Бесс. – По-гречески?

– Вряд ли. – Подобравшись к непонятному предмету поближе, Джесси опустилась на колени.

Там, где обломок зарылся в землю, песок спекся, а вокруг лежали куски обуглившегося кактуса.

– Ну и ну! – Бесс заметила превратившийся в стекляшки песок. – Должно быть, крепко припекло?

Джесси кивнула и встала.

– Черт знает что! Тихо-мирно едешь по делам, и вдруг тебе середь бела дня разбивают машину. – Бесс оглядела пустынную даль. – Может, тут становится слишкомлюдно?

Джесси слушала невнимательно. Она не сводила глаз с сине-зеленого предмета. Тот, вне всяких сомнений, не был ни обломком метеорита, ни фрагментом какого-либо из известных ей средств воздушного сообщения. Может быть, это часть спутника? Но обозначения были безусловно не английскими, да и не русскими. У каких же еще стран есть спутники на орбите? Джесси вспомнила, что несколько лет тому назад какой-то космический драндулет упал на территорию Северной Канады, а совсем недавно аналогичное происшествие имело место на окраине Австралии. И после информации НАСА о том, что на Землю падают вышедшие из строя спутники, под шутки-прибаутки (как бы, дескать, не огрести обломком по башке) возникла мода носить твердые шляпы: чтобы отбить несколько тонн металла.

Но если сейчас перед Джесси был металл, то чрезвычайно странный.

– А вот и наши, – сказала Бесс.

Джесси подняла голову и увидела, что к ним скачет лошадь с двумя седоками. За спиной Тайлера, пустившего Душистого Горошка легким галопом, сидела Стиви.

Женщина вернулась к грузовику, наклонилась и заглянула в отверстие. Что именно пробило мотор, в этой каше из мятого металла, рваных проводов и выплеснувшегося масла было не увидеть. Прошло ли оно навывлет или застряло где-то внутри? Джесси представила, какое лицо сделает Том, когда она скажет, что на пути им встретился падающий космический корабль и к чертовой матери разможил...

Джесси замерла. Космический корабль! Вот что крутилось у нее в голове. Но ведь и спутник – тоже космический корабль! Однако одурачить себя ей не удалось. Это не наш корабль, не земной. Пришелец из далекого-далекого космоса.

«О господи! – подумала женщина и чуть не расхохоталась. – Надо сходить за бейсболкой, пока мозги не сварились!» Но взгляд Джесси снова метнулся к сине-зеленому предмету в песке и разбросанным неподалеку обломкам. «Прекрати! – велела она себе. – Если тебе эта вещь не знакома, это вовсе не означает, что она прилетела из космоса! Не надо до поздней ночи сидеть у телевизора и смотреть фантастику!»

Тайлер со Стиви, ехавшие верхом на большом золотистом паломино, были уже совсем рядом. Тайлер (крупная кость, продубленное морщинистое лицо, заправленная под изношенное армейское кепи седая грива – ему перевалило за шестьдесят) спешил и легко снял девочку со спины Душистого Горошка. Подойдя к пикапу, он присвистнул:

– Мотор можешь выбросить. Боюсь, эту дыру не залатает даже Мендоса.

До того как выехать из дома, они позвонили на автозаправочную станцию Хавьеру Мендосе, и тот пообещал через полчаса отбуксировать пикап к себе.

– Тут повсюду раскиданы какие-то обломки, – сказала Бесс. Она повела рукой вокруг. – Видел ты когда-нибудь такое?

– Нет, ни разу.

Удалившись от дел (раньше он служил в компании «Техас пауэр»), Тайлер посвятил себя литературе: писал вестерны про зверолова по имени Барт Джастис. Сочинения эти имели успех. Бесс довольствовалась тем, что коротала время, зарисовывая пустынные растения, и вместе с мужем возилась с Душистым Горошком, точно жеребец был щенком-переростком.

– И я тоже, – призналась Джесси. Она увидела, что к ним приближается Стиви. Глаза девчушки опять стали большими и замороженными. В доме Лукасов Джесси тщательно осмотрела дочку и не нашла никаких повреждений. – Стиви? – тихо окликнула она.

Девочку манил перезвон ветряных курантов. Чудесная музыка навевала покой. Следовало выяснить, откуда она раздается. Стиви хотела пройти мимо матери, но Джесси ухватила дочку за плечо раньше, чем та успела приблизиться к пикапу.

– Не влезь в масло, – встревожилась Джесси. – Испортишь одежду.

Тайлер был в рабочих брюках и не боялся испачкаться. Его разбирало любопытство, что же проделало в пикапе такую большущую дыру, поэтому он засунул руку в искореженный мотор и начал ощупывать.

– Осторожно, Тай, не поранься! – предостерегла мужа Бесс, но он только крикнул.

– Док, есть фонарик? – спросил он.

– Сейчас. – В саквояже Джесси лежал маленький фонарик. – Не мешай мистеру Лукасу, – велела она Стиви.

Та безучастно кивнула. Джесси достала из пикапа инструментальный ящик, отыскала фонарик и подала его Тайлеру. Щелкнув выключателем, тот направил луч в отверстие.

– Батюшки, ну и каша! – сказал он. – Что бы это ни было, оно прошло сквозь мотор. Все клапаны сорвало.

– А не видно, что бы это могло быть?

Тайлер посветил туда-сюда.

– Нет, не разобрать. Оно должно быть твердым, как пушечное ядро, и лететь, словно его черти гнали! – Он покосился на Стиви. – Пардон за выражение, лапушка. – Тайлер снова сосредоточился на луче света. – По-моему, оно рассыпалось где-то там на мелкие кусочки. Док, тебе крупно повезло, что эта штука не протаранила бензобак.

– Я знаю.

Тайлер распрямился и выключил фонарь.

– Машина-то застрахована? Небось у Хитрюги?

– Правильно. – Хитрюге Кричу принадлежала компания «Гордость Техаса», занимавшаяся страхованием автомобилей и жизни горожан. Его контора располагалась на втором этаже здания inferнского банка. – Правда, я ума не приложу, как растолковать ему, что произошло. По-моему, ничего подобного моя страховка не предусматривает.

– Хитрюга выкрутится. Старый хрыч даже из камня выдавит слезу.

– Мам, оно еще там, – тихонько сказала Стиви. – Я слышу, как оно поет.

Тайлер с Бесс посмотрели на девочку, потом переглянулись.

– Думаю, Стиви немножечко взбудоражена, – объяснила Джесси. – Ничего страшного, киска. Мы поедем домой, как только мистер Мендоса...

– Оно еще тут, – решительно повторила девочка. – Разве не слышишь?

– Нет, – ответила Джесси. – И ты не слышишь. Ну-ка прекрати ломать комедию, сию же минуту!

Стиви не ответила. Она не сводила глаз с грузовичка, пытаясь сообразить, откуда именно доносится музыка.

– Стиви, – позвала Бесс, – иди-ка сюда, давай угостим Душистого Горошка сахарком. – Миссис Лукас вынула из кармана несколько кусочков сахара, и паломино шагнул к ней в ожидании лакомства. – Сладенькому – сладенькое, – любовно проговорила Бесс, скармливая коню белые кубики. – Ну, Стиви! Дай-ка ему кусочек.

В обычной обстановке Стиви мигом ухватилась бы за возможность покормить Душистого Горошка сахаром, но сейчас она помотала головой, не желая отрываться от мелодичного перезвона ветряных курантов. Джесси не успела остановить дочку, и та сделала еще один шаг к грузовику.

– Гляди-ка, – вдруг сказал Тайлер. Он нагнулся к спущенной правой передней шине. В крыле над колесом вздулся металлический волдырь. Тайлер опять включил фонарик и посветил снизу вверх за колесо. – Там что-то застряло. Похоже, приварилось к железу.

– Что это? – спросила Джесси. – Стиви! Держись подальше!

– Что-то не очень большое. Молоток есть?

Джесси отрицательно покачала головой. Тайлер стукнул по волдырю кулаком – безрезультатно. Он полез под крыло.

Бесс сказала:

– Осторожнее, Тай!

– Эта штука вся скользкая от масла. И крепко же засела, скажу я вам!

Тайлер ухватился за непонятный предмет и дернул, но пальцы сорвались. Он вытер ладонь о штаны и попробовал еще раз.

– Зря стараешься! – раздраженно сказала Бесс, но подошла поближе.

Мышцы на плечах Тайлера вздулись от усилий, старик упрямо продолжал тянуть.

– Вроде пошло, – пропыхтел он. – Сейчас я поднапру.

Затем покрепче ухватил непонятный предмет и снова рванул изо всех сил. Еще секунду-другую тот сопротивлялся, а потом выскочил из своего гнезда в крыле и очутился у старика на ладони. Он оказался идеально круглым, словно Тайлер извлек на свет божий жемчужину, вылуцив ее из уютной раковины.

– Вот. – Лукас поднялся. Рука была по плечо в черной смазке. – По-моему, док, оно и набедокурило.

Это в самом деле было пушечное ядро, только размером с кулачок Стиви и гладкое, без маркировки.

– Покрышку небось тоже оно пробило. – Тайлер нахмурился. – Разрази меня гром, но большей чертовщины я еще не видывал! – На этот раз он не потруился добавить «пардон за выражение». – Подходящие габариты, чтобы проделать такую дыру, только...

– Только что? – спросила Джесси.

Тайлер подкинул шар на ладони.

– Почти ничего не весит. Как мыльный пузырь, ей-богу. – Старик тщательно обтер шар о штаны, но тот по-прежнему оставался черным. – Хочешь посмотреть? – Он протянул шар Джесси.

Она замялась. Это был всего лишь черный кругляш, но Джесси вдруг почувствовала, что он ей абсолютно ни к чему. Захотелось уговорить Тайлера, чтобы засунул шар обратно или просто забросил как можно дальше и забыл о нем.

– Возьми, мам, – сказала Стиви, улыбаясь. – Это он поет.

У Джесси медленно закружилась голова, как перед обмороком. Немилосердно пекущее солнце медленно, но верно добиралось до нее. Джесси протянула руку, и Тайлер положил черный шар ей на ладонь.

Предмет оказался таким холодным, словно его только что вынули из морозильника. Пальцы Джесси пронизал ледяной холод. Но по-настоящему изумлял вес шара. Около трех унций, решила она. Стекло? Пластик?

– Быть не может! Этот шар слишком хрупкий, он не мог пробить грузовик!

– Вот и я говорю, – согласился Тайлер. – Только зря сомневаешься: он достаточно крепкий, чтобы набить на железе шишку и не разлететься при этом на кусочки.

Джесси попыталась сжать предмет, но тот не поддавался. «Тверже, чем кажется, – подумала она. – Черт знает, насколько тверже. И такой идеально круглый, будто его выточил автомат, не оставивший никаких следов обработки. А почему такой холодный? Влетел в разогретый мотор, теперь попал на солнцепек – и все равно холодный».

– Похоже на большое яйцо канюка, – заметила Бесс. – Я бы за это не дала и пары центов.

Джесси взглянула на Стиви. Девочка не сводила глаз со сферы, и Джесси нехотя спросила:

– Ты еще слышишь, как она поет?

Стиви кивнула, подошла к ней и протянула вверх обе руки.

– Мам, можно, я подержу?

Тайлер и Бесс смотрели на них. Джесси помедлила, вертя шар в руках. На нем не было никаких отметин – ни трещинки, ни неровности. Она поднесла его к свету, пытаясь заглянуть внутрь, но предмет был совершенно непрозрачным. «Должно быть, когда эта штука в нас попала, она летела чертовски быстро, – подумала Джесси. – Но из чего она? И что это такое?»

– Мам, ну пожалуйста! – Стиви нетерпеливо подпрыгивала на месте.

Предмет казался не слишком опасным. Да, он оставался странно холодным, но руке не было неприятно.

– Не урони, – предостерегла Джесси. – Будь очень-очень осторожна. Ладно?

– Да, мам.

Джесси неохотно отдала дочке сферу. Стиви бережно приняла ее в ладони. Теперь девочка не только слышала музыку ветряных курантов, но и ощущала, что мелодия вздыхает внутри нее, словно косточки Стиви превратились в подобие музыкального инструмента, – прекрасные и печальные звуки, песенка об утраченном. Слушая, Стиви поняла, каково папе: все, что она знала и любила, скоро должно исчезнуть, остаться далеко-далеко позади, так далеко, что не разглядишь и с вершины самой высокой горы в мире... Сердце девочки превратилось в

слезу. Печаль проникла глубоко, но красота мелодии зачаровала Стиви. Лицо малышки стало таким, будто она совсем уж собралась расплакаться и вдруг чему-то удивилась.

Джесси заметила это.

– В чем дело?

Стиви тряхнула головой. Ей не хотелось говорить, хотелось только слушать. Звуки музыки взмывали по ее косточкам и разноцветными искорками рассыпались в голове. Таких красок девочка еще никогда не видела.

И вдруг музыка смолкла. Раз – и все.

– Мендоса. – Тайлер махнул в сторону подъезжавшей ярко-синей машины техпомощи.

Стиви встряхнула шар. Музыка не возвращалась.

– Дай-ка мне, киска. Я позабочусь о ней. – Джесси протянула было руку, но Стиви попятилась. – Стиви! Дай сюда, быстро!

Девчушка повернулась и, не выпуская черный шар из рук, отбежала футов на тридцать. Подавив злость, Джесси решила разобраться с дочкой дома. Сейчас хлопот хватало и без нее.

Хавьер Мендоса, дюжий седой мексиканец с пышными белыми усами, подъехал со стороны Кобре-роуд и поставил машину техпомощи так, чтобы можно было зацепить пикап Джесси. Он вылез из кабины, и его первыми словами было: «Ай! Карамба!»

Стиви отошла еще на несколько шагов, продолжая встряхивать черный шар, стараясь пробудить музыку. Ей пришло в голову, что штуковина, возможно, сломалась, но, если потрясти ее как следует, ветряные куранты внутри вновь оживут. Она встряхнула снова и решила, что слышит слабый плеск, словно шар был заполнен водой. А еще он казался не таким холодным, как минуту назад. Может быть, нагрелся в лучах солнца.

Стиви покатила шар в ладошках. «Проснись, проснись!» – твердила она.

Вдруг девочку как ударило: она поняла, что шар изменился. На нем явственно отпечатались электрически-синие контуры ее ладошек. Стиви прижала к черному шару указательный палец. След некоторое время держался, потом начал медленно исчезать, словно погружаясь вглубь сферы. Стиви ногтем нарисовала на шаре улыбающуюся рожицу; невероятно синяя, в сто раз синее неба, она осталась на поверхности. Стиви изобразила сердечко, потом домик с четырьмя человечками. Все картинки, продержавшись на поверхности пять или шесть секунд, таяли. Она оторвалась от этого занятия, чтобы позвать маму, пусть посмотрит.

Но не успела Стиви и рта раскрыть, как позади взревело, перепугав ее до полусмерти, и девочку поглотил пылевой смерч.

Над машиной техпомощи и пикапом Джесси кружил серо-зеленый вертолет. Примчавшись из ниоткуда (разве что из-за того самого кряжа на юго-западе, сообщила Джесси), он описывал медленные ровные круги. Душистый Горошек заржал и встал на дыбы. Бесс схватила поводья, чтобы уgomонить его. Вокруг клубилась пыль. Мендоса ругался по-испански на чем свет стоит.

Сделав несколько кругов, вертолет повернул на юго-запад, набрал скорость и с жужжаньем унесся.

– Идиот проклятый! – заорал Тайлер Лукас. – Вот я тебе!

Джесси увидела, что дочка стоит на дороге. Стиви подошла к матери и показала ей шар. Личико девчушки успело покрыться толстым слоем пыли.

– Он опять весь почернел, – вздохнула Стиви. – Знаешь что? – Она говорила тихо, словно делилась секретом. – По-моему, он собирался проснуться... но испугался.

«Чем был бы мир без детских фантазий?» – подумала Джесси. Она уже решила забрать шар у дочери, но не придумала, под каким предлогом это сделать. Ну в самом деле, чем может повредить Стиви этот шар? Все равно они, как только попадут в город, сразу же сдадут его шерифу Вэнсу.

– Не урони! – буркнула она, отвернулась и стала смотреть, что делает Мендоса.

– Хорошо. – Стиви отошла на несколько шагов, продолжая потряхивать черный шар, но ни мелодичный перезвон ветряных курантов, ни сверкающий синий свет не возвращались. – Не умирай! – взмолилась она, но ответа не последовало. Шар оставался черным. На глянцевитой поверхности девочка видела свое отражение.

Где-то в глубине, в центре черноты, что-то словно шевельнулось – осторожно, медленно... Древнее существо, созерцающее солнечный свет, неожиданно проникший к нему сквозь мрак? Вот опять оно замерло, погрузилось в размышления, заодно набираясь сил.

Мендоса прицепил пикап к машине техпомощи. Джесси поблагодарила Тайлера и Бесс. Они со Стиви забрались в «техничку» и поехали в Инферно. Стиви крепко сжимала в руках черный шар.

Юго-западнее, почти невидимый, следом за ними летел вертолет.

Глава 7

Отрава в действии

Пронзительно зазвенел звонок, и через секунду в тихих коридорах поднялась суматоха. Главный кондиционер все еще был сломан, в туалетах воняло табаком и марихуаной, но шум, крики и хохот подчеркивали радостную беззаботность.

Однако многие смеялись неискренне. Все ученики знали, что для средней школы имени Престона нынешний год последний. Как бы жарко и противно ни было в Инферно, все равно он оставался их домом, а покидать родное гнездо всегда тяжело.

Они были воплощением истории борьбы своих предков, в их внешности зеркально повторялись черты рас и племен, пришедших с юга, из Мексики, и с севера, из самого сердца страны, чтобы в поте лица своего выстроить себе дом в техасской пустыне. Там – гладкие черные волосы и острые скулы навахо; тут – высокий лоб и непроницаемый взгляд апача или чеканный профиль конкистадора, а рядом светлые, каштановые или рыжие вихры покорителей Фронттира, сухие гибкие мышцы объездчиков мустангов и широкий уверенный шаг переселенцев с востока, ступивших на землю Техаса в поисках счастья задолго до того, как в миссии под названием Аламо прозвучал первый выстрел.

Все это было здесь – в лицах и осанке, в походке, словечках, манере говорить переходящих из класса в класс учеников. По коридорам двигались столетия, прошедшие в захвате земель, угоне скота и кабацких драках. Но если бы предкам этих детей – одетым в оленьи шкуры истребителям индейцев и их врагам, охочим до скальпов краснокожим храбрецам в боевой раскраске, – представилась возможность выглянуть из страны счастливой охоты и узнать, что за мода воцарилась нынче в мире смертных, они бы перевернулись в гробах. У некоторых парней волосы сбриты наголо, у других начесаны в длинные иглы и выкрашены в возмутительные цвета; кое-кто стригся коротко, оставляя на затылке длинные, до спины, пряди. Многие девчонки удаляли волосы так же безжалостно, как и мальчишки, и красили оставшиеся даже более броско и крикливо. Одним нравилась короткая стрижка а-ля принцесса Ди, другие щеголяли зачесанными назад гривами, уложенными гелем и украшенными перьями, – неосознанная дань индейскому происхождению.

В одежде также царила полная анархия: спортивные костюмы, армейский камуфляж, матрасно-полосатые рубахи, отделанные бахромой из оленьей кожи, футболки, превозносящие рок-группы вроде «The Hooters», «Beastie Boys» и «Dead Kennedys», ядовитых цветов майки для серфинга, собственноручно вываренные штаны цвета хаки, линялые и заплатаемые джинсы, усаженные булавками брюки с полосками флюоресцентной краски, походные ботинки, разрисованные от руки кроссовки, гладиаторские сандалии, незамысловатые шлепанцы, выкроенные из старых покрышек. В начале года форму еще соблюдали, но, как только стало ясно, что отсрочки средней школе имени Престона не видать, директор – низенький латиноамериканец Хулио Ривера, прозванный учениками Цезарьком, – махнул на все рукой. Школьникам округа Президио предстоит ездить на автобусах за тридцать миль, в Марфу, а сам Цезарек переедет в Хьюстон, чтобы с сентября преподавать геометрию в Нортбрукской средней школе.

Перемена близилась к концу, и юные потомки первопоселенцев, ранчеро и индейских вождей разбредались по кабинетам.

Рэй Хэммонд рылся в своем шкафчике, отыскивая учебник английского. Беспокойно думая о том, что нужно идти в другое крыло школы, на следующий урок, мальчик не замечал того, что надвигалось сзади.

Он уже достал книгу, как вдруг нога сорок четвертого размера, обутая в стоптанный армейский ботинок, выбила учебник у него из рук. Книга раскрылась (в воздух полетели тетради, закладки и непристойные рисуночки) и звонко шлепнулась об стену, чуть не задев двух девочек у фонтанчика с питьевой водой.

Рэй поднял глаза, которые за стеклами очков казались большими и испуганными, и увидел: судьба наконец его настигла. Мальчика взяли за грудки и приподняли так, что он встал на носки кроссовок.

– Ты, – невнятно проворчал голос с сильным акцентом, – чего стал на дороге?

Парень, который сказал это, весил фунтов на шестьдесят больше своего пленника и был на четыре с лишним дюйма выше. Звали этого обладателя плохих зубов и угреватой ухмыляющейся физиономии Пако Ле-Гранде. По толстой руке ползла вытатуированная гремучая змея. В красных воспаленных глазах плавал туман, и Рэй понял, что парень утром курил в туалете травку и хватил лишку. Обычно свои визиты к шкафчику Рэй рассчитывал так, чтобы разминуться с Пако, чей шкафчик находился справа от его собственного, но от судьбы не уйдешь. Пако накурился и затеял проучить кого-нибудь.

– Эй, Рентген! – За Пако стоял еще один латиноамериканец по имени Рубен Эрмоса. Он был ниже и куда легче Пако, но и у него горели глаза. – Смотри не наложи в штаны, amigo!

Рэй слышал, как рвется его узорчатая полосатая рубаха. Он висел, едва касаясь пола пальцами, сердце в тощей груди бешено колотилось, но лицо отражало лишь космическую пустоту. Зрители попятились, стремясь оказаться подальше от опасной зоны. Ни одного «отщепенца» в поле зрения не было. Пако сжал пальцы в чудовищный, испещренный шрамами кулак.

– Ты же помнишь правило, Пако, – сказал Рэй как можно спокойнее. – Никаких неприятностей в школе.

– Имел я твое правило! И школу! И тебя, четырехглазый кусок...

Бац! Сбоку в голову Пако врезался учебник домоводства в синей обложке. От удара тот покачнулся, хватка ослабла, Рэй вывернулся и на четвереньках отполз по зеленому линолеуму к фонтанчику.

– Ты, гребаная «мокрая спина», молчал бы, кто кого имел. У тебя и яиц-то нет, – слышался прокуренный девчоночий голос. – А то начнешь мечтать о том, чего тебе никак не сделать.

Рэй узнал этот голос. Между ним и «гремучками» встала Отрава. Ростом эта старшеклассница была чуть ниже шести футов, светлые волосы девушка начесывала в могаук¹⁵, а виски брила наголо. Ходила Нэнси Слэттери в тесных, обтягивавших зад и длинные сильные ноги блекло-зеленых брюках, а размах атлетических плеч подчеркивала ярко-розовая хлопчатобумажная рубаха. Нэнси была гибкой и подвижной, в прошлом году отлично пробежала кросс за среднюю школу имени Престона и вместо браслетов носила на каждом запястье по наручнику. На щиколотках над бутсами сорокового размера (украденными из форт-стоктонского универмага) поблескивали дешевые позолоченные цепочки. Рэй слышал, что свое прозвище Отрава получила при вступлении в ряды «отщепенцев» – на посвящении одним махом проглотила содержимое чашки, куда «щепы» сплевывали жеванный табак. И улыбнулась, показав коричневые зубы.

– Вставай, Рентген, – сказала Отрава. – Эти педики больше не будут к тебе приставать.

– Думай, что несешь, сука! – взревел Пако. – Ща как дам, рассыплешься!

Рэй поднялся и начал собирать тетрадки. Внезапно парнишка с ужасом увидел, что листок, на котором он небрежно изобразил исполинский член, атакующий столь же огромное влагиалище, проскользнул под правую сандалию светловолосой младшеклассницы Мелани Полин.

¹⁵ *Могаук* – название одного из индейских племен; прическа могаук – разновидность прически ирокез.

– Размечтался, козел, – презрительно сказала Отрава, и в толпе зрителей раздался смех.

Чтобы прослыть красивой, Нэнси не хватало совсем немного: подбородок был чуть острее, чем нужно, два передних зуба – щербатые, а нос она сломала, упав на соревнованиях по легкой атлетике. Из-под обесцвеченных перекистью бровей сердито смотрели темно-зеленые глаза. Но Рэй считал Отраву, сидевшую в классе неподалеку от него, отвальной телкой.

– Ладно, чувак! – поторопил Рубен. – Надо валить в класс! Брось!

– Ага, козлик Пако, беги, пока тебя не отшлепали. – Отрава увидела, как в глазах Пако запылал красный огонь, и поняла, что зашла слишком далеко, но ничуть не испугалась; она расцветала от запаха опасности так же, как другие девчонки обмирали от аромата духов. – Давай, – поманила Отрава Пако. Ногти ее были покрыты черным лаком. – Давай отоварю, козлик.

Лицо Пако потемнело, как грозовая туча. Сжав кулаки, он двинулся к Отраве.

– Чувак, не надо! – завопил Рубен, но было поздно.

– Драка! Драка! – крикнул кто-то.

Мелани Полин попятилась, и Рэй схватил злополучный рисунок, освобождая Отраве место, – он видел однажды, что та сотворила с мексиканской девчонкой в жестокой драке после уроков.

Отрава ждала. Пако был уже почти рядом. Отрава чуть заметно улыбнулась.

Пако сделал еще шаг.

Бутса Отравы взвилась вверх. В этот злобный пинок девчонка вложила все свои сто шестнадцать фунтов веса. Бутса угодила точнехонько в ширинку, и потом никто уже не мог вспомнить, что прозвучало громче: глухой стук попавшего в цель ботинка или сдавленный крик Пако, который сложился пополам, схватившись за больное место. Отрава не спеша взяла его за волосы, с хрустом поддала коленом по носу, а напоследок приложила парня лицом к ближайшей запертой двери. Брызнула кровь, и колени Пако подломились, как сырой картон.

Пинком Отрава помогла ему свалиться на пол. Нос Пако превратился в лиловую опухоль. Все произошло в считанные секунды. Рубен уже пятился от нее, умоляюще поднимая руки.

– Что здесь происходит?

Зрители кинулись врассыпную, как куры от грузовика. На Отраву надвигалась преподавательница истории миссис Джеппардо, седая, с глазами навывкате.

– Боже мой! – При виде следов побоища она отпрянула; оглушенный Пако зашевелился, пытаясь сесть. – Кто это сделал? Отвечайте сию же минуту!

Отрава огляделась, заражая всех слепоглухонемой – обычной для средней школы имени Престопа болезнью.

– Вы видели, что здесь произошло, молодой человек? – спросила миссис Джеппардо; Рэй немедленно снял очки и принялся протирать их рубашкой. – Мистер Эрмоса! – взвизгнула историчка, но тот бегом кинулся прочь.

Отрава знала, что к концу четвертого урока все «гремучки» в школе услышат о происшествии, и им это не понравится. «Крутое дерьмо», – подумала она и подождала, пока миссис Джеппардо отыщет ее выпученными глазами.

– Мисс Слэттери. – Учительница выговорила фамилию так, словно это было что-то заразное. – Думаю, зачинщица вы! Я читаю вас как книгу!

– Да ну? – спросила Отрава, изображая святую невинность. – Тогда прочтите вот это. – И, повернувшись, нагнулась, демонстрируя миссис Джеппардо, что ее тесные брюки разошлись по заднему шву, а нижнего белья, как вместе со всеми увидел Рэй, Отрава не носила.

Рэй едва не лишился чувств. Коридор взорвался оглушительным хохотом и свистом. Рэй, вертевший в руках очки, чуть не уронил их на пол. Водрузив очки на нос, он различил на правой ягодице Отравы крохотную татуировку – бабочку.

– О... господа! – Миссис Джеппардо покраснела, как перезрелый стручок перца чили. – Немедленно выпрямитесь!

Отрава подчинилась, изящно поводя бедрами, как манекенщица. Хаос к этому времени охватил весь коридор – из классных комнат валили ученики, а учителя тщетно пытались сдерживать эту приливную волну. Стоя с учебником английского под мышкой в криво надетых очках, Рэй гадал, выйдет ли Отрава за него замуж на одну ночь.

– В канцелярию! – Миссис Джеппардо хотела ухватить Отраву за руку, но девочка увернулась.

– Нет, – решительно объявила Отрава. – Я пойду домой и сменю брюки, вот что я сделаю. – Она переступила через Пако Ле-Гранде и, надув щеки, важно прошествовала к дверям. Ее проводили многоголосым криком и хохотом.

– Я отстраню вас от занятий! И подам докладную! – мстительно погрозила пальцем миссис Джеппардо.

Отрава остановилась на пороге и наградила учительницу таким взглядом, от которого упал бы замертво и канюк.

– Ни фиги подобного. Нечего переполох устраивать. Я всего-навсего порвала брюки. – Она подмигнула Рэю, отчего тому почудилось, будто его посвятила в рыцари королева Джиневра¹⁶, хотя лексикон Отравы можно было назвать каким угодно, только не куртуазным. – Не наступи в дерьмо, пацан, – предостерегла его Нэнси и вышла за дверь. Свет расплавленным золотом засиял в ее могауке.

– Женская тюрьма по тебе плачет! – прошипела миссис Джеппардо, но дверь с размаху закрылась, и Отрава исчезла.

Учительница резко обернулась к зевакам:

– Быстро по классам!

От ее крика оконные стекла буквально задребезжали в рамах. Через полсекунды зазвенел звонок, и все с топотом бросились в классы.

Рэй чувствовал, что пьян от вождения и что образ выставленной на всеобщее обозрение попки Отравы не изгладится из его памяти, пока ему не стукнет девяносто и все попки на свете не станут ему безразличны. Его «удочка» напряглась; Рэй ничего не мог поделать, словно весь мозг сосредоточился именно там, а прочее стало лишь бесполезным придатком. Иногда Рэй думал, что попал под воздействие чего-то вроде «инопланетного секс-луча», поскольку избавиться от мыслей определенного рода никак не удавалось. Правда, судя по тому, как реагировали на него почти все девчонки, ему суждено до конца дней своих оставаться девственником. Господи, до чего суровая штука жизнь!

– А ты что стоишь? – На него надвинулось лицо миссис Джеппардо. – Заснул?

– Нет, мэм.

– Тогда иди в класс! Немедленно!

Рэй прикрыл шкафчик, защелкнул замок и быстро пошел по коридору. Но не успел он свернуть за угол, как миссис Джеппардо сказала:

– Ну что, хулиган? Ходить разучился?

Рэй оглянулся. Пако с посеревшим лицом поднялся на ноги. Держась за ушибленное место, он, покачиваясь, шагнул к историчке.

– Сейчас мы с вами пойдем к медсестре, молодой человек. – Она взяла Пако за руку. – Я в жизни не видала ничего подобного...

¹⁶ Джиневра – супруга легендарного короля Артура. Один из первых и эталонных образов Прекрасной Дамы в средневековой куртуазной литературе.

Пако неожиданно качнулся вперед и выплеснул свой завтрак на цветастое платье миссис Джеппардо.

Оконные стекла сотряс очередной вопль. Инстинктивно пригнув голову, Рэй бросился бежать.

Глава 8

Вопрос Дэнни

Дэнни Чаффин, серьезный двадцатидвухлетний молодой человек, сын владельца «Ледяного дворца» Вика, именно в тот момент закончил рассказывать шерифу Вэнсу, что сколько ни звонил, а так ничего о вертолетах и не выяснил, но тут послышался металлический рокот винтов.

Они выбежали из конторы и угодили в пасть пыльной буре.

– Боже милостивый! – прокричал Вэнс.

Он увидел темный силуэт вертолета, садившегося прямо в Престон-парк. Ред Хинтон, проезжавший по Селеста-стрит в своем пикапе, чуть не зарулил в витрину салона красоты Иды Янгер. В дверях магазина «Обувное изобилие», прикрывая лицо шарфиком, появилась Мэвис Локридж. Из окон банка начали выглядывать люди, и Вэнс не сомневался, что нежившихся на ветерке перед «Ледяным дворцом» старых бездельников как ветром сдуло.

Он поспешил к парку, Дэнни за ним. Через несколько секунд яростный ветер стих, но винты продолжали медленно вращаться. Из магазинов на улицу повалил народ. Вэнс подумал, что на шум сбегится весь Инферно. Собаки лаяли надрываясь. Когда осела пыль, Вэнс разглядел серо-зеленую раскраску вертолета и буквы: «ВВБ¹⁷ Уэбб».

– Я думал, ты звонил в Уэбб! – рывкнул он на Дэнни.

– Звонил! Там сказали, что их вертолеты тут не летают!

– Врут и не краснеют! Тихо, вон кто-то идет!

Шериф увидел, что к ним приближаются двое, высокие и поджарые. Вэнс и Дэнни встретились с ними у самого памятника мулу.

Молодой человек в темно-синей форме летчика и кепи с офицерской кокардой был таким бледным, будто всю жизнь провел в четырех стенах. С ним был мужчина постарше с коротким ежиком темных волос, начинающих седеть на висках, загорелый и подтянутый. На нем были изрядно поношенные джинсы и светло-коричневая футболка. Пилот остался в кабине. Вэнс обратился к офицеру:

– Чем могу...

– Надо поговорить, – решительно ответил мужчина в джинсах, как человек, привыкший руководить. Он был в пилотских очках, но скрытые темными стеклами глаза уже заметили значок Вэнса. – Вы здешний шериф?

– Да. Шериф Эд Вэнс. – Он протянул мужчине руку. – Очень приятно...

– Шериф, где мы можем поговорить с глазу на глаз? – спросил молодой офицер.

Второй мужчина руки Вэнсу не подал. Тот смущенно заморгал и опустил свою.

– Э-э... у меня в конторе. Сюда. – Он повел их через парк. Рубашка у него на спине взмокла от пота, под мышками выступили круги.

В конторе летчик помоложе вынул из кармана блокнот.

– Здесь мэр – Джонни Бретт?

– Ага. – Вэнс разглядел целый список имен, в том числе свое. И понял, что кто-то занимался Инферно долго и вплотную. – Он же – начальник пожарной охраны.

– Нужно, чтобы мэр присутствовал. Пожалуйста, свяжитесь с ним.

– Давай, – велел Вэнс Дэнни и устроился на стуле за своим столом. От этих военных у него по спине мурашки пошли: держались они прямо, как аршин проглотили, и, похоже, не теряли бдительности даже у шерифа в кабинете. – Контора Бретта в здании банка, – сообщил Вэнс. –

¹⁷ ВВБ – военно-воздушная база.

Он наверняка уже заметил переполох. – Гости никак не отреагировали. – Может, объясните мне, в чем дело, джентльмены?

Мужчина постарше подошел к двери, ведущей в тюремный блок, и заглянул в глазок: там было три камеры, все они пустовали.

– Нам нужна ваша помощь, шериф. – Выговор у него был скорее среднезападный, чем техасский. Он снял темные очки, открыв глубоко посаженные глаза холодного, чистого светлого серого цвета. – Простите за столь драматическое появление. – Мужчина улыбнулся, при этом лицо его смягчилось, а тело расслабилось. – Мы, летуны, бывает, пересаливаем.

– Да ясно, чего там. – Честно говоря, Вэнс мало что понимал. – Ничего страшного.

– Мэр Бретт идет, – доложил Дэнни, вешая телефонную трубку.

– Шериф, сколько тут у вас живет народу? – спросил офицер помоложе, сняв кепи.

Под ним оказались коротко остриженные рыжеватые волосы. Почти того же цвета были и глаза, а нос и щеки украшала россыпь веснушек. Вэнс прикинул, что этому парню не больше двадцати пяти, а второму, должно быть, за сорок.

– Тысячи две, наверное, – ответил он. – И еще пять-шесть сотен на Окраине. Это за рекой.

– Понятно. Газеты?

– Когда-то была. Закрылась пару лет назад.

Скособочившись на стуле, шериф смотрел, как мужчина постарше идет к застекленному шкафу с оружием, где вместе с коробками патронов хранились два ружья, пара автоматических винчестеров, кольт 45-го калибра в поясной кобуре из телячьей кожи и револьвер 38-го калибра в наплечной кобуре.

– Да у вас тут целый арсенал, – заметил мужчина. – Вам приходилось его использовать?

– Разве предугадаешь, когда оно понадобится? Одно ружье газовое. – Шерифа распирала отеческая гордость: деньги на приобретение он выдирал у городского совета зубами. – Когда живешь бок о бок с мексикашками, надо быть готовым ко всему.

– Ясно, – сказал мужчина.

Вошел запыхавшийся Джонни Бретт. Через год мэр Инферно собирался отметить свое пятидесятилетие, а в былые годы этот широкоплечий здоровяк был бригадиром смены проходчиков на медном руднике. Он принес с собой ощущение опустошенности и усталости. Глаза Джонни были как у гончей, которой часто достаются пинки. Мэр отлично сознавал, какой властью обладает здесь Мэк Кейд – тот платил и ему, не только Вэнсу. Джонни нервно кивнул представителям ВВС и, не скрывая растерянности, ждал, что они скажут.

– Я – полковник Мэтт Роудс, – представился мужчина постарше, – а это мой помощник, капитан Дэвид Ганнистон. Извините за вторжение, но дело не терпит отлагательства. – Он взглянул на циферблат. – Около трех часов назад в земную атмосферу вошел семитонный метеорит, который упал приблизительно в пятнадцати милях к юго-юго-западу от вашего города. Мы отследили его радаром и полагали, что основная масса сгорит. Вышло иначе. – Полковник посмотрел на шерифа, потом на мэра. – В итоге неподалеку отсюда лежит гость из далекого космоса, а значит, возникает проблема безопасности.

– Метеорит! – Вэнс взволнованно ухмыльнулся. – Вы шутите!

Полковник Роудс задержал на нем твердый, спокойный взгляд.

– Я не склонен шутить, – с ледяным спокойствием ответил он. – Закавыка вот в чем: наш приятель выделил некоторое количество тепла. Оно радиоактивно, и...

– Господи! – ахнул Бретт.

– ...и радиация, вероятно, распространится в данном квадрате, – продолжил Роудс. – Не хочу сказать, что она представляет непосредственную угрозу, но лучше, если жители Инферно как можно меньше будут выходить из дома.

– Будьте спокойны, в такой жаркий день вряд ли кто полезет на улицу, – сказал Вэнс и нахмурился. – Гм... что, от этой дряни бывает рак?

– Не думаю, что уровень радиации в данном районе окажется критическим. Наши метеорологи утверждают, что почти всё ветер унесет на юг, за горы Чинати. Однако, джентльмены, от вас нужна другая помощь. Военно-воздушным силам требуется вывезти гостя отсюда в безопасное место. Я – ответственный за транспортировку. – Взгляд полковника метнулся к часам на стене. – К четырнадцати ноль-ноль, то есть к двум часам, я ожидаю два грузовых трейлера. Один подвезет кран, а на втором будет написано «Объединенные перевозки». Чтобы добраться до точки падения метеорита, им придется проехать через ваш город. Оказавшись на месте, моя команда начнет разбивать метеорит на части, чтобы погрузить его и вывезти. Если все пойдет по плану, к двадцати четырем ноль-ноль нас здесь не будет.

– К двенадцати ночи, – перевел Дэнни. Он разбирался в армейском отсчете времени, поскольку когда-то хотел стать военным, но отец его отговорил.

– Абсолютно точно. Так вот о чем я хочу вас попросить, господа: помогите нам избежать огласки, – продолжал Роудс. – Те, кто видел, как метеорит пролетал над Лаббоком, Одессой и Форт-Стоктоном, уже бомбардируют Уэбб звонками, но, разумеется, при такой высоте полета разобрать ничего не удалось, поэтому они сообщают, что видели НЛО. – Он снова ухмыльнулся. Шериф, его помощник и мэр натянуто улыбнулись в ответ. – Вполне естественно, вы не находите?

– Как пить дать! – согласился Вэнс. – Небось от тех, кто помешался на летающих тарелках, деваться некуда!

– Да. – Улыбка полковника чуть поблекла, но никто этого не заметил. – Вот именно. Как бы там ни было, мы не хотим, чтобы в нашу работу вмешивались штатские и повсюду шныряли репортеры. Военно-воздушные силы не желают нести ответственность в том случае, если какая-нибудь газетная ищейка облучится. Шериф, вы с мэром способны проконтролировать ситуацию?

– Да, сэр! – с чувством заявил Вэнс. – Только скажите, что нужно сделать!

– Во-первых, я не хочу, чтобы вы поощряли любопытных и всяких толкущихся там зевак. Конечно, мы создадим на месте собственный периметр безопасности. Во-вторых, особый упор надо сделать на опасность радиации. Это не очень соответствует истине, но слегка припугнуть публику не вредно. Отбивает охоту путаться под ногами.

– Верно, – согласился Вэнс.

– В-третьих, чтобы рядом с точкой, о которой идет речь, духу не было людей из средств массовой информации. – Глаза полковника снова стали холодными. – Мы будем патрулировать зону падения на вертолетах, но со звонками с телевидения, радио и из газет управляйтесь сами. База Уэбб информации давать не будет. Притворитесь немыми и вы. Как я уже сказал, штатские в этой зоне мне ни к чему. Ясно?

– Как стеклышко.

– Хорошо. Тогда, думаю, все. Ганни, у тебя есть вопросы?

– Только один, сэр. – Ганнистон перевернул еще одну страницу в блокноте. – Шериф Вэнс, кому принадлежит небольшой светло-зеленый пикап с надписью «Ветеринарная лечебница Инферно»? Регистрационный номер: «Техас» шесть-два...

– Доктору Джесси, – ответил Вэнс. – То есть Джессике Хэммонд. Она ветеринар. – (Ганнистон вытащил ручку и записал фамилию.) – А что?

– Мы видели, как этот пикап вытаскивали на буксире из зоны падения метеорита, – сказал полковник Роудс. – Его отвезли на станцию техобслуживания. Вероятно, доктор Хэммонд видела пролетавший объект. Мы хотим задать ей несколько вопросов.

– Она женщина славная, ей-богу. И неглупая. Верите, не боится делать такое, что мужчина-ветеринар в жизни не...

– Спасибо. – Ганнистон вернул ручку с блокнотом в карман.

– Ребята, если еще нужна будет помощь, вы только шепните.

Роудс с Ганнистоном шли к двери.

– Шепнем, – сказал Роудс. – Еще раз извините за переполох.

– Да ладно. Вашими молитвами теперь у всех есть о чем побазарить за обедом.

– Надеюсь, без базара обойдемся.

– Да, верно. Ни о чем не беспокойтесь. На Эда Вэнса можно положиться, да, сэр!

– Я знаю. Спасибо, шериф. – Роудс пожал Вэнсу руку, и на мгновение тому показалось, что сейчас костяшки его пальцев лопнут. Потом Роудс отпустил смущенно улыбавшегося шерифа, и офицеры ВВС вышли из конторы на раскаленный воздух.

– Ух ты! – Вэнс растирал ноющие пальцы. – Сразу и не подумаешь, что этот хмырь такой сильный.

– Погодите, вот я расскажу Дорис! – Голос мэра дрожал от переполнявших его чувств. – Я встретился с настоящим полковником! Господи, да она не поверит ни единому слову!

Дэнни подошел к окну и сквозь жалюзи посмотрел вслед летчикам, удалявшимся в направлении Република-роуд. Он задумчиво нахмурился и ободрал заусенец.

– Объект, – проговорил он.

– А? Ты что-то сказал, Дэнни?

– Объект. – Дэнни повернулся к Вэнсу и Бретту. Он уже разобрался, что его тревожит. – Этот полковник сказал, что доктор Хэммонд, вероятно, видела пролетающий «объект». Почему он не сказал «метеорит»?

Вэнс погрузился в молчание. Лицо шерифа ничего не выражало. Мыслительные процессы занимали у него немало времени.

– А это не все равно? – наконец спросил он.

– Мне просто интересно, почему полковник так сказал.

– Да ладно, Дэнни, денежки ты зарабатываешь не за любопытство. Мы получили приказ Военно-воздушных сил Соединенных Штатов и будем делать то, что велит полковник Роудс.

Дэнни кивнул и сел за свой стол.

– Живой полковник-летчик! – снова восхитился мэр Бретт. – Провалиться мне на этом месте! Пойду-ка я к себе в контору: вдруг будут звонить и узнавать, что тут за шум. Думаю, мысль неплохая?

Вэнс кивнул. Джонни Бретт заспешил к дверям и чуть не бегом ринулся к зданию банка, где электрическое табло показывало 87 градусов по Фаренгейту, десять часов девятнадцать минут утра.

Глава 9

Крестики-нолики

Когда Хавьер Мендоса загнал машину техпомощи на станцию обслуживания и выключил мотор, Джесси увидела, что в Престон-парке приземляется вертолет. Пока Мендоса и тощий угрюмый подросток из племени апачей Санни Кроуфилд трудились, отцепляя пикап и перемещая его в ремонтную зону гаража, Стиви с черным шаром в ладонях отошла в сторонку. Ее ничуть не заинтересовал ни вертолет, ни то, что может означать его присутствие.

Съехав с Република-роуд, возле гаражей остановился некогда ярко-красный, а теперь выгоревший на солнце до розоватого «бьюик».

– Здорово, док! – крикнул сидевший за рулем мужчина.

Он вылез из машины, и глазам Джесси стало больно: на Хитрюге Криче был спортивный пиджак в зеленую и оранжевую клетку. Хитрюга бодро направился к Джесси. Толстая круглая физиономия сияла, широченная улыбка открывала ослепительно-белые зубы. Один взгляд на пикап – и Хитрюга прирос к месту.

– Пропади я пропадом! Мало сказать «инвалид», это – труп!

– Да, дело плохо.

Крич заглянул в искромсанный мотор и присвистнул.

– Упокой, Господи, его душу. Или, я бы сказал, тушу. – И сдавленно хихикнул, отчего Джесси пришел на ум цыпленок, с кудахтаньем протискивающийся на волю сквозь плотную скорлупу яйца. Увидев, что Джесси не разделяет его веселого настроения, Хитрюга мигом опомнился. – Простите. Я знаю, что этот пикапчик набегал для вас уйму миль. Слава богу, никто не пострадал... Э-э... ведь вы со Стиви в порядке?

– Я-то да. – Джесси посмотрела на дочку. Стиви, отыскав у дальнего угла здания островок тени, похоже, всю изучала черный шар. – А Стиви... пережила потрясение, но все обошлось. В смысле, никаких повреждений.

– Рад слышать, честное слово.

Крич выудил из нагрудного кармана пиджака лимонно-желтый носовой платок с замысловатым узором и промокнул потное лицо. Желтыми, почти того же оттенка, были и брюки Хитрюги, из-под которых выглядывали двухцветные башмаки – желтый верх, белый низ. Вообще у Хитрюги был полный шкаф костюмов из пронзительно-яркого полиэстера всех цветов радуги, и, хотя Крич с жадностью читал мужские журналы «Эсквайр» и «Джи-Кью», утонченности в его вкусах и чувстве моды было не больше, чем в субботнем вечернем родео. Жена Крича, Джинджер, клялась, что разведется с ним, если он еще хоть раз наденет в церковь свой красный костюм с отливом. Хитрюга верил в могущество имиджа, о чем часто толковал и жене, и всякому, кто соглашался слушать. «Если боишься, что люди обратят на тебя внимание, – говаривал Хитрюга, – можешь спокойно сесть на землю, пускай засосет тебя целиком». Крич, разменявший пятый десяток, умел вовремя улыбнуться и пожать руку, поэтому он почти каждого жителя Инферно уговорил что-нибудь застраховать. С широкого румяного лица глядели голубые как небо глазки, а обширную лысину окаймляла рыжая бахрома, да еще спереди красовался крохотный пучок таких же огненных волос, который Хитрюга аккуратно причесывал.

Он дотронулся до отверстия, зиявшего в моторе пикапа.

– Док, похоже, в вас бабахнули из пушки. Не хотите объяснить, что стряслось?

Джесси принялась рассказывать. Отметив, что Стиви рядом, она все внимание сосредоточила на изложении событий.

Стиви, уютно устроившись в прохладной тени, смотрела, как черный шар творит чудеса. На его поверхности снова медленно проступили ярко-синие отпечатки пальцев девочки, цве-

том напомнившие ей океан, каким его рисуют, а еще – бассейн в далласском мотеле, где Хэммонды отдыхали прошлым летом. Нацарапав ногтем кактус, Стиви полюбовалась, как синий рисунок постепенно расплывается и исчезает. Девочка выводила геометрические фигуры и неразборчивые каракули, все это медленно опускалось к темному центру шара. «Даже лучше, чем смывающаяся краска! – подумала она. – И не разольешь, и убирать ничего не надо... Правда, цвет только один, но это ничего, он такой приятный!»

Стиви осенило. Девочка нарисовала на черном шаре решетку. Она знала, что эта игра называется крестики-нолики. В нее здорово играл папа, он и научил Стиви. Девочка сама заполнила все клетки и обнаружила, что в нижнем ряду выстроилась полная цепочка ноликов. Клетки уплыли внутрь, и Стиви начертила новые. На этот раз выиграли сложившиеся в диагональ крестики. Клетки снова исчезли, пришлось нарисовать решетку в третий раз. Опять выиграли крестики. Вспомнив, как папа говорил, что самое главное – середина, Стиви вписала туда нолик, и действительно нолики выиграли.

– Чё тут у тебя, малявка?

Стиви испуганно подняла голову. На нее глазел Санни Кроуфилд. Темные волосы спадали на плечи, из-под густых черных бровей пронзительно смотрели такие же черные глаза.

– Чё это? – спросил Санни, вытирая грязные руки ветошью. – Игрушка?

Она молча кивнула.

– А по-моему, похоже на кусок дерьма. – Санни презрительно хмыкнул.

Тут его позвал Мендоса, и он вернулся в гараж.

– Сам ты кусок дерьма, – сказала Стиви в спину Кроуфилду, но не слишком громко.

Девочка опять посмотрела на шар и ахнула.

На черной поверхности снова синели клеточки. В них было полно крестиков и ноликов, и крестики выиграли, заполнив верхний ряд.

Клетки медленно растаяли, уйдя в глубину.

Стиви не рисовала ни их, ни ту идеально правильную решетку, которая проступила на черной поверхности, выведенная такими тонкими штрихами, словно их оставила бритва.

Стиви разжала пальцы, от удивления чуть не выронив шар, но вспомнила, что мама велела обращаться с ним осторожно. Через секунду-другую решетка для игры была готова. Появились крестики и нолики. Стиви позвала маму, но та разговаривала с Хитрюгой Кричем. Девочка посмотрела, как заполняются клетки, потом, повинувшись внезапному порыву, дождалась, чтобы палец внутри шара дорисовал нолик, и сама вписала крестик в одну из клеток.

Никакой реакции. Клетки медленно исчезли.

Прошло несколько секунд. Шар оставался совершенно черным.

«Сломала, – печально подумала Стиви. – Он больше не играет!»

Но тут в глубине сферы возникло какое-то движение – вспышка синего, быстро поблекшего цвета. К поверхности снова поплыли тонкие, как бритва, пересекающиеся линии, и на глазах у Стиви в центральной клетке возник нолик. Потом наступила пауза. У девочки екнуло сердце – она поняла: что бы ни находилось внутри черного шара, оно приглашает ее поиграть. Девочка выбрала клеточку в нижнем ряду и вписала туда крестик. Вверху слева появился нолик, после чего опять наступила пауза, чтобы Стиви могла обдумать ход.

Партия закончилась быстро, диагональю ноликов, шедшей сверху вниз справа налево.

Как только растаял последний штрих, появилась новая решетка, и в центре опять нарисовали нолик. Стиви нахмурилась. Кто бы ни сидел в шаре, он слишком хорошо понял, как надо играть. Но она уверенно сделала ход и проиграла даже быстрее, чем в прошлый раз.

– Стиви, покажи мистеру Кричу, что в нас попало.

Девочка испуганно вздрогнула. Неподалеку стояла мама с Хитрюгой Кричем. Но они не видели, чем она занята. Стиви пришло в голову, что портной, который шил пиджак мистеру Кричу, не иначе как чокнутый.

– Можно взглянуть, золотко? – поинтересовался, улыбаясь, Хитрюга и протянул руку.

Девочка медлила. Шар опять стал прохладным и совершенно черным, от клеток не осталось и следа. Ей очень не хотелось, чтобы шар заграбастала эта чужая ручища. Но мать наблюдала за ней, ожидая повиновения. Понимая, что в своем непослушании зашла сегодня гораздо дальше, чем следовало, Стиви протянула Хитрюге черный шар – и, едва выпустив его из рук, снова услышала вздохи поющих для нее ветряных курантов.

– И вот это разворотило мотор? – Крич тупо заморгал, взвешивая предмет на ладони. – Док, вы уверены?

– Целиком и полностью. Я знаю, что он легкий, но габариты соответствуют. Я же сказала: эта штука пробила мотор насквозь и застряла под крылом, над колесом.

– Непостижимо, как оно могло протаранить металл. На ощупь похоже на стекло... или на мокрый пластик.

Он быстро провел пальцами по гладкой поверхности. Стиви заметила, что никаких синих следов при этом не осталось. Мелодичный звон ветряных курантов был настойчивым, жалобным, и Стиви подумала: «Ему нужна я».

– Стало быть, его выбросило из той штуки, что пролетела мимо вас? – Хитрюга Крич поднес шар к солнцу, но ничего не разглядел внутри. – Первый раз вижу такое. Что это? Есть идеи?

– Никаких, – откликнулась Джесси. – Может быть, знают те, кто прилетел на вертолете. За той штукой их гналось целых три.

– Честно говоря, ума не приложу, что написать в отчете, – признался Крич. – Я хочу сказать, от столкновения и повреждений вы, конечно, застрахованы, но вряд ли в «Гордости Техаса» поймут, как детский пластмассовый мячик, ударив с разгона в мотор пикапа, пробил дыру. Что вы собираетесь с ним делать?

– Вот закончим здесь и сразу сдадим Вэнсу.

– Что ж, рад буду подвезти. Думаю, ваш пикап отъездился.

– Мама, – спросила Стиви, – а что шериф с ним сделает?

– Не знаю. Наверное, отошлет куда-нибудь выяснить, что это такое. А может, попробует вскрыть.

Перезвон ветряных курантов зывал к Стиви. Она подумала, что черный шар умоляет: «Забери меня обратно». Конечно, девочка не могла понять, отчего мама и мистер Крич не слышат курантов или что именно создает музыку, но сама слышала ее, словно зов товарища по играм. «Попробует вскрыть», – повторила она про себя и внутренне содрогнулась. Нет-нет, это было бы ужасно. Ведь если взломать оболочку, тому, кто сидит внутри, будет больно. О нет!

Стиви умоляюще взглянула на мать:

– Нам обязательно надо отдавать его? А нельзя забрать домой и оставить себе?

– Боюсь, что нельзя, киска. – Джесси коснулась щеки дочери. – Извини, но мы должны отдать это шерифу. Хорошо?

Стиви не отвечала. Мистер Крич некрепко держал шар в опущенной руке.

– Ну, – сказал мистер Крич, – пора к Вэнсу? – И начал поворачиваться к своей машине.

Музыка горестно зывала к девочке и придавала храбрости. На Стиви нахлынули такие мысли, каких у нее никогда раньше не бывало; претворить их в жизнь значило напроситься на верную порку, но девочка понимала: шанс у нее только один. Потом она сумеет объяснить свой поступок, а «потом» всегда кажется таким далеким...

Мистер Крич сделал шаг к машине. Стиви стрелой метнулась вперед, мимо матери, и выхватила черный шар из руки Хитрюги. Как только пальцы девочки обняли шар, ветряные куранты смолкли, и Стиви поняла, что поступила правильно.

– Стиви! – вскрикнула потрясенная Джесси. – Сейчас же отдай...

Но девчушка уже мчалась прочь, крепко сжимая в руке добычу. Она забежала за угол автозаправки Мендосы, выскочила из тени на солнце, чуть не попала под мусоровоз и проскочила между двумя огромными кактусами высотой с мистера Крича.

– Стиви! – Джесси свернула за угол и увидела, как девочка перебегает чей-то задний двор, направляясь в сторону Брасос-стрит. – Сию же минуту вернись! – крикнула она, но Стиви будто не слышала, и Джесси поняла, что дочка не намерена останавливаться.

Она пробежала вдоль сетчатой ограды, свернула за угол, оказалась на Брасос-стрит и скрылась из глаз.

– Стиви! – предприняла Джесси еще одну тщетную попытку.

– Кажется, она хочет оставить эту штуку себе? – спросил Крич, останавливаясь у Джесси за спиной.

– Не знаю, что на нее нашло! Клянусь, с тех пор как эта дрянь в нас угодила, девчонка точно взбесилась! Извините, Хитрюга. Я не...

– Да бросьте. – Крич хмыкнул и покачал головой. – Хочет бегать – пусть бегают, на то они и дети.

– Похоже, убежала домой. Ах ты черт! – Джесси была так огорошена, что едва могла говорить. – Не подбросите меня?

– О чем речь! Пошли.

Они поспешно вернулись за угол, к «бьюику» Крича... и обнаружили, что у машины стоят двое, один – в форме военного летчика.

– Доктор Хэммонд? – выступая вперед, сказал мужчина с подстриженными ежиком темными волосами. – Надо поговорить.

Глава 10

Синяя пустота

Баякая в ладонях черный шар, Стиви добежала до дома и остановилась, чтобы найти под окном эркера белый камень – если вытащить его, открывался доступ к спрятанному там запасному ключу от входной двери. Девочка запыхалась, ее все еще трясло: на Брасос-стрит за ней погналась собака. Крупный доберман зарычал и рванулся к Стиви, но цепь, тянувшаяся к столбу во дворе, с лязгом отбросила пса назад. Стиви даже не остановилась показать собаке нос, понимая, что мама с мистером Кричем едут за ней.

Она отыскала белый камень и ключ и вошла в дом, где кондиционированный воздух остудил потное, разгоряченное тело. Стиви пошла на кухню, подтащила к шкафчику стул, залезла на него, взяла стакан и налила ледяной воды из кувшина, стоявшего в холодильнике. Черный шар по-прежнему сохранял прохладу. Она обтерла им щеки и лоб и прислушалась, не тормозит ли перед домом машина мистера Крича. Нет еще, но скоро взрослые должны подъехать.

– Тебя хотят вскрыть, – сказала девочка своему новому приятелю, прятавшемуся в шаре. – По-моему, это будет не очень-то приятно.

Разумеется, шар не ответил. Он знал, как играют в крестики-нолики, но говорить не умел, только петь.

Стиви унесла его к себе в комнату и задумалась, не спрятать ли. Конечно, когда она объяснит про музыку и расскажет, что в черной глубине сидит кто-то, играющий с ней, мама не заставит ее отдавать шар. Девочка мысленно перебрала места, куда его можно спрятать: под кровать, в шкаф, в комод, в ящик с игрушками. Нет, ни один тайник не казался достаточно надежным. Машины мистера Крича все не было – у Стиви оставалось время найти хорошее укрытие.

Девочка как раз думала об этом, когда зазвонил телефон. Он дребезжал не переставая, и Стиви решила подойти, поскольку в данный момент была хозяйкой дома. Она сняла трубку.

– Алё?

– Вы, барышня, заработали порку! – Сквозь притворное бешенство в голосе Джесси пробивалось неподдельное облегчение. – Ты могла попасть под машину... да мало ли что!

Стиви решила, что про собаку лучше умолчать.

– Со мной все в порядке.

– Я хочу знать, что это ты вытворяешь? Сегодня ты меня очень огорчила!

– Прости, пожалуйста, – тихонько сказала Стиви. – Но я опять услышала пение и должна была забрать шар у мистера Крича. Я не хочу, чтобы его сломали!

– Это не нам решать. Стиви, ты меня удивляешь! Ты никогда так не вела себя!

Глаза девочки обожгло слезами. Когда мама так разговаривает, это хуже всякой порки. Мама не слышала пения и не понимала, что в шаре тот, кто с ней играет.

– Я больше не буду, мама, – пообещала она.

– Ты меня очень разочаровала. Мне казалось, что я воспитала тебя лучше. А сейчас послушай-ка: я все еще у мистера Мендосы, но скоро приеду домой. И хочу, чтобы ты никуда не уходила. Слышишь?

– Да, мам.

– Ну хорошо. – Джесси помолчала; она злилась, но не настолько, чтобы просто повесить трубку. – Ты меня напугала. Кто же так бегаешь? С тобой могло что-нибудь случиться. Ты хоть понимаешь, почему я расстроилась?

– Да. Я плохо себя вела.

– Не просто плохо, а очень плохо, – поправила ее Джесси. – Но об этом мы поговорим, когда приеду домой. Я очень люблю тебя, Стиви, вот почему я так рассердилась. Понимаешь?

Девочка сказала:

– Да, мам. Я тебя тоже люблю. Прости меня.

– Ладно. Будь дома, я скоро приеду. Пока.

– Пока.

Они одновременно повесили трубки. На станции техобслуживания Джесси повернулась к полковнику Роудсу и сказала:

– Метеорит! Держи карман шире!

Слезы у Стиви высохли. Она вернулась в свою комнату к черному шару. На его поверхности проступили синие пятнышки. Спрятать его? Теперь от этой мысли делалось не по себе. Но отдавать нового приятеля, чтобы его разломали на куски, тоже не хотелось. Плохого, нет, очень плохого поведения для одного дня было достаточно. Как же поступить? Стиви прошла через комнату к окну и посмотрела на выбеленную солнцем улицу, пытаясь угадать, что же правильно: пойти наперекор матери и спрятать черный шар или отдать его на растерзание. Тут девочка зашла в тупик и решила до появления машины мистера Крича по возможности развлекать нового товарища.

Стиви рассеянно подошла к стоявшим на столике стеклянным фигуркам. Внутри черного шара появился синий штрих, словно приоткрылся глаз. Девочка прошептала: «Балерина» – и показала на свою любимую статуэтку, стеклянную танцовщицу.

– А это лошадка. Как Душистый Горошек, только Душистый Горошек настоящий, а эта – стеклянная. Душистый Горошек – пал... пол... – Некоторые слова все еще вызывали у Стиви затруднения. – Полумино, – сдавшись, выговорила девочка и показала на следующую фигурку: – Мышка. Знаешь, что такое мышка? Она ест сыр и не любит кошек.

В центре черной сферы взорвался фейерверк синих искорок.

Стиви взяла с кровати куклу, Энн Оборвашку.

– Это Энни Ларедо. Энни, скажи: «Здрасте». Скажи: «Мы так рады, что вы сегодня к нам заглянули». Энни – девочка с родео, – объяснила она черному шару, подошла к своей магнитной доске, где папа помог ей развесить вырезанные из ватмана буквы, и показала на первую. – Эй... Би... Си... Ди... И... Эф... Джи... это алфавит. Тебе известно, что такое алфавит? – Стиви пришла в голову очень важная мысль. – Ты ведь даже не знаешь, как меня зовут! – Она поднесла шар к лицу. В середине переливались разные цвета, словно шар был аквариумом, где плавала красивая рыбка. – Я Стиви. Я знаю, как пишется: Сэ-Тэ-И-Ви-И. Стиви. Это я.

На той же доске висели вырезанные из журналов звери и насекомые. Подняв шар так, чтобы новый приятель их видел, Стиви принялась дотрагиваться до картинок и называть:

– Лев... из джунглей. Ст... стыр... такая большая птица. Дельфин. – Стиви выговаривала «дифин». – Он плавает в океане. Орел... летает высоко-высоко. Кузнечик... Кузнечики много прыгают. – Девочка подошла к последней картинке. – Скор... скорп... Кусака, – выговорила она и все-таки дотронулась до фотографии, хотя любила ее меньше всего.

Скорпиона отец повесил как напоминание, чтобы она не ходила по улице босиком.

В центре сферы возникло что-то вроде крошечных молний; они поднялись к внутренней поверхности шара и заплясали по ней. Короткий контакт с пальцами Стиви – и в руке девочки возникло холодное покалывание, которое мгновенно распространилось до самого локтя и исчезло, не причинив боли. Стиви смотрела, как молнии внутри шара описывают дуги, вспыхивают и гаснут, а сверкающий синий центр растет.

Скорее зачарованная, чем напуганная, Стиви держала шар обеими руками. Молнии раскручивались, касаясь ее ладоней. Несколько секунд девочке казалось, будто она слышит потрескивание своих волос, похожее на хруст рисовых хлебцев. Она подумала: может быть,

настало время положить черный шар? В нем, расходясь все сильнее, бушевала гроза, и Стиви пришло в голову, что новому приятелю может не понравиться что-то из увиденного на доске.

Девочка сделала два шага к кровати, намереваясь осторожно положить шар и дожидаться маминго возвращения.

Но больше не смогла преодолеть ни сантиметра.

Черный шар внезапно взорвался раскаленной, пугающей синевой. Стиви хотела разжать пальцы и бросить его, но опоздала.

С поверхности шара слетели крохотные молнии. Они оплели пальцы девочки, пробежали вверх по рукам и плечам, дымком обвилились вокруг шеи, метнулись к ноздрям и широко раскрытым глазам, коконом окутывая голову, проникая под череп. Боли не было, но уши заполнил тихий рокот, похожий не то на отдаленный гром, не то на ровный повелительный голос, какого Стиви еще не слышала. По ее волосам прыгали искры, голова запрокинулась, а рот раскрылся в тихом потрясенном возгласе «Ох!».

Запахло горелым. «Волосы!» – в панике подумала Стиви. Девочка попыталась сбить пламя ладонями, но руки не слушались. Ей захотелось кричать, слезы застили глаза, но звучащий внутри ее раскатистый голос стал еще громче и поглотил все чувства. Стиви почудилось, будто неведомые волны подхватили ее и утащили вниз, в бездонный синий омут. Там оказалось прохладно и тихо, гроза бушевала где-то далеко. Вокруг сомкнулась синяя пустота, которая держала крепко и утягивала все глубже. Стиви покинула свое тело и превратилась в свет, сделалась легкой, как перышко на ветру. Ничего страшного в этом не было, но Стиви не переставала изумляться, как это она не боится, даже не плачет. Девочка не противилась, – казалось, сопротивляться нехорошо. Лучше опуститься вниз, в синеву, в царство тишины, уснуть, погрузиться в мир сновидений... Стиви не сомневалась: сны живут именно здесь, и, если не противиться, они к ней придут.

Девочка уснула в синих потоках, и первое видение приняло обличье Душистого Горошка; мама с папой уже сидели на спине золотистого коня и звали ее к себе, чтобы провести долгий день там, где нет печали, где лишь чистое голубое небо да солнечный свет.

Стиви упала на спину, ударившись правым плечом об пол. Синий пульсирующий шар выпал из онемевших рук и закатился под кровать, где мало-помалу снова стал черным как смоль.

Глава 11

Превращение

– Не знаю, в чем вы пытаетесь меня убедить, – сказала Джесси, – но это никакой не метеорит. Вы это знаете не хуже меня.

Мэтт Роудс украдкой улыбнулся и закурил.

Они с Джесси сидели друг против друга за столиком в «Клейме» на Селеста-стрит. «Клеймо» было заведением маленьким, но чистым, с алыми клетчатыми скатертками, табуретками из красного винила и стенами, украшенными, соответственно вывеске, клеймами. На тарелке перед Роудсом лежали остатки главного блюда ресторана, бигбифбургера – котлеты с выжженным на ней двойным «Х», фирменным знаком «Клейма».

– Ладно, доктор Хэммонд, – молвил полковник, затягиваясь. – Тогда скажите мне, что это было.

Джесси пожала плечами:

– Интересно, откуда мне знать? Я же не служу в ВВС.

– Нет, но вы, кажется, видели объект достаточно ясно. Выкладывайте.

Подошла с кофейником Сью Маллинэкс, ярко покрашенная крупная блондинка с пышными бедрами и нежными детскими карими глазами. Десять лет назад Сью возглавляла команду поддержки в средней школе имени Престона. Налив Джесси и полковнику еще по чашке кофе, Сью удалилась.

– Это был механизм, – решила Джесси, когда Сью отошла достаточно далеко. – Какой-нибудь секретный самолет. Вроде бомбардировщика «стелс»...

Роудс расхохотался, пуская из ноздрей сигаретный дым.

– Вы начитались шпионских романов! Про «стелс» теперь знает каждая собака; будьте уверены, это уже не секрет.

– Ну, не «стелс», но что-нибудь такое же важное, – ничуть не смутившись, продолжала Джесси. – Я видела обломок этой штуки, покрытый какими-то символами. Мне кажется, они японские. Или, может, русские. В английском таких букв точно нет. Не хотите просветить меня на этот счет?

Улыбка полковника растаяла. Он посмотрел в окно, продемонстрировав Джесси ястребиный профиль. Неподалеку, посреди Престон-парка, все еще стоял вертолет. К нему стекались люди. Капитан Ганнистон сидел за стойкой и пил кофе, а Сесил Торсби, пузатый повар и хозяин кафе, донимал его вопросами. Полковник сказал:

– Думаю, мы вернулись к моему первому вопросу. Я хотел бы выяснить, что повредило ваш пикап.

– А я хотела бы знать, что на нас упало. – Джесси решила молчать про черную сферу, пока Роудс хоть что-нибудь не расскажет.

Стиви обращалась с шаром осторожно, поэтому не надо спешить отдавать его.

Роудс вздохнул, сощурился и с холодком посмотрел на нее:

– Не знаю, кем вы себя воображаете, но...

– Врачом, – сказала Джесси. – Я врач. И оставьте этот снисходительный тон.

Роудс кивнул:

– Ладно, доктор.

«Меняем тактику, – подумал он. – Дамочка не такое дубовое полено, как шериф или мэр».

– Хорошо. Но, если я расскажу, что это было, вам придется дать целую кучу подписок о неразглашении с грифом «Совершенно секретно». Может быть, даже съездить в Уэбб. Одной

этой канцелярщины хватит, чтобы довести до слез и крепкого мужчину, но после того, как вы по уши утонете в бумажках, вас еще заставят присягнуть под страхом бесплатного жилья и кормежки за счет Дяди Сэма на очень долгий срок, что вы ни словом ни о чем не обмолвитесь. – Роудс помолчал, чтобы Джесси прочувствовала перспективу. – Вы этого хотите, доктор Хэммонд?

– Я хочу слышать правду, а не всякую чушь. И немедленно. А уж потом расскажу вам, что знаю я.

Полковник сжал кулак, изо всех сил стараясь принять неопишимо злобещий вид.

– Несколько месяцев назад нам достался советский вертолет, пилот сбежал на нем в Японию. Вертолет ломился от оружия, инфракрасных прицелов и тепловизоров, вдобавок там установлена новейшая лазерная система наведения на цель, которую мы уже давно хотели прибрать к рукам. – Роудс затаился. Кроме Ганнистона, Сесила и Сью Маллинэкс, в кафе никого не было, но он понизил голос почти до шепота. – Это оборудование проверяли на авиабазе Холломан в Нью-Мексико, и тут случилась неприятность. Один из техников, допущенных к секретным работам, оказался тайным агентом и угнал вертолет. База Холломан запросила помощи, поскольку он взял курс на Мексиканский залив. Возможно, вертолет поджидали советские истребители с Кубы. Короче, мы его сбили. Выбирать не приходилось. В тот момент, когда вертолет перерезал вам дорогу, он разлетелся на куски. Теперь надо собрать их и унести отсюда ноги, до того как нас выследят репортеры. – Роудс ткнул сигарету в пепельницу. – Вот так. Если мы не будем держать язык за зубами, на следующей неделе все это можно будет прочесть в «Тайм».

Джесси внимательно наблюдала за полковником. Он упорно давил свою сигарету. Джесси сказала:

– Я не видела никаких винтов.

– Господи! – Роудс сказал это чуть громче, чем следовало, и Сесил с Ганнистоном посмотрели в их сторону. – Доктор Хэммонд, я сообщил вам то, что знаю. Хотите – верьте, хотите – нет. Но не забывайте вот о чем: вы скрываете очень важную информацию от правительства Соединенных Штатов и можете по собственной вине оказаться в крайне неприятной ситуации. Вместе с семьей.

– Нечего мне угрожать.

– Не надо водить меня за нос! В ваш пикап угодил кусок этой машины? Что именно произошло?

Джесси допила кофе, стараясь потянуть время. Никаких винтов она не заметила; какой же это вертолет? Однако все произошло так быстро... Может быть, она не помнит, что видела, или винты отвалились раньше? Роудс ждал ответа, и Джесси поняла, что говорить придется.

– Да, – сказала она, – обломок угодил в мой пикап и насквозь пробил мотор – вы же видели дыру. Это была черная сфера, примерно вот такой величины. – Джесси показала. – Она отлетела от вашей штуковины и угодила прямо в нас. Но странно другое: весит этот шар вроде бы всего несколько унций, сделан то ли из стекла, то ли из пластмассы, и на нем ни царапинки. Я ничего не знаю о технологических достижениях русских, но если они научились делать долгоиграющую мастику для полов, ее необходимо прибрать к рукам...

– Минуточку, пожалуйста. – Роудс подался вперед. – Черная сфера. Вы в самом деле брали ее в руки? Разве она не была горячей?

– Нет. Она, как ни странно, была холодной, хотя другие обломки еще дымились.

– На сфере тоже были значки?

Джесси потрясла головой.

– Нет, никаких.

– Ладно. – В голосе полковника появилось волнение. – И вы, значит, оставили этот шар там, где стоял ваш пикап?

– Нет. Мы взяли его с собой.

Полковник Роудс вытаращил глаза.

– Сейчас он у моей дочки. У нас дома. – Джесси не понравилось изумленное выражение лица Роудса и забившаяся у виска жилка. – А что это такое? Какой-нибудь компью...

– Ганни! – Роудс встал, и Ганнистон мигом снялся с табурета у стойки. – Расплатись! – Он взял Джесси за руку, но та вырвалась. Он опять взял ее за локоть и стиснул. – Доктор Хэммонд, пожалуйста, проводите нас к себе. Чем скорее, тем лучше!

Они вышли из «Клейма». На улице Джесси сердито высвободилась. Роудс больше не пытался схватить ее за руку, однако шагал рядом, а Ганнистон – в нескольких шагах позади. Они стороной обошли Престон-парк, чтобы не попасться на глаза зевакам, донимавшим пилота вертолета Джима Тэггарта. У Джесси сильно колотилось сердце, она почти бежала. Мужчины не отставали.

– Что в этой сфере? – спросила она у Роудса, но тот не потрудился (или не смог) ответить. – Она не взорвется? – Снова никакого ответа.

Дома Джесси с радостью увидела, что Стиви заперла дверь, – девочка училась быть ответственной, – однако из-за этого пришлось потратить несколько драгоценных секунд на поиски ключа. Найдя нужный, она отперла дверь. Роудс с Ганнистоном вошли за ней в дом, и капитан решительно закрыл за собой дверь.

– Стиви! – позвала Джесси. – Где ты?

Девочка не ответила.

Сквозь жалюзи, расчерчивая стены, лился белый свет.

– Стиви! – Джесси быстро прошла в кухню.

Там тикали часы с кошачьей мордочкой вместо циферблата, с шипением трудился кондиционер. Стул, забытый у кухонного стола, незакрытый шкаф, в раковине – пустая чашка. Набегалась и захотела пить, подумала она. Но Стиви больше не ушла бы из дома. Ну, если ушла... кому-то несдобровать! Джесси прошлась по комнатухе – всё на месте – и вышла в коридор, который вел к спальням. Роудс с Ганнистоном следовали за ней по пятам.

– Стиви! – опять позвала она, начиная нервничать по-настоящему. Куда могла деваться эта девчонка?

Джесси была уже у самой двери в спальню Стиви, и тут за порог, цепляясь пальцами за бежевый ковер, выпростались чьи-то руки.

Джесси встала как вкопанная. Роудс налетел на нее.

Руки, разумеется, принадлежали Стиви. Джесси в ужасе смотрела, как движутся сухожилия, как пальцы впиваются в ковер, силясь подтянуть тело к порогу. Показалась голова дочери – мокрые русые волосы, влажное, припухшее лицо, блестящие капли пота на щеках. Руки тянули тело девочки в коридор, на голых плечах вздувались и опадали мышцы. Стиви поползла по коридору, одолевая дюйм за дюймом, и ладонь Джесси метнулась ко рту: дочка волочила ноги по полу, как парализованная. Левого кроссовки не было.

– Сти... – Голос матери сорвался.

Девочка остановилась. Она чрезвычайно медленно подняла голову, и Джесси увидела ее глаза: безжизненные, как у куклы.

Задрожав, Стиви с усилием, которое явно причиняло ей боль, подобрала под себя ногу и попробовала встать.

– Назад, – услышала Джесси голос Роудса, но не двинулась с места, и полковник схватил ее за руку и оттащил.

Стиви подобрала под себя другую ногу. Она качнулась, со лба упала капля пота. Лицо у девочки было бесстрастным, сосредоточенным, отрешенным, глаза – кукольными, но теперь Джесси разглядела, что в них зарницами вспыхивает пламя упорства и огромной решимости, какого она никогда не видела прежде. Мелькнула сумасшедшая мысль: «Это не Стиви».

Девчушка поднималась на ноги. Лицо оставалось отрешенным, но, когда она наконец справилась со своей задачей и встала в полный рост, по губам скользнуло что-то вроде удовлетворенной улыбки.

Осторожно, словно Стиви балансировала на проволоке, вперед выдвинулась ступня. Потом вторая, босая – и вдруг девочка опять задрожала и повалилась. Джесси не успела подхватить дочку. Дергая руками, будто разучившись ими пользоваться, Стиви ничком упала на ковер.

Она лежала, прерывисто дыша.

– Она... она недоразвитая? – спросил Ганнистон.

Джесси вырвалась от полковника Роудса и нагнулась над дочерью. Тело девочки сотрясала дрожь, на плечах и спине подергивались мышцы. Джесси коснулась руки Стиви повыше локтя, и ее тряхнуло; вверх по пальцам побежал разряд, занял каждый нерв, и женщина тотчас отдернула руку, чтобы ударная волна не добралась до плеча. Кожа Стиви оказалась влажной и неестественно холодной, почти такой же, как черная сфера. Девочка подняла голову и уставилась широко открытыми глазами прямо в глаза матери, не узнавая ее. Джесси увидела, что от удара об пол из носа Стиви хлынула кровь.

Женщина не выдержала. Небытие замаячило совсем рядом, коридор искривился и заколыхался, как в павильоне надувных аттракционов... Кто-то помог Джесси встать. Роудс. От него пахло табаком. На сей раз она не сопротивлялась. Джесси услышала, как полковник спросил, где сфера, и помотала головой.

– Ей не до того, полковник, – сказал Ганнистон. – Господи, что такое с этой девочкой?

– Проверь ее комнату. Может быть, сфера там. Но, ради бога, осторожно!

– Есть! – Ганнистон обошел Стиви и скрылся в спальне.

У Джесси подкосились ноги.

– Позвоните в «скорую»... Доктору Макнилу.

– Позвоним. Ну, успокойтесь. Идемте. – Роудс помог Джесси перейти из коридора в маленькую комнату и подвел ее к стулу. Она опустилась на сиденье, чувствуя дурноту и головокружение. – Послушайте, доктор Хэммонд, – Роудс говорил тихо и спокойно, – кроме сферы, вы отсюда ничего не приносили?

– Нет.

– Может быть, вы о чем-то умолчали? Вы что-нибудь видели внутри этого шара?

– Нет. Ничего. О господи... мне надо позвонить мужу.

– Посидите спокойно несколько минут. – Роудс не позволил ей встать, что было не слишком сложно: мышцы Джесси размякли, как вареные макароны. – Кто и как нашел сферу?

– Тайлер Лукас. Он живет там неподалеку. Погодите. – Все-таки кое о чем она умолчала. – Стиви говорила... будто слышит, как сфера поет.

– Поет?

– Да. Но сама я ничего не слышала. Я думала... ну, что девочка в шоке после аварии, понимаете? – Джесси провела рукой по лбу. Ее трясло как в лихорадке, все кружилось, и справиться с этим было невозможно. Она взглянула полковнику в лицо и увидела, как Роудс, несмотря на густой загар, побледнел. – Что происходит? Значит, это не русский вертолет? – Полковник медлил, и Джесси потребовала: – Да говорите же, черт возьми!

– Нет, – буркнул Роудс.

Она подумала, что сейчас ее вырвет, и прижала ладонь ко лбу, предчувствуя очередное потрясение.

– Сфера. Что это такое?

– Не знаю. – Роудс поднял руку раньше, чем Джесси успела протестовать. – Бог свидетель, не знаю. Но... – Лицо полковника стало непроницаемым. Он боролся с собой и в конце концов послал циркуляры к черту. Джесси имела право услышать правду. – Думаю, вы при-

несли в дом обломок звездолета. Внеземного космического корабля. Вот что упало в пустыне сегодня утром. Вот за чем мы гнались.

Джесси не сводила с него глаз.

– В атмосфере корабль загорелся, – продолжал Роудс. – Наши радары засекли его, и мы рассчитали точку падения. А он возьми да сверни к Инферно, словно... пилот хотел перед катастрофой оказаться поближе к городу. Космолет развалился на куски. Осталось немного – изуродованные обломки, к которым пока нельзя подобраться, потому что они чересчур раскалены. Так или иначе, сфера – часть этого аппарата, и я хочу точно выяснить, каково ее предназначение и почему она не сгорела вместе с прочим.

Джесси лишилась дара речи. Но по лицу полковника было видно: он говорит правду.

– Вы не ответили на вопрос Ганни, – сказал Роудс. – Ваша девчушка отстаёт в развитии? У нее эпилепсия? Или дело обстоит иначе?

«Дело обстоит иначе», – подумала Джесси.

Какой дипломатичный способ поинтересоваться, в своем ли она уме.

– Нет. У нее сроду не было никаких...

Джесси осеклась, потому что из коридора, шатаясь на ватных ногах, появилась Стиви. Руки безвольно висели, голова болталась из стороны в сторону. Девочка молча вошла в комнату. Джесси поднялась, готовая подхватить дочку, если та опять споткнется, но теперь ноги слушались ее лучше. Тем не менее двигалась она как-то чудно, ставя одну ступню перед другой, будто шла по карнизу небоскреба. Джесси встала, и девочка замерла на полушаге.

– Где черный шарик, киска? Что ты с ним сделала?

Девочка уставилась на нее, чуть склонив голову набок. Потом медленно и грациозно поставила ногу на пол и пошла – вернее, заскользила – дальше. Она добралась до стены и застыла, как будто поглощенная созерцанием игры света и тени.

– Там ничего нет, полковник. – В комнатку вернулся Ганнистон. – Я проверил в шкафу, в комод, заглянул под кровать и в ящик с игрушками – везде. – Он недоуменно взглянул на девочку. – Э-э... что теперь, сэр?

Стиви круто обернулась отточенным движением танцовщицы. Взгляд девочки ненадолго задержался на Ганнистоне, переключался на Роудса и, наконец, уперся в мать. Сердце у Джесси затрепыхалось: в глазах дочери светилось только бесстрастное любопытство – ни теплоты, ни узнавания. Так ветеринар разглядывает животное, которое видит в первый раз. Стиви на подламывающихся ногах странным скользящим шагом двинулась к фотографиям в рамках, выстроившимся на книжной полке, и пересмотрела все по очереди: Джесси с Томом; вся семья на отдыхе в Галвестоне пару лет назад; Рэй и она сама верхом на лошади; еще две фотографии – родители Тома и Джесси. Пальцы девочки дернулись, но она не попыталась воспользоваться руками. Затем прошла мимо книжного шкафа и телевизора, еще раз задержалась, чтобы взглянуть в висящий на стене пустынный пейзаж, написанный Бесс Лукас («Она же сто раз видела эту картину», – подумала Джесси), и сделала еще несколько шагов к дверям, отделявшим комнатку от кухни. Там девочка остановилась, подняла правую руку, словно сражаясь с силой тяжести, и локтем потрогала косяк.

– Не знаю, – наконец сказал Роудс таким голосом, словно получил мощный удар в солнечное сплетение. – Ей-богу, не знаю.

– Я знаю! – крикнула Джесси. – Моей дочери необходим врач!

Она кинулась к телефону. Местный оплот здравоохранения представлял собой небольшое белое здание в двух кварталах от дома Хэммондов. Там без малого сорок лет заправлял делами доктор Эрл Ли (Эрли) Макнил, бессменный городской терапевт. Доктор Эрли, человек раздражительный и вспыльчивый, курил черные сигары и пил в клубе «Колючая проволока» неразбавленную текилу, однако дело свое знал и сообразил бы, как помочь Стиви. Джесси подняла трубку и начала набирать номер.

Полковник нажал на рычаг.

– Не спешите, доктор Хэммонд, – сказал Роудс. – Поговорим о...

– Уберите руку с телефона. Сейчас же, чтоб вас!

– Полковник! – окликнул Ганнистон.

– Прошу вас. – Роудс схватился за трубку. – Давайте не будем вводить в курс дела новых людей, пока не выясним, с чем мы столкнулись...

– Я сказала, что звоню доктору Макниту! – Взбешенная Джесси готова была то ли расплакаться, то ли вlepить полковнику пощечину.

– Полковник, она опять идет, – сообщил Ганнистон, и Роудс с Джесси оборвали спор.

Стиви скользкой походкой шла к противоположной стене с мозаикой солнечных пятен. Перед ней девочка стояла, неподвижно глядя на стену. Подняла правую руку, вертя ею так, будто видела впервые в жизни. Коснувшись большим пальцем своего разбитого носа, девочка несколько секунд рассматривала кровь, потом опять воззрилась на стену. Она вытянула руку и большим пальцем, испачканным кровью, провела на светлой стене вертикальную линию. Потом снова поднесла палец к носу, обмакнула в кровь и в нескольких дюймах от первой вертикали начертила вторую.

Обе вертикали перерезала горизонталь.

– Что за черт... – выдохнул Роудс, делая шаг вперед.

Вторая горизонталь завершила на стене аккуратную решетку. Измазанный кровью палец Стиви вписал в центральную клетку небольшой аккуратный нолик.

Девочка повернула голову, посмотрела на Роудса и, ставя одну ногу позади другой, отошла от стены.

– Ручку, – сказал Роудс Ганнистону. – Дай ручку. Скорее!

Капитан подал ручку. Роудс щелкнул кнопкой, приблизился к стене и вписал в нижнюю правую клетку крестик.

Стиви сунула палец в ноздрю и в левой клетке среднего ряда нарисовала красный нолик.

Джесси наблюдала за этой безумной игрой в крестики-нолики в мучительном молчании. В животе бурлило, сквозь зубы рвался крик. Тело с разбитым носом принадлежало Стиви, но существо, рисовавшее кровью, не было ею. А если так, то что стало с ее дочерью? Куда девалось сознание Стиви, ее голос, ее душа? Джесси сжала кулаки. На одну страшную секунду ей показалось, что ее крик сейчас прорвется и тогда все кончится. Дрожа, она молилась, чтобы кошмар прекратился, рассеялся, как морок, наведенный сильной жарой, и чтобы она проснулась в своей постели и услышала, как Том зовет ее завтракать.

Стиви (вернее, существо, принявшее обличье Стиви) закрыло Роудсу путь к выигрышу. Но следующим ходом уже полковник отрезал Стиви путь к победе.

Стиви поглядела на Роудса, потом на клетки и снова на полковника. Ее лицо слегка задержалось – работали незнакомые мышцы. Рот тронула улыбка, но одеревенелые губы не отозвались. Затем существо рассмеялось.

– Хха! – вытолкнули голосовые связки воздух.

Улыбка расплзлась. Просиявшее личико снова стало почти детским.

Роудс осторожно улыбнулся в ответ и кивнул. Стиви тоже кивнула, более осторожно и с усилием. Продолжая улыбаться, она повернулась и медленным шагом канатоходца двинулась в коридор.

У Роудса взмокли ладони.

– Ну, – сказал он охрипшим от напряжения голосом, – по-моему, мы влипли. А, Ганни?

– Я бы сказал, да, сэр.

Куда девался ослепительный лоск Ганнистона? Сердце капитана тяжело стучало, колени тряслись, потому что он понял то же, что и полковник Роудс: либо девочка очень больна, либо

это действительно уже не ребенок. Но постичь, как и почему такое могло случиться, прямолинейный логический ум капитана не мог.

Они услышали голос – нет, скорее выдох, странный шорох, похожий на шелест ветра в камышах: «Аххх. Аххх. Аххх».

Первой в комнате Стиви очутилась Джесси. Стиви – не-Стиви – стояла перед магнитной доской, вытянув правую руку. Палец девочки – существа – указывал на вырезанные из ватмана буквы алфавита. «Ааахх. Ахххх», – выговаривал голос, пытаясь ухватить отложившийся в памяти звук. Лицо исказилось от напряжения. Палец передвинулся к очередной букве. «Биии. Сиии. Диии. Иии. Эфф. Джи». Следующая буква вызвала заминку.

– Эйч, – тихонько подсказала Джесси.

– Чач. Эчач. Эйч. – Голова повернулась, в глазах светился вопрос.

«Боже милостивый, – подумала Джесси и схватилась за косяк, чтобы не упасть. – Пришелец с техасским выговором, облекшийся в тело и одежду моей дочурки!» Подавив крик, она выговорила:

– Где моя дочь? – Глаза Джесси наполнились слезами. – Верни мне ее.

Существо в обличье маленькой девочки ждало, указывая на следующую букву.

– Верни мне ее, – повторила Джесси. Женщина рванулась вперед, и Роудс не успел ее остановить. – Верни! – крикнула Джесси, а потом схватила холодную руку и рывком развернула фигурку, чтобы заглянуть в лицо, которое когда-то было лицом ее дочери. – Верни! – Джесси размахнулась и ударила существо по щеке.

Потеряв равновесие, лже-Стиви отшатнулась и чуть не рухнула на колени. Спину она держала прямо и жестко, но голова несколько раз мотнулась из стороны в сторону, как у нелепой куклы, что кивают за стеклом автомобиля. Существо заморгало, возможно регистрируя болевое ощущение, а Джесси, вновь придя в ужас, наблюдала, как на коже Стиви проступает красный отпечаток ее ладони.

Эта оболочка все равно оставалась лицом, волосами и телом ее дочери, пусть даже в нее заползло что-то иное. Потрогав красный отпечаток ладони у себя на щеке, не-Стиви опять повернулась к азбуке. Она настойчиво указывала на следующую букву.

– Ай, – помог Роудс.

– Иай, – выговорило существо. Палец передвинулся.

– Джей. – Когда букву с трудом повторили, Роудс взглянул на Ганнистона. – Я думаю, оно сообразило, что звуки – основа нашей речи. Господи, Ганни! Что же это?

Капитан покачал головой:

– Не хотелось бы гадать, сэр.

Джесси не сводила глаз с затылка Стиви. Волосы такие же, как всегда, только мокрые от пота. А в них крошки... чего? Женщина осторожно сняла с головы девочки кусочек чего-то розового, волокнистого, напоминающего сахарную вату. Пластик, поняла Джесси. Почему розовый пластик оказался у Стиви в волосах? Она выронила обломок, и тот спланировал на пол. Мозг у Джесси словно отказал, мысли беспорядочно заметались. Лицо посерело от страха.

– Уведи ее, Ганни, – скомандовал Роудс, и Ганнистон вывел готовую потерять сознание Джесси из спальни. – Кей, – продолжил Роудс, отвечая движению пальца.

– Кэх. Кей, – удалось произнести существу.

С Република-роуд свернули два грузовика. Один вез кран, на другом было написано: «Объединенные перевозки». Грузовики миновали Престон-парк и свернули на Кобре-роуд, направляясь в пустыню, где то, что раньше было механизмом, догорело и превратилось в синезеленую вязкую жижу.

Глава 12

Что возвращает все колеса

В три прозвенел звонок.

– Локетт и Хурадо! – вызвал Том Хэммонд. – Задержитесь. Остальные свободны.

– Эй, эй! – Рик Хурадо, уже успевший нахлобучить шляпу, стал выбираться из-за последней парты в левом углу невыносимо душного класса. – Я ничего не сделал!

– А я ничего такого и не говорил. Просто посиди.

Школьники собирали книжки и уходили. Вдруг из-за парты в правом дальнем углу вышел Коди Локетт.

– Дудки! Я пошел.

– Сядь, Локетт! – Том и сам поднялся из-за стола. – Я просто хочу поговорить с вами обоими.

– Ладно, я двину на север, а вы можете пообщаться с моим южным полюсом, – ответил Коди, и «отщепенцы», которые сидели вокруг него как живое прикрытие, зашлись от смеха. – Урок кончился, и я сваливаю. – Коди решительно направился к двери, остальные последовали за ним.

Том загородил ему дорогу. Парень упорно шел вперед, словно собирался пройти сквозь него. Учитель не сходил с места, приготовившись к столкновению. В трех футах от Тома Коди остановился. За его спиной возвышался двухсотфунтовый громила, который всегда ходил в выдавшем виды футбольном шлеме, раскрашенном камуфляжными пятнами. Звали громилу Джо Тейлор, но Том ни разу не слышал, чтобы к нему обращались иначе как Танк. Сейчас он сверлил черными глазами, глубоко посаженными на грубо вылепленной, скуластой и носатой физиономии, способной вызывать теплые чувства только у матери – у полоумной матери, если уж на то пошло. Коди спросил:

– Ну, даем дорогу?

Том медлил. Рик Хурадо, ухмыляясь, снова устроился на стуле. Вокруг него сидело несколько ребят латиноамериканского и индейского происхождения из команды «гремучие змеи». Те старшеклассники, кто не входил ни в один из «клубов», поспешили уйти, и Том остался с чудовищами один на один. Сам заварил кашу, сам и расхлебывая, подумал он, затем взглянул прямо в надменные серые глаза Коди и ответил:

– Нет.

Локетт прикусил нижнюю губу. По лицу учителя нельзя было догадаться, в чем дело, но парнишка знал, что натворить ничего не успел. Во всяком случае, сегодня.

– Срезать меня не получится. Я уже все сдал.

– Просто сядь и выслушай. Ладно?

– Эй, дядя, я выслушаю! – крикнул Рик. Он подтащил к себе пустую парту, взгромоздил на нее ноги, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. – Мистер Хэммонд, Локетт инглиски никак не понимает, – добавил он, нарочито коверкая слова.

– Закрой пасть, слюняй! – рявкнул Танк.

Несколько «гремучих змей» вскочили как по команде. Вперед выбежал сосед Рика по парте, тощий кудрявый мальчишка. Лоб его охватывал низко повязанный красный платок, а с шеи на цепочках свисало то ли пять, то ли шесть маленьких распятий.

– Пошел на хрен, жирный окорок! – выкрикнул он фальцетом.

– Сам пошел. – Танк вызывающе показал ему средний палец.

Мальчишка-мексиканец изготовился было перемахнуть через ряды парт, чтобы наброситься на Танка, который был тяжелее фунтов на семьдесят, но Рик с быстротой молнии схватил его за запястье.

– Легче, легче, – спокойно сказал он, не переставая улыбаться и не сводя глаз с Коди. – Остыньте, *tuchachos*¹⁸. Пекин! Спокуха, чувак.

Пекин, которого на самом деле звали Педро Эскимелас, дрожал от ярости, но позволил удержаться. Он сел, бормоча непристойности на испанском, остальные «гремучки» (в том числе Крис Торрес, Диего Монтана и Лен Редфезер) не садились, готовые к неприятностям. Том уже слышал, как беда стучит в двери: если он не справится с ситуацией, классная комната превратится в поле боя. Однако Пекин унялся. Том знал, что из-за своего неистового темперамента мальчик чуть ли не каждый день ввязывается в драку. И кличка у него была подходящая, ведь пекин – это мелкий красный перец, от которого и сам Сатана схватится за желудочные таблетки.

– Ну так что же? – спросил Том у Коди.

Тот пожал плечами. У него в шкафчике лежала вешалка для галстуков, которую он все-таки закончил. Хотелось занести ее домой и поработать пару часов у мистера Мендосы, но, с другой стороны, спешить некуда.

– Если я остаюсь, то и они тоже. – Он кивнул на свое сопровождение, пятерку крепких «щепов»: Уилла Латэма, Майка Фрэкнера, Бобби Клэя Клеммонса, Дэйви Саммерса и Танка.

– Хорошо. Да сядь же наконец.

Коди снова плюхнулся за парту. Остальные последовали примеру вожака. Танк уперся массивным плечом в блочную стену и принялся чистить ногти разогнутой клипсой с фальшивым камешком.

– *Amigo*, я устал ждать, – объявил Рик.

Том вернулся к своему столу и присел на край. На доске красовался список говардовской «Конанианы» – рассказы эти он велел прочесть, чтобы обсудить на уроке противостояние варварства и цивилизации. Задание почти никто не выполнил.

– Завтра у вас последний день занятий, – начал он. – Я хотел...

– О, *madre!*¹⁹ – простонал Рик и надвинул шляпу на глаза.

Пекин положил голову на парту и шумно захрапел. «Щепы» безмолвствовали.

Отсыревшая рубашка Тома липла к плечам и спине. Вентилятор без толку гонял по кругу раскаленный воздух. Танк вдруг рыгнул, словно выстрелила гаубица. «Щепы» загоготали, «гремучки» хранили молчание. Том предпринял новую попытку:

– Я хотел сказать вам, что... – И замялся.

Никто не смотрел на него. Всем было наплевать, что скажет учитель; они снова укрылись за скучающими минами. «Да идите вы все к черту! – подумал Том. – Заставлять вас слушать – все равно что пытаться набросить лассо на луну!» Но он уже разозлился – его бесили их скучающие позы, возмущало, что не починили кондиционеры, злило, что сам он свалил такого дурака. Ему показалось, будто стены класса готовы обрушиться на него. Вниз по шее побежал ручеек пота. Волна гнева росла, набухала, затем тяжело всколыхнулась, порвала путы и хлынула наружу.

Первыми отозвались руки. Схватив со стола учебное пособие «Правительства в переходный период», Том что было силы швырнул его через класс.

Книга звонко шлепнулась об стену. Пекин вздрогнул и поднял голову. Рик Хурадо медленно поправил шляпу так, что снова стали видны глаза. Танк прекратил чистить ногти, а пристальный взгляд Коди Локетта сделался острее.

¹⁸ Мальчишки (*исп.*).

¹⁹ Мать (*исп.*).

Лицо Тома залила краска.

– А, так вот чем можно привлечь ваше внимание? Громким шумом и мелкими разрушениями? Вот что вращает колесики?

– Ага, – ответил Коди. – Надо было запустить в стену этой фиговой книжкой в первый же день занятий.

– Крутые парни... и девица, – сказал Том, взглянув на сидевшую вместе с «гремучками» Марию Наварре. – Круче некуда. Локетт, у вас с Хурадо очень много общего...

Рик издевательски фыркнул.

– Много, – продолжал Том. – Стараясь переплюнуть друг друга, вы оба ведете себя жестоко и глупо, чтобы произвести впечатление на дураков, рассеявшихся сейчас вокруг вас. Я просмотрел ваши контрольные. Мне ничего не стоит отличить ученика, который лишь притворяется тупицей, от настоящего болвана. Вы оба могли справиться черт знает насколько лучше, если бы...

– Дядя, да у тебя словесный понос, – перебил Коди.

– Возможно. – Из-под мышек у Тома ручьями тек пот, но останавливаться было уже поздно. – Я знаю, что вы оба могли бы справиться гораздо лучше. Однако то ли вы притворяетесь, что котелки не варят, то ли вам скучно, то ли вы попросту... пофигисты. – Последним словом он привлек внимание ребят. – Вот что я вам скажу: оба вы – трусы.

Наступило долгое молчание. Лица Локетта и Хурадо ничего не выражали.

– Ну? – подзадорил Том. – Давайте! Не поверю, что такие крутые парни не могут сказать пару умных слов...

– Да, мне есть что сказать. – Коди встал. – Урок окончен.

– Прекрасно! Иди! Выкатывайся! У Хурадо, по крайней мере, хватает духу остаться и выслушать.

Коди холодно улыбнулся.

– Вы, мистер, идете по жутко тонкой проволоке, – угрожающе произнес он. – На уроках я сижу и слушаю вашу фигню, но после звонка начинается мое время. – Он тряхнул головой, и сережка-череп красной искрой сверкнула на солнце. – Ты кем себя воображаешь, дядя? Думаешь, самый умный и можешь всех лечить? Мистер, да про меня-то ты ни хрена не знаешь!

– Я знаю, что на уроках ты слушаешь – хочешь, чтобы я об этом говорил или нет, все равно. Я знаю, что ты куда сообразительнее, чем стараешься казаться...

– Подумаешь! Отцепись! Окажешься в моей шкуре, тогда и будешь мне мораль читать! А пока пошел к черту!

«Отцепенцы» одобрительно загалдели. Кто-то зааплодировал. Том посмотрел на Рика Хурадо: тот медленно хлопал в ладоши.

– Эй, Локетт! – насмешливо проговорил он. – В артисты собрался, ушлепок? Не миновать тебе премии!

– Что, не нравится? – Тон Коди был холодным, но глаза горели. – Тогда ты знаешь, что делать, козел.

Рик прекратил хлопать. Ноги изготовились вынести напрягшееся тело из-за парты.

– Может, я так и сделаю, Локетт. Приеду и спалю твой сраный дом – как твои люди пожгли наши дома.

– Хватит угроз, – сказал Том.

– Ну, насмешил! – издевательски выкрикнул Коди, игнорируя учителя. – Никаких домов мы не жгли. Ты небось сам их спалил, чтобы можно было поорать, будто это наших рук дело!

– Приходи к нам вечером, *hombre*, – спокойно отозвался Рик, – устроим тебе по-настоящему жаркую фиесту. – На губах парнишки застыла жестокая ухмылка.

– Ах, дрожу! – Коди знал точно, что никто из «щепов» не поджигал домов на Украине.

– Ну, довольно! – потребовал Том. – Почему бы вам не оставить свои дурацкие разборки?

Оба мальчика сверкнули на учителя глазами так, словно тот был самым бесполезным насекомым, какому случалось выползть на свет божий.

– Дядя, – сказал Рик, – понимал бы ты чего-нибудь! И учеба твоя – фигня. – Он устало взглянул на Тома. – Я-то постарался и доучился. Но у меня полно знакомых, которые плюнули на это дело.

– Что же с ними стало?

– Кое-кто занялся кокаином и разбогател. Кто-то дал дуба. – Рик пожал плечами. – А кое-кто нашел себе другое занятие.

– Например, работу у Мэка Кейда? Не слишком блестящее будущее. Та же тюрьма.

– А разве лучше ползти каждый день на работу, которую ненавидишь, и лизать начальству задницу, чтобы не вылететь на улицу? – У Рика лопнуло терпение, и он поднялся. – В этом городе старого Престона почти пятьдесят лет лизали во все места. И что вышло?

Том хотел ответить, но крыть было нечем.

– Так ты, выходит, знаешь не все на свете? – удивился Рик. – Послушай, ты живешь в приличном доме, на хорошей улице и не должен выслушивать, где тебе можно ходить, а где нельзя, словно ты собака на коротком поводке. Ты не знаешь, что это такое – с боем добывать все, что у тебя есть или когда-нибудь появится.

– Суть не в этом. Я говорю о вашем образе...

– В этом, так его растак! – заорал Рик, и Том от изумления замолчал. Парнишку затрясло. Сжав кулаки, Рик переждал приступ гнева. – В этом, – повторил он. – Не в учебе. Не в книжках, написанных покойниками. Не в том, чтобы каждый день лизать чужую задницу, пока не научишься любить ее вкус. Суть в том, чтобы бороться, пока не получишь то, чего хочешь.

– Тогда скажи, чего ты хочешь.

– Чего я хочу? – Рик горько улыбнулся. – Уважения. Ходить по любой улице, какая мне понравится, – даже по вашей, мистер Хэммонд. А если приспичит, то и среди ночи, без того, чтобы шериф ставил меня мордой к своей машине. Я хочу такого будущего, где никто не будет стоять над душой с утра до вечера. Я хочу знать, что завтра будет лучше, чем сегодня. Вы можете дать мне это?

– Я не могу, – сказал Том. – Ты сам – можешь. Главное – не отказываться работать головой. Откажешься – потеряешь все, каким бы крутым себя ни считал.

– Опять слова, – фыркнул Рик, – которые ни шиша не значат. Ладно, читайте свои книжки, написанные покойниками. Учите по ним, если охота. Только не прикидывайтесь, будто они действительно что-то значат, потому что важно только вот это. – Он поднял сжатый кулак, испещренный шрамами, памятью о давнишних драках, и повернулся к Коди Локетту. – Ты! Слушай! Сегодня твоя шлюха обидела моего человека. Сильно обидела. А утром ко мне приходила другая шлюха, со звездой. Ты спелся с Вэнсом? Платишь ему, чтоб не мешал вам жечь наши дома?

– Совсем спятил. – Шериф Вэнс был нужен Коди как рыбке зонтик.

– Я задолжал тебе, Коди. За Пако Ле-Гранде, – говорил Рик. – Вот что я тебе скажу: если кто из моих перейдет через этот хренов мост, лучше их не трогай.

– Тот, кто таскается сюда по ночам, сам напрашивается на трепку. С радостью сделаем вам такое одолжение.

– Ишь, король выискался, так тебя растак! – Не соображая, что делает, Рик поднял парту и отшвырнул ее в сторону. Все «гремучки» и «отщепенцы» мгновенно очутились на ногах, разделенные лишь воображаемой чертой, пересекающей класс. – Мы будем ходить, где нам захочется!

– Только не вечером через мост, – предостерег Коди. – На территорию «щепов» не соваться.

– Ладно, угомонитесь. – Том встал между ними. Он чувствовал себя полным идиотом – угораздило же вообразить, будто из такой затеи выйдет толк. – Драка ничего не...

– Заткнись! – фыркнул Рик. – Тебя это не касается, дядя! – Он не спускал глаз с Коди. – Войны захотел? Нарываешься!

«О господи», – подумал Том.

Танк дернулся было к Рику Хурадо, но Коди ухватил его за руку. Он догадывался, что «гремучки», как все «мокрые спины», ходят с ножами. Все равно сейчас было не время и не место, да и шансы «отщепенцев» взять верх, по мнению Коди, были невысоки.

– Какой мачо! – восхитился он. – Как разговаривает!

– Сейчас мой башмак поговорит с твоим задом! – пригрозил Рик.

Он не выходил из образа крутого парня, но в глубине души не желал драки. Шансы «гремучек» не казались ему такими уж явными. Вдобавок он сообразил, что «щепы» могут быть при ножах. Его собственный нож лежал в шкафчике, а остальным он не позволял носить оружие в школу.

– Давайте разберемся сейчас! – выкрикнул Пекин.

Рик с трудом подавил желание заехать ему по зубам. Пекин любил затевать драки, но редко доводил их до конца.

– Устраиваешь разборку, Хурадо, – вызывающе сказал Коди, вздрогнув от неожиданности, когда Танк закудахтал, подстрекая «гремучек».

– Здесь никаких драк не будет! – крикнул Том, понимая, что его не слушают. – И если я увижу какую-нибудь свару на стоянке, тут же иду в канцелярию и звоню шерифу! Понятно?

– К едрене фене твоего шерифа! – рявкнул Бобби Клэй Клеммонс. – Мы и ему навешаем!

Сцена затягивалась. Коди, готовый к тому, что первый ход сделают «гремучки», примеривался, как бы ловчее ударить Хурадо в солнечное сплетение, но Рик стоял неподвижно, ожидая нападения.

В дверном проеме, хромая, появилась какая-то фигура. И замерла как вкопанная.

– О! Красный свет – хода нет!

Догадавшись по тонкому детскому голоску, кто это, Коди обернулся. Человек, остановившийся в дверном проеме, был одет в серую форму, держал в руках швабру и толкал перед собой что-то среднее между корзиной для мусора и машиной для отжимания белья. Ему шел седьмой десяток. Круглое как луна лицо портили глубокие морщины и коричневые старческие пятна, а седые волосы были подстрижены так коротко, что голова казалась припорошенной тонким слоем пепла. На левом виске виднелась вмятина. На прикрепленном к форме сторожа ярлычке значилось: «Сержант».

– Прошу прощения, мистер Хэммонд. Я не знал, что тут еще кто-то есть. Зеленый свет горит – нам идти велит! – Сержант пошел прочь, хромая на правую ногу.

– Нет! Подождите! – позвал Том. – Мы уже уходим. Правда? – спросил он ребят.

Ответа не было, только Пекин хрустел пальцами.

Инициативу взял Коди.

– Захочешь, чтоб вложили ума, – всегда знаешь, где меня найти. Но чтобы вечером на территорию «щепов» не совались. – Не дожидаясь ответа, он повернулся к Рику спиной и гордо направился к двери.

«Отщепенцы» последовали за ним. Танк задержался немного, прикрывая отход, потом тоже ушел.

Рик громко выругался, но спохватился. Момент был неподходящий. Всему свое время.

За него проорал Пекин:

– Идите на хрен, придурки!

– Эй! – нахмурился Сержант Деннисон. – Такой грязный рот мама должна прополоскать! – Он неодобрительно взглянул на Пекина, окунул швабру в ведро и принялся за работу.

– Было обалденно приятно, мистер Хэммонд, – сообщил Рик. – Может, в следующий раз мы все заглянем к вам домой, угостимся молочком с печеньем?

Сердце у Тома все еще бешено колотилось, но он постарался сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

– Запомни, что я сказал. Ты слишком хорошо соображаешь, чтобы растратить жизнь на...

Рик сплюнул на линолеум. Сержант бросил мыть пол. Лицо сторожа выразило праведный гнев пополам с растерянностью.

– Ну погоди! – пригрозил он. – Бегун тебе ноги отгрызет!

– Ах, как страшно!

Все знали, что Сержант – чокнутый, но Рику старик нравился. Мистер Хэммонд, пожалуй, тоже, а то, что учитель попытался сделать несколько минут назад, вызвало у парнишки чувство сродни восхищению. Однако демонстрировать учителю слабость Рик, безусловно, не собирался. Это было просто не принято.

– Сваливаем, – велел он «гремучкам», и они покинули класс, болтая по-испански, смеясь и колотя по шкафчикам от избытка энергии.

В коридоре Рик дал Пекину подзатыльник чуть сильнее, чем полагалось для шутки, но Пекин лишь ухмыльнулся, показав серебряный передний зуб.

Том стоял и слушал, как гомон стихает, удаляясь по коридору, словно бегущая к далекому берегу волна. Он не принадлежал к их миру и чувствовал себя невероятным кретином. Хуже того, он ощущал себя старым. Том подумал: «Ах, черт, какое фиаско! Чуть не спровоцировал войну двух банд!»

– Успокойся, сынок, они уже ушли, – сказал Сержант, налегая на швабру.

– Простите?

– Это я Бегуну говорю. – Сержант кивнул на пустой угол. – Заводят его эти ребята.

Том кивнул. Сержант продолжил свою работу, морщинистое лицо было сосредоточенным. Насколько знал Том, раненный в последние месяцы Второй мировой войны молодой солдат Деннисон так и не оправился от потрясения и впал в детство. Школьным сторожем он работал уже больше пятнадцати лет, а жил в кирпичном домике в конце Брасос-стрит, напротив городской баптистской церкви. Дамы из Сестринского клуба носили Сержанту обеды и приглядывали за тем, чтобы тот не разгуливал по городу в пижаме, но в остальном он был вполне самостоятелен. Правда, с Бегуном дело обстояло иначе: если вы не соглашались с тем, что пес (неопределенной породы) свернулся клубком в углу, залез на стул или сидит у ног Сержанта, Деннисон смотрел на вас, как на умственно отсталого, и говорил: «Бегун здесь, а где ж ему быть!» Он словно намекал, что шустрый, но робкий Бегун частенько не хочет показываться, но еда, оставленная с вечера в миске на крыльце, к рассвету исчезнет. Дамы из Сестринского клуба давным-давно отказались от попыток втолковать Сержанту, что никакого Бегуна нет, – Деннисон тут же начинал плакать.

– Не такие уж они плохие, – сказал Сержант, отдраивая плевков Хурадо. – Ребята эти. Просто выпендриваются, и все дела.

– Может быть.

Слабое утешение. Том был очень расстроен. Четверть четвертого – Рэй, должно быть, уже ждет возле машины. Открыв верхний ящик стола, Том вынул ключи и почему-то подумал про ключи от машины, которые должны лежать где-то в доме у Пересов. Интересно, мистер Перес хоть раз брал их в руки, чтобы проверить, перевесят ли они жизнь сына? Том почувствовал, как быстро утекает время, и понял: вот сейчас над Великой Жареной Пустотой кружат стервятники. Он задвинул ящик.

– До завтра, Сержант.

– Зеленый свет горит – нам идти велит, – отозвался тот, и Том вышел из расчерченного солнцем класса.

Глава 13

Дом Коди

Мотоцикл свернул на Брасос-стрит. Коди почувствовал, как внутри у него все сжимается. Реакция была произвольной: так напрягаются мышцы перед сильным ударом. До дома было рукой подать, он остановился на углу Брасос-стрит и Сомбра-стрит. Заднее колесо взметнуло пыль из вымоины, и Кошачья Королева (в узловатых руках – метла) крикнула со своего крыльца:

– Не гоняй так быстро, зараза!

Пришлось улыбнуться. В это время дня Кошачья Королева (по-настоящему ее звали миссис Стелленберг, вдова) неизменно подметала площадку перед домом и всякий раз кричала проносающемуся мимо Коди одно и то же. Семьи у Кошачьей Королевы не было, только с дюжину кошек, которые размножались так быстро, что Коди не успевал их считать. Эти твари шныряли по всей округе, а по ночам орали детскими голосами.

Сердце паренька забилося быстрее. Справа приближался его дом: выгоревшие на солнце серые доски, закрытые ставнями окна. У тротуара стоял папашин драндулет – дряхлый темно-коричневый «шевроле» с проржавевшими бамперами и вмятиной на пассажирской дверце. На машине лежал слой пыли, и Коди сразу увидел, что стоит она точно как утром, правыми колесами на тротуаре. А значит, одно из двух: либо отец пошел на работу в городскую пекарню пешком, либо вообще не пошел. И если старик весь день проторчал дома, один, в духоте, то за стенами, может статься, собирается жестокая гроза.

Коди заехал на тротуар, миновал дом Фрейзеров и оказался у себя во дворе. Там рос лишь колючий куст юкки, но и он начал жухнуть. Коди остановил мотоцикл у бетонных ступенек крыльца и выключил мотор. Тот заглох с лязгом, который непременно должен насторожить его папашу.

Коди слез с мотоцикла, расстегнул куртку и вынул из-за пазухи задание по труду: вешалку для галстуков, да не простую: около шестнадцати дюймов длиной, вырезанную из куса палисандра, надраенную наждаком и отполированную так, что поверхность на ощупь казалась прохладным бархатом. В дерево были вделаны квадратики белого пластика, старательно покрытые разводами серебряной краски под перламутр. Квадратики складывались в замысловатый шахматный узор. По краям вешалки Коди вырезал фестоны. К дощечке крепились еще две детали из инкрустированного палисандра. Они удерживали перекладину, на которую и следовало вешать галстуки. Мистер Одил, учитель труда, сказал, что работа хорошая, только непонятно, почему Коди так долго возился. Коди не терпел, когда кто-то стоит у него над душой, поэтому рассчитывать мог только на «уд», но задание было принято, и остальное его не волновало.

Ему нравилось работать руками, хотя он и притворялся, будто труд – чистейшей воды занудство. От него, своего президента, «щепы» ждали здорового презрения почти ко всему, особенно если оно имело отношение к школе. Но руки Коди, похоже, соображали раньше головы – работа по дереву давалась ему легко, как и ремонт машин на станции обслуживания мистера Мендосы. Коди давным-давно собирался отладить свою «хонду», да все откладывал, пока не сообразил, что он как бы «сапожник без сапог». Ничего, на днях он ею займется.

Парнишка снял очки-консервы и сунул в карман. В спутанные волосы набилась пыль. Ему не хотелось подниматься по растрескавшимся бетонным ступенькам и переступать порог, но он жил в этом доме и понимал, что иначе нельзя.

«Зайду – и назад», – подумал он, шагнув на первую ступеньку.

Дверные петли взвизгнули, как ошпаренная кошка. Коди поспешил за непрочную деревянную дверь в полумрак. Запертая в стенах дома жара буквально высасывала воздух из легких, и парнишка оставил внутреннюю дверь открытой, чтобы хоть немного проветрить. Он уже почувствовал кислый перегар «Кентукки джент», любимого папашиного виски.

В ближней комнате, перемешивая тяжелый воздух, крутился вентилятор. На столе около пятнистого дивана валялись игральные карты и стояли переполненная окурками пепельница и невымытый стакан. Дверь в спальню отца была прикрыта. Коди задержался, чтобы распахнуть окна, потом, зажав под мышкой вешалку для галстуков, двинулся к себе в комнату.

Но не успел добраться до нее, как услышал скрип – открылась отцовская дверь. Ноги Коди налились свинцом. И тогда скрежещущий, как покоробленная пила, голос невнятно (дурное предзнаменование!) выговорил:

– Ты чего тут шныряешь?

Коди промолчал, и отец заорал:

– Сын! Остановись и ответь!

У парнишки отнялись ноги. Он опустил голову и принялся разглядывать одну из синих роз, вытканых на нитяном коврикe.

Усталый пол заскрипел под ногами папаши. Запах «Кентукки джент» стал сильнее, к нему присоединился тяжелый дух давно не мытого тела. И разумеется, одеколона: папаша расплескивал его по лицу, шее и под мышками, называя это «помыться». Шаги затихли.

– Ну так что? – спросил папаша. – В молчанку играем?

– Я... думал, ты спишь, – сказал Коди. – Не хотел тебя будить...

– Чушь. Чушь в квадрате. Кто тебе велел открывать окна? Мне тут это окаянное солнце не нужно.

– Жарко. Я подумал...

– Тебе, балбесу, только и думать. – Снова шаги. Ставни с треском захлопнулись, отсекая солнечный свет, превращая его в пыльную серую дымку. – Не люблю солнце, – сказал папаша. – От него бывает рак кожи.

В доме сейчас не меньше девяноста градусов. Коди ощутил, как по телу под одеждой медленно течет пот. Шаги опять направились в его сторону, и Коди дернули за сережку-череп. Он поднял глаза и увидел отца.

– Чего не вставишь такую же в другое ухо? – спросил Кёрт Локетт. С худого лица с квадратной челюстью смотрели глубоко посаженные мутно-серые глаза с сеткой морщин вокруг. – Все бы поняли, что ты сдвинулся вовсе, а не наполовину.

Коди отвел голову, и отец выпустил его ухо.

– В школе сегодня был? – спросил Кёрт.

– Да, сэр.

– Хоть одному копченому ума вложил?

– Почти, – ответил Коди.

– «Почти» не считается.

Кёрт обтер тыльной стороной руки сухие губы, отошел от Коди и плюхнулся на диван. Взвизгнули пружины. Кёрт был столь же жилистым, как и сын, с такими же широкими плечами и тощими бедрами. Припорошенные сединой и редеющие на макушке темно-каштановые волосы он зачесывал назад, намертво закрепляя кок «Виталисом». Курчавые светлые волосы Коди унаследовал от матери, которая умерла в больнице города Одессы, штат Техас, давая ему жизнь. Кёрту Локетту было всего сорок два года, но пристрастие к «Кентукки джент» и долгие вечера в клубе «Колючая проволока» состарили его по крайней мере лет на десять. Под глазами – набрякшие мешки, а по обе стороны от тонкого точеного носа кожу бороздили глубокие морщины. Сейчас он красовался в любимом наряде: ни ботинок, ни носков, лишь заплатанные на коленях джинсы и огненно-красная рубаша с вышитыми на плечах ковбоями, набрасываю-

щими лассо на волов. Вынув из кармана пачку «Уинстона», Кёрт прикурил. Коди смотрел, как колеблется огонек в трясущихся пальцах отца.

– Скоро «мокрые спины» всю землю подомнут, – объявил Кёрт, выдохнув облако дыма. – Все захапуют и еще потребуют. И остановить их можно только одним: напирать по задку. Согласен?

Коди на секунду опоздал с ответом.

– Согласен? – повторил Кёрт.

– Да, сэр. – Коди двинулся в сторону своей комнаты, но отцовский голос снова остановил его.

– Фью! Я тебя не отпускал. Я с тобой разговариваю, сын. – Кёрт снова глубоко затянулся. – На работу пойдешь?

Коди кивнул.

– Хорошо. А то курить нечего. Как думаешь, твой копченый начальник даст пачечку?

– Мистер Мендоса нормальный чел, – произнес Коди, – не такой, как другие.

Кёрт молчал. Вынув сигарету изо рта, он уставился на красный огонек.

– Все они одним миром мазаны, – спокойно отозвался отец. – Все. Будешь думать по-другому, сын, Мендоса тебя наколет.

– Мистер Мендоса всегда был...

– Это что еще за мистер Мендоса? – Кёрт воззрился на сына. «Проклятый сопляк, – подумал он. – Деревянная башка!» – А я тебе говорю, все они одним миром мазаны – и точка. Так принесешь курево или нет?

Коди, не поднимая головы, пожал плечами. Но он чувствовал на себе взгляд отца и волей-неволей пообещал:

– Принесу.

– Договорились. – Отец вернул сигарету в угол рта, затянулся, и табак ало затлел. – А это что за хреновина?

– Ты о чем?

– Вон та хреновина. Вон. – Кёрт ткнул в сына пальцем. – У тебя под мышкой. Что это?

– Ничего.

– Парень, я еще не ослеп! Я спрашиваю, что это такое!

Коди медленно вынул из-под мышки вешалку для галстуков. Ладони взмокли, по шее струился пот. Нестерпимо хотелось глотнуть свежего воздуха. Глядеть на отца мальчику всегда было трудно, словно при виде Кёрта становилось нестерпимо больно глазам, и всякий раз, когда Коди оказывался рядом с папашей, внутри у него что-то обмирало и делалось тяжелым, созревшим для похорон. Но что бы там ни обмирало, иногда оно выкидывало поразительные коленца. Могильщикам с ним было бы не справиться.

– Просто вешалка для галстуков, – объяснил он. – Сделал в школе.

– Отцы-святители! – Кёрт присвистнул, поднялся и направился к Коди. Тот отступил на шаг и только тогда спохватился. – Подними-ка, хочу поглядеть. – Кёрт протянул руку, и Коди позволил ему коснуться вешалки. Пятнистые от никотина пальцы отца ласково прошли по гладкому дереву и квадратикам поддельного перламутра. – Ты сделал? А кто помогал?

– Никто.

– Ей-богу, отлично сработано! Край глаже, чем у бейсбольной биты! Сколько же времени ты возился?

Не привыкший к отцовским похвалам Коди занервничал еще сильнее.

– Не знаю. Конечно, не две минуты.

– Вешалка для галстуков. – Кёрт хмыкнул и покачал головой. – Вот это да! Никогда не думал, что ты можешь сделать такую штуку, сын. Кто тебя научил?

– Сам научился.

– Красивая хреновина, чтоб я сдох. Серебряные квадратики больно хороши. В них весь шик, так?

Коди кивнул. Ободренный отцовским интересом, он осмелился переступить границу, которую они с Кёртом провели давным-давно после бесчисленных ночных скандалов, холодного молчания, пьяных драк и ругани. Сердце Коди зачастило.

– Тебе в самом деле нравится?

– Спрашиваешь!

Коди дрожащими руками подал вешалку отцу.

– Я сделал ее для тебя.

У Кёрта Локетта отвисла челюсть, и он уставился на сына, переводя ввалившиеся глаза с вешалки для галстуков на лицо мальчика и обратно. Медленно протянув обе руки, отец взялся за вешалку. Коди отдал.

– Батюшки! – Кёрт говорил тихо, уважительно. Он прижал вешалку к груди. – Бог ты мой! В магазине ведь такую не купишь?

– Да, сэр. – То, что обмерло внутри у Коди, вдруг встрепенулось.

Пальцы Кёрта играли с деревом. У него были грубые, покрытые шрамами руки человека, который с тринадцати лет рыл канавы, укладывал трубы и клал кирпич. Осторожно, как ребенка, прижимая к себе вешалку, отец вернулся к дивану и сел.

– Красотища, – прошептал Кёрт. – Красотища-то какая! – Мимо лица плыла паутина сигаретного дыма. – Было дело, работал я по дереву, – сказал он, глядя в никуда. – Давным-давно. Брался за любую работу, какая подворачивалась. Бывало, дает мне твоя мама бутерброды на обед и говорит: «Кёрт, сделай так, чтоб сегодня я тобой гордилась», а я отвечаю: «Бу сде, Сокровище Мое». Это я твою мамку так звал – Сокровище Мое. Ох, какая ж она была хорошенькая... Глянешь на нее – и поверишь в чудеса. Такая хорошенькая... красавица моя. Сокровище. Вот как я звал твою мамку. – Глаза отца повлажнели.

Сжимая вешалку обеими руками, Кёрт пригнул голову.

Коди услышал, как отец словно подавился. Сердце парнишки болезненно сжалось, будто от удара. Ему случалось видеть папашины пьяные слезы, но сейчас дело обстояло иначе. Эти слезы пахли не виски, а болью. Мальчик не знал, сумеет справиться или нет, и, поколебавшись, сделал шаг к отцу. Второй шаг дался легче, третий – совсем легко. Коди поднял руку, чтобы тронуть отца за плечо.

Тело Кёрта сотрясла дрожь. Он со свистом втянул воздух, словно в приступе удушья, и вдруг поднял голову. Коди увидел, что хоть глаза у папаши и были мокрые, но старик смеялся. Смех делался все жестче, отрывистее, пока из горла Локетта-старшего не послышалось ухающее ворчание дикого зверя.

– Идиот проклятый! – удалось выговорить хрюкавшему от смеха Кёрту. – Чертов кретин! Ты же знаешь, у меня нет галстуков!

Рука Коди сжалась в кулак. Он опустил ее.

– Ни единого! – проорал Кёрт, запрокинув голову и сдавленно хихикая. По морщинкам возле глаз сбегали слезы. – Боже милостивый, что за дурака я вырастил!

Коди стоял тихо-тихо. На виске билась жилка. За крепко сжатыми губами прятались стиснутые зубы.

– Какого черта ты не сделал мне скамеечку для ног, парень? Скамеечку я бы нашел куда девать! Что, черт тебя побери, мне делать с вешалкой для галстуков, если их у меня сроду не было!

Мальчик дал отцу посмеяться еще секунд тридцать, а потом отчетливо и твердо сказал:

– Ты сегодня не пошел в пекарню. Так?

Смех с бульканьем оборвался, будто вода, застоявшаяся в кухонной раковине, нашла себе выход. Кёрт с еще непросохшими глазами несколько раз кашлянул и затушил сигарету о покрытый ожогами стол.

– Ну не пошел. Какое твое собачье дело?

– Я тебе скажу какое, – ответил Коди. Он держался очень прямо, а глаза были похожи на выжженные дыры. – Мне надоело отдуваться за твое разгильдяйство. Осточертело вкалывать на бензозаправке и смотреть, как ты просираешь денежки...

– Думай, что говоришь! – Кёрт встал – в одной руке вешалка, другая сжата в кулак.

Коди дрогнул, но не отступил. Ярость сжигала его изнутри, надо было выговориться.

– Я тебя больше не прикрываю, слышишь! Я не стану звонить в твою затраханную пекарню и врать, будто ты приболел и не можешь выйти на работу! Они же знают, что ты пьянчуга! Всем известно, что ты и гроша ломаного не стоишь!

Кёрт взревел и кинулся на сына, но Коди оказался проворнее. Кулак пропахал пустоту.

– Давай-давай, стукни! – Коди, пятясь задом, выбрался за пределы досягаемости. – Давай, старая сволочь! Только попробуй!

Кёрт качнулся вперед, зацепился ногой за ногу, рухнул на стол и с яростным воплем скатился на пол. На него дождем посыпались игральные карты и пепел.

– Давай! Давай! – подзадоривал обезумевший Коди.

Он подбежал к окну и распахнул ставни. Комнату затопил палящий белый свет, открывший взору грязный ковер, растрескавшиеся стены, обшарпанную мебель из комиссионки. Свет упал на Локетта-старшего, который пытался встать посреди комнаты на нетвердые ноги. Заслонив глаза рукой, он пронзительно крикнул:

– Убирайся! Катись из моего дома, сука! – Отец швырнул в Коди вешалкой для галстуков. Она врезалась в стену и свалилась на пол.

Коди даже не взглянул на нее.

– Выкачусь, – сказал он, тяжело дыша, но уже спокойным голосом, глядя мутными глазами на Кёрта, который загораживал лицо от солнца. – Выкачусь, не волнуйся. Но тебя я больше не прикрываю. Потеряешь работу – сам виноват.

– Я мужчина! – заорал Кёрт. – Не смей со мной так разговаривать! Я мужчина!

Теперь настала очередь Коди смеяться – горьким смехом оскорбленного человека. То, что умерло у него внутри, стало давить еще сильнее.

– Попомни мои слова. – Он повернулся к двери, чтобы уйти.

– Парень! – рявкнул Кёрт, и Коди остановился. – Радуйся, что твоя мать отдала Богу душу. Потому что будь она жива, то возненавидела бы тебя не меньше моего.

Коди мигом очутился за дверью, которая захлопнулась у него за спиной, как капкан. Сбежав с крыльца к мотоциклу, парнишка вдохнул полной грудью, чтобы прояснилось в голове. На миг почудилось, что его мозг втиснули в крохотную коробочку – малейшее давление, и все взорвется.

– Соседи, вы там рехнулись? – крикнул со своего крыльца Стэн Фрейзер. Над брючным ремнем нависало брюхо. – Что вы разорались?

– Поцелуй меня в задницу!

Сев на «хонду» и пнув стартер, Коди издал непристойный звук. Лицо Фрейзера стало малиновым. Он двинулся по ступенькам к Коди, но парнишка рванул с места так быстро, что мотоцикл встал на дыбы, а из-под заднего колеса в воздух полетел песок. Промчавшись через двор, Коди свернул на Брасос-стрит. Красная «хонда» пошла юзом, ее закрутило, развернуло, колеса оставили автограф на асфальте.

А в доме Кёрт поднялся и прищурился. Спотыкаясь, прошел вперед, торопливо закрыл ставни, задраившись от света, и только тогда почувствовал себя лучше. Кёрт не забыл, как умирал его отец. Рак кожи сплошь покрыл лицо и руки коричневыми пятнами, а другой, еще

более страшный рак тем временем сжирал отца изнутри. Это воспоминание мало чем отличалось от тех кошмаров, что преследовали Локетта-старшего по ночам.

Он пробурчал:

– Проклятый мальчишка.

Выкрикнул:

– Проклятый мальчишка!

Разговаривай Кёрт со своим стариком так, как этот сопляк с ним, – давно лежал бы в могиле. Несколько рубцов от самых удачных папашиных ударов ремнем, на котором тот правил бритву, до сих пор украшали его ноги и спину.

Он подошел к двери-ширме и почуял висящий в воздухе запах выхлопа мотоцикла.

– Локетт! – раздался голос Фрейзера. – Эй, Локетт! Надо поговорить!

Кёрт закрыл внутреннюю дверь и запер ее. Теперь свет просачивался только сквозь трещины в ставнях. Снова стало жарко. Кёрт любил потеть – пот выводил из организма вредные шлаки.

Света хватило, чтобы разглядеть на полу вешалку для галстуков. Кёрт поднял ее. Деревянная перекладина с одной стороны расщепилась и отскочила, идеально вырезанный край раскололся, но прочее уцелело. Кёрт понятия не имел, что мальчишка способен смастерить такое. Глядя на вешалку, мужчина припомнил, что умели его собственные руки в те незапамятные времена, когда он был молодым, крепким, с Моим Сокровищем под боком.

Это было задолго до того, как к ожидающему в больничной приемной Кёрту вышел врач с мексиканской фамилией и сказал: «У вас родился сын. Однако, – (Кёрт до сих пор ощущал руку врача-мексиканца на своем плече), – будьте любезны пройти в кабинет». Случилось что-то еще – очень важное, о чем требовалось поговорить.

А все потому, что Сокровище оказалась такой хрупкой. Ее тело отдавало младенцу силы без остатка. Один шанс на десять тысяч, сказал доктор-мексиканец. Бывает, женщина уже настолько измучена, что не выдерживает такого сильнейшего потрясения, как роды. Плюс осложнения... Но, сеньор, жена осчастливила вас здоровым мальчуганом. При сложившихся обстоятельствах могли погибнуть оба. Благодарите Бога, что ребенок выжил.

Оказалось, нужно подписать какие-то документы. С грамотой Кёрт был не в ладах, читала всегда Сокровище. Поэтому он просто с умным видом нацарапал свое имя там, где полагалось.

Стиснув вешалку для галстуков, Кёрт чуть было снова не запустил ею в стену. На кой черт нужен ребенок без матери? И на кой черт нужна вешалка для галстуков без галстуков? Однако доламывать красивую вещь не стал, а понес ее в спальню к смятой постели, грязной одежде и четырем пустым бутылкам из-под виски, выстроившимся в ряд на гардеробе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.